

ВЕСТНИК

Северо-Восточного федерального
университета имени М.К. Аммосова

VESTNIK

of North-Eastern Federal University

СЕРИЯ
«АЛТАИСТИКА»

SERIES
«ALTAISTICS»

№ 2 (02)

2021

Научный журнал
Сетевое издание
Издается с 2021 года
Журнал выходит 4 раза в год

16+

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

2 (02) 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор *А. Н. Николаев*, д. б. н.

Заместитель главного редактора, редактор серии: *Г. Г. Филиппов*, д. филол. н.

Выпускающий редактор *Л. Е Манчурина*, к. филол. н.

Члены редакционной коллегии серии:

Ан Сан Чоль, PhD, директор Института имени короля Седжона в г. Якутске, Корея (по согласованию); *К. Ж. Айдарбек*, д. филол. н., ассоциированный проф. кафедры казахского и русского языков, Казахский Национальный Аграрный исследовательский университет, Казахстан (по согласованию); *И. Е. Алексеев*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Е. Н. Афанасьева*, к. филол. н., доцент Политехнического института (филиала) СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Е. Ф. Афанасьева*, к. филол. н., доцент Бурятского госуниверситета им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия (по согласованию); *М. В. Бавуу-Сюрюн*, д. филол. н., проф. кафедры тувинской филологии и общего языкознания Тувинского госуниверситета, Россия (по согласованию); *Нь. С. уола Багдарыын*, к. филол. н., н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *А. Н. Варламов*, д. ф. н., н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *А. А. Васильева*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *С. П. Васильева*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Л. Л. Габышева*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Н. И. Данилова*, д. филол. н., гл. н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *П. П. Даширмаева*, д. филол. н., проф. Бурятского госуниверситета им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия (по согласованию); *Л. С. Ефимова*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *О. С. Жубаева*, д. филол. н., проф. Казахского национального университета имени Аль-Фараби, Казахстан (по согласованию); *А. Д. Каксин*, д. филол. н., в. н. с. Хакасского госуниверситета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия (по согласованию); *Канг Дуксу*, PhD, Институт российских исследований, Университет иностранных языков «Хангук», Корея (по согласованию); *Г. Килли Йылмаз*, PhD, проф. Анкарского университета, факультета языков, истории и географии, Турция (по согласованию); *В. Д. Монастырев*, к. филол. н., в. н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *В. Н. Мушаев*, д. филол. н., проф., зав. кафедрой калмыцкого языка, монголистики и алтаистики Калмыцкого госуниверситета им. Б.Б. Городовикова, Россия (по согласованию); *А. А. Находкина*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Б. Ч. Ооржак*, д. филол. н., в. н. с. НОЦ «Тюркология» Тувинского госуниверситета, Россия (по согласованию); *А. Б. Салкынбай*, д. филол. н., проф. Казахского национального университета им. Аль-Фараби, Казахстан (по согласованию); *Такаши Осава*, PhD, проф. Университета Осака, факультета языков и культуры, кафедра языка и общества, курс азиатских и африканских исследований, Япония (по согласованию); *Г. Г. Тортоев*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *М. Д. Чертыкова*, д. филол. н., в. н. с. Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского госуниверситета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия (по согласованию); *А. Е. Шамаева*, к. филол. н., СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Л. А. Шамина*, д. филол. н., гл. н. с. сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, Россия (по согласованию); *С. И. Шарина*, к. филол. н., в. н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию).

Адрес учредителя и издателя: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677000, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 219

Тел.: +7 (4112) 49-67-50

E-mail: altaistics2020@mail.ru

Северо-Восточный федеральный университет <https://altaisticsvfu.ru>

VESTNIK OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY
«ALTAISTICS» SERIES

Scholarly journal
Online periodical
Published since 2021
Published 4 times a year

Founder and publisher: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education
“M. K. Ammosov North-Eastern Federal University”

2 (02) 2021

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES

Editor-in-Chief: *A. N. Nikolaev*, Doctor of Biological Sciences
Deputy Editor-in-Chief: *G. G. Filippov*, Doctor of Philological Sciences
Commissioning Editor: *L. E. Manchurina*, Candidate of Philological Sciences

Editorial Team of the Series:

Ahn Sang-Cheol, PhD, Director, Sejong Institute in Yakutsk, Korea (on agreement); *K. J. Aidarbek*, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Kazakh and Russian Languages, Kazakh National Agrarian Research Institute, Kazakhstan (on agreement); *I. E. Alekseev*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *E. N. Afanasieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Polytechnic Institute (branch), M. K. Ammosov NEFU, Russia; *E. F. Afanasieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia (on agreement); *M. V. Bavuu-Surun*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Tuvan Philology and General Linguistics, Tuva University, Russia (on agreement); *N. S. uola Bagdaryyn*, Candidate of Philological Sciences, researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (IHRISN SB RAS), Russia (on agreement); *A. N. Varlamov*, Doctor of Philological Sciences, researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *A. A. Vasilieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *S. P. Vasilieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *L. L. Gabysheva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *N. I. Danilova*, Doctor of Philological Sciences, chief researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *P. P. Dashinimaeva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia (on agreement); *L. S. Efimova*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *O. S. Zhubaeva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan (on agreement); *A. D. Kaksin*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia (on agreement); *Kang Duck-soo*, PhD, Institute of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies, Korea (on agreement); *G. Killi Yilmaz*, PhD, Professor, Faculty of Languages, History and Geography, Ankara University, Turkey (on agreement); *V. D. Monastyrev*, Candidate of Philological Sciences, leading researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *V. N. Mushaev*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Kalmyk Language, Mongol Studies and Altaics, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University, Russia (on agreement); *A. A. Nakhodkina*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *B. Ch. Oorzhak*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, Turkic Studies Center, Tuvan University, Russia (on agreement); *A. B. Salkynbai*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan (on agreement); *Takashi Osawa*, PhD, Professor, Asian and African Studies Course, Department of Language and Society, Faculty of Languages and Culture, University of Osaka (on agreement); *G. G. Torotoev*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *M. D. Chertykova*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, Institute of Humanities Research and Sayan-Altai Turkic Studies, N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia (on agreement); *A. E. Shamaeva*, Candidate of Philological Sciences, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *L. A. Shamina*, Doctor of Philological Sciences, chief researcher, Department of Languages of people of the North, Institute of Philology, SB RAS (on agreement); *S. I. Sharina*, Candidate of Philological Sciences, leading researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement)

Address of the founder and publisher: 677000, Yakutsk, ul, Belinskogo, 58
Address of the editorial office: 677000, Yakutsk, ul, Kulakovskogo, 42, office 219
Phone: +7 (4112) 49-67-50
E-mail: altaistics2020@mail.ru
North-Eastern Federal University <https://altaisticsvfu.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ЯКУТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

<i>Филиппов Г. Г.</i> О синонимии причастных зависимых полипредикативных конструкций, образованных формами <i>-табыттан</i> и <i>-ыабыттан</i> в якутском языке	5
<i>Иванова И. Б.</i> Лексические средства выражения функционально-семантической категории количественности в якутском языке: имена числительные	16
<i>Лежнин Р. А.</i> Топонимия села Чиланы Таштыпского района республики Хакасия	25
<i>Васильева А. А.</i> Сопоставительная грамматика разносистемных языков как теоретическая основа русско-якутского перевода	31
<i>Сивцева Н. С.</i> Использование функционального аналога при русско-якутском переводе религиозной лексики	43
<i>Герасимова Е. С., Дегтярева М. Г.</i> Дублированный русско-якутский художественный перевод мультипликационных фильмов	52

ЯЗЫКИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

<i>Ушницкая Н. Ю.</i> Оленеводческая лексика каларских эвенков (по материалам экспедиции в Каларский район Забайкальского края)	65
---	----

ЮБИЛЕИ, ДАТЫ, СОБЫТИЯ

<i>Огорокова В. Б., Попова М. П.</i> Н. Н. Тобуроков – академик Международной Тюркской Академии	77
---	----

CONTENT

YAKUT LINGUISTICS. RESEARCH IN TURKIC LANGUAGES

<i>Filippov G. G.</i> On the synonymy of participial dependent polypredicative constructions with the -табыттан and -ыабыттан forms in the Yakut language	5
<i>Ivanova I. B.</i> Lexical means of expressing the functional-semantic category of quantitiveness in the Yakut language: numeral names	16
<i>Lezhnin R. A.</i> Toponym of the village of Chilany, Tashtypsky district of the Republic of Khakassia	25
<i>Vasileva A. A.</i> Contrastive grammar of heterogeneous languages as a theoretical framework of Russian-Yakut translation	31
<i>Sivtseva N. S.</i> The use of a functional analogue in the Russian-Yakut translation of religious vocabulary	43
<i>Gerasimova E. S., Degtyareva M. G.</i> Dubbed Russian-Yakut literary translation of animated films	52

LANGUAGES OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH

<i>Ushnitskaya N. Yu.</i> Reindeer herding vocabulary of the Kalar Evenks (based on the materials of the field research in Kalarsky District, Zabaykalsky Krai)	65
---	----

ANNIVERSARIES, DATES, EVENTS

<i>Okorokova V. B., Popova M. P.</i> N. N. Toburokov – Academician of the International Turkic Academy	77
--	----

– ЯКУТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ –

УДК 811.512.157'373.421

Г. Г. Филиппов

О синонимии причастных зависимых полипредикативных конструкций, образованных формами *-таҕыттан* и *-ыаҕыттан* в якутском языке

СВФУ им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Изучение семантики зависимых полипредикативных конструкций, образованных предикативным склонением является актуальным по следующим обстоятельствам: во-первых, семантика некоторых предикативных конструкций не всегда соответствует значению склоняемых предикативных членов; во-вторых, из-за этого происходит синонимия конструкций, образованных противоположными по значению причастных форм; в-третьих, исследователи особо не обращают свое внимание этому вопросу. Синонимия зависимых полипредикативных конструкций, образованных причастиями на *-ых*, *-тах* и *-быт* в исходном падеже и имеющих значение предшествования, описана профессором Убратовой Е.И. Перед исследователями встал вопрос не только о природе их синонимии, но и о сути происхождения семантики всех причастных полипредикативных конструкций, образованных посредством управления в якутском и в тюркских языках. В современном якутском языке эти причастия имеют разные временные значения со своеобразными видо-модальными оттенками: зависимые полипредикативные конструкции с *-ых* выражают будущее время с долженствовательной модальностью; *-быт* – давнопрошедшее время с результативным видовым оттенком; *-тах* – прошедшее время с предположительной модальностью. Исходный падеж многозначен, но в данной позиции имеет значение исхода, начала зависимого действия. Таким образом, причастия кажутся синонимичными в данных причастных полипредикативных конструкциях: *кэлиэбиттэн үлэлиир*, *кэллэбиттэн үлэлиир*, *кэлбиттэн үлэлиир* “работает (со дня) с приезда”. Нас больше интересует семантика предшествования конструкции *кэлиэбиттэн үлэлиир* в котором причастие на *-ых* в составе ЗПК имеет значение прошедшего времени. С другой стороны она служит ключом для анализа зависимых полипредикативных конструкций, ибо она указывает еще на иную природу происхождения семантики зависимой причастной конструкции кроме значения причастия и падежа. В действительности, синонимичными являются не причастия, а образованные с их участием зависимые причастные полипредикативные конструкции. А причастия или их спрягаемые формы выражают прошедшее время по отношению к настоящему времени действия главного предиката причастных полипредикативных конструкций (ППК). Значения предшествования образуют еще и другие конструкции, но они синонимичны в разной степени. Целью данной статьи является анализ вышеупомянутых синонимических форм и раскрытие природы образования значения причастных зависимых полипредикативных конструкций в якутском языке. Для этого в исследовании используются сравнительный метод и компонентный анализ форм, участвующих в образовании указанных синонимичных зависимых полипредикативных конструкций.

ФИЛИППОВ Гаврил Гаврильевич – д. филол. н., профессор, почетный директор Института языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: filippovgg@mail.ru,

FILIPPOV Gavril Gavril'evich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Honorary Director, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Ключевые слова: синонимия, причастие, причастный зависимый член, полипредикативная конструкция, предшествование, следование, временное, субъектное, объектное, модально-обстоятельственное значение зависимых полипредикативных конструкций.

G. G. Filippov

On the synonymy of participial dependent polypredicative constructions with the *-таҕыттан* and *-ыаҕыттан* forms in the Yakut language

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The study of semantics of dependent polypredicative constructions formed by the predicative declension is relevant for the following reasons: first, the semantics of some predicative constructions does not always corresponds to the meaning of inflected predicative members; second, this produces synonymous constructions formed by participial forms that are opposite in meaning; and third, researches have not studied this issue sufficiently enough. The synonymy of dependent polypredicative constructions (DPC) formed by participles with *-ыах*, *-тах* and *-быт* in the ablative case and having the meaning of precedence were described by Professor E. I. Ubryatova. Then the researchers faced the question of not only the nature of their synonymy, but also about the origin of meanings of all participial polypredicative constructions (PPC) formed by government in the Yakut and Turkic languages. In the modern Yakut language, these participles have different temporal meanings with peculiar aspect-modal shades: for example, DPCs with *-ыах* express the future tense with the obligation modality; *-быт* – a long past time with the result aspect; *-тах* – the past tense with the presumptive modality. The ablative case is polysemous, but in this position, it has the meaning of the starting point, the beginning of the dependent action. Thus, the participles seem to be synonymous in these PPCs: *кэлиэбиттэн үлэлиир*, *кэлэбиттэн үлэлиир*, *кэлбиттэн үлэлиир* “works (from the day) from arrival”. We are more interested in the semantics of precedence in the construction *кэлиэбиттэн үлэлиир*, where the participle with *-ыах* within the DPC has the meaning of the past tense. On the other hand, it serves a key for the analysis of DPCs, since it indicates another origin of semantics of the DPC besides its meaning and case. In fact, it is not the participles that are synonymous, but the dependent PPCs formed by them. And participles or their inflected forms express the past tense in relation to the present tense of the main predicate of PPCs. The meanings of precedence also form other constructions, but they are synonymous to varying degrees. The article aims to analyze the above-mentioned synonymous forms and to reveal the nature of the meaning formation of dependent PPCs in the Yakut language. To do this, the research uses the comparative method and the component analysis of the forms used in forming the mentioned synonymous dependent polypredicative constructions.

Keywords: synonymy, participle, participial dependent member, polypredicative construction, precedence, succession, temporal, subjective, object, modal-adverbial meaning of dependent polypredicative constructions.

Введение

Зависимый причастный предикативный член (ЗППЧ) как основной элемент синтаксиса сложного предложения исследован с разных аспектов. Его значения традиционно рассматриваются и классифицируются с семантико-функциональной стороны: тогда значения определяются по форме их образования. Лишь немногие исследователи обращают внимание на глубинную многоуровневую суть отношений двух предикативных центров сложных предложений. Например, исследователи временных сложных предложений рассматривают в своих работах только явные временные отношения, а скрытые, но действительно существующие временные значения остаются вне поля их зрения. Таким образом, в суть элементов, образующих значения зависимых причастных конструкций (ЗПК), вникают неполностью. Например, *Убай-ым дойдутугар тийибитин истибитим* – ‘слышал о том, что брат добрался до родины’. В данной ЗПК зависимый причастный член *тийибитин*, наряду с объектным имеет временное значение предшествования, которое образуется временными отношениями двух предикативных членов. Из чего следует, что в каждом причастном ЗПЧ вместе с другими значениями существует и временное. А в данной ЗПК зависимый причастный предикативный член имеет

дополнительное значение, которое передается не только аффиксом падежа, но и отношениями семантики зависимого и главного сказуемых.

Таким образом, исследование роли разных компонентов зависимого причастного предикативного члена в образовании (происхождении, создании, появлении) той или иной совокупности его значений является одной из важных задач изучения сложного предложения. Для сравнительного анализа нами специально выбрана синонимия предшествования зависимых причастных предикативных членов, образованная разными по семантике причастиями на *-ых*, *-ыт* и *-тах*. Метод исследования – компонентный анализ значения предшествования каждой конструкции в отдельности и в сопоставлении.

Е.И. Убрятова временные отношения зависимого и главного предикативных членов классифицирует по времямодальному отношению зависимого члена ко времени главного предикативного члена. По ее мнению, зависимый предикативный член обозначает обстоятельства совершения действия главного предиката. Т. е. временные отношения причастных ППК она рассматривает традиционно: по принципу классификации деепричастных ППК. Так значение причастного ЗПЧ, выражающего временное отношение *кэлиэбиттэн үлэшир* – ‘работает с тех пор как приехал’, признает как *предшествование* [5, 431]. Значение этой же конструкции Н.Н. Ефремов называет *следованием* [3, 27], так как он основывается на теоретических постулатах книги «Грамматика современного русского литературного языка», по которым значение временной связи определяется темпоральной локализацией событий главной части относительно события зависимой части. Если главное событие следует за событием зависимой части, то речь идет о *следовании*. Если же главное событие предшествует зависимому событию, то имеется в виду *предшествование* [2, 729-733]. В якутском языкознании, если зависимое событие предшествует главному действию, это *предшествование*, а если зависимое событие следует за главным действием – это *следование*. Авторы ГСЯЛЯ на основе теоретического положения о том, что в «СПП признак, обозначенный в главной части, предстает как более существенный, значительный, чем признак, названный в зависимой части», значения разновременных придаточных предложений определяют по времени совершения главного предиката по отношению к зависимой части [1, 262]. «Темпоральные конструкции составляют ядро всей функциональной и структурной системы сложного предложения. Временные отношения между событиями так или иначе выражаются в любых ППК. Но в специальных (причинных, уступительных и т.п.) типах они составляют фон, а в темпоральных конструкциях – основное синтаксическое содержание связи. Они формируют ту базисную структуру, на которую налаживаются специализированные типы отношений» [8, с. 3].

Таким образом, когда говорится о временных отношениях частей сложного предложения, то ставится вопрос о порядке следования частей ЗПЕ и ГПЕ, т.е. о форме их выражения и о значении зависимого предиката. Например, в предложении *Кини куоракка үлэшир эрдэбиттэн оболоро тыаба сайылыылара* – ‘Его дети отдохали летом в деревне с тех пор, когда он работал в городе’ вопрос к придаточному предложению задается для выявления формы придаточной части, для определения его значения. Этот ЗПЧ выражен причастием настоящего времени в основном падеже с послелогом *эрдэбиттэн* (*эр+тэх+э+ттэн*) и имеет временное значение предшествования, т.е. показывает начало совершения основного действия.

Для анализа семантики зависимого члена сложноподчиненного предложения (СПП) сперва надо выделить значения, образуемые отношениями главных составных частей. В отношениях причастного ЗПЧ с главным предикативным членом выражаются: во-первых, временные отношения (они выражены формами времени главного и зависимого предикатов); во-вторых, субъектно-объектно-обстоятельственные отношения зависимого предикативного члена к ГПЧ, которое выражается формой склонения ЗПЧ.

Эти отношения существуют в каждом ЗПЧ, но из них реализуются те, которые актуализируются в данном конкретном предложении. Нас интересует временное отношение предшествования ЗПК. А именно, зависимые причастные конструкции, образованные формами на *-ыбыттан*, *-табыттан* и *-бытыттан*.

Анализ синонимии форм на *-ыабыттан*, *-табыттан* и *-бытыттан*

Формы предшествования, по подсчету Н.Н. Ефремова (он их называет следованием), образуются 22 моделями, которые выражаются деепричастиями (одна модель), формой склонения (две модели), именами с послелогом (две модели), причастными синтетическими формами (четыре модели), причастными аналитическими моделями (тринадцать моделей) [3, 48]. Из них имеют значения начало совершения главного действия следующие модели: *сущ.+эрдэх//тэн* (*оҕо эрдэхтэн* – ‘с детства’); *прилаг+эрдэх//тэн* (*эдэр эрдэхтэн* ‘с молодости’); *Т -ар эрдэх//тэн* (*ыллыыр эрдэхпиттэн* – ‘с тех пор когда пел’); *Т -ыха//исх.*; *Т ыха//исх ыла*; *Т -ыха исх бэттэх*; *Т -ыха//саҕалаан* (*кэлиэхпиттэн* (*ыла, бэттэх, саҕалаан* – ‘начиная с приезда’); *Т -быт//исх.*; *Т -быт//исх ыла*; *Т -быт исх бэттэх* (*көрбүтүттэн* (*ыла, бэттэх, саҕалаан*) – ‘начиная с тех пор, когда увидел’); *Т -тах//исх*, *Т -тах//исх ыла*; *Т -тах//исх бэттэх* (*ылабыттан ыла* (*бэттэх*) – ‘с тех пор, как взял’); *Т -ар//саҕаттан* (*үөрэнэрбит саҕаттан* – ‘с тех пор когда учились’). Как видно из представленных форм, для выражения значения предшествования используются: существительные, прилагательные + послелог *эрдэх//+исх* п.; причастия на *-ыха*, *-ар*, *-тах//исх* п. с послелогом *ыла*, *бэттэх*, *саҕалаан*. Из этих форм нас интересует причастие на *-ыха*, имеющее семантику будущего времени.

О синонимии форм *-табыттан*, *-ыабыттан* и *-бытыттан* впервые написала Е.И. Убрятова. Она выявила синонимичное употребление форм на *-тах*, и *-ыха* в форме безличного исходного падежа с послелогом *ыла* ‘начиная’. *Сайылыкка көһүөхтэн ыла мин кинини көрсө иликпин* и *Сайылыкка көстөхтөн ыла мин кинини көрсө иликпин* ‘С (начала) переезда в летник я с ним не встретился’. В данном контексте причастия на *-ыха* и *-тах* использованы в функции имени действия, поэтому не имеют конкретного временного значения, но ЗПК с их участием выражают прошедшее действие. Елизавета Ивановна считает, что в современном якутском языке вторая форма становится менее употребительной, т.е. вытесняется первой формой и объясняет это тем, что форма на *-тах* в последнее время теряет причастные свойства и оглаголивается.

Е.И. Убрятова перечисляет следующие синонимичные временные полипредикативные конструкции, образованные причастиями на *-быт* и *-ыха* и управляемые послелогом *ыла* ‘с’ в исходном падеже:

Маайа Киллэм дэриэбинэтигэр олоруобуттан ыла элбэх дьахталлар олохторун кытта билсибитэ [НЯ Т 181] ‘С тех пор, как Майя поселилась в деревне Киллэм, она познакомилась с жизнью многих женщин’.

Бэйэтэ, сээкэйи өйдүүр буолуобуттан Мугучай хотонугар баар эбит [Э ТА 245] ‘С тех пор, как начал понимать всякое, в хлеву Мугучая был, оказывается’.

Сэмэн төрөөбүтүттэн ыла, кэпсэтэр кэпсэтиилэрэ, саныыр санаалара кини эрэ буолбута [НЯ Т 133] ‘С тех пор как родился Семен, все их разговоры, все их мысли занял лишь он’.

Уйбаан Сэмэнэбис Маайа кумаабытын ылан барбытыттан ыла ууга бырахпыт таас курдук, сүтэн хаалбыта ‘С тех пор как Иван Семенович уехал, взяв бумаги Майи, словно камень брошенный в воду, потерялся он’.

Кини Бэстээх бөһүөлэгинээби сэбиэскэ үлэлиэбиттэн ылата улахан ытыктабылынан туһанар ‘С тех пор как он стал работать в Бэстяхском поселковом совете, (он) пользуется большим почетом’.

Кинини кулубаҕа талбатахтарыттан ыла, сүрэ-кута тостубут [НЯ Т 189] ‘С тех пор, как его не избрали головой, он упал духом (досл. его дух упал)’ [5, 431].

Причастия на *-ыха*, *-тах* и *-быт* отличаются по общей семантике. В определительной и финитной функции они не синонимичны и поэтому не могут быть взаимозаменяемы. Так причастие на *-ыха/-ыха* выражает будущее время, например: *Бүгүн кини мунньахха тыл этиэбэ* ‘Сегодня он выступит на собрании’; *Атын тыл этиэх кини суох* ‘Другого выступающего человека нет (Нет другого человека, который мог бы выступить)’.

Причастие на *-быт/-батах* выражает давнопрошедшее результативное время, например: *Аҕа дойду улуу сэриитэ түөрт сыл барбыта* ‘Великая Отечественная война продолжалась

четыре года' *Сэриштэн эргиллибит* дьон бары бэтэрээн буоллулар 'Все вернувшиеся с войны люди стали ветеранами'.

Причастие на *-тах/-батах* в современном якутском языке обозначает предположительную модальность, например: *Дойдубар билигин хаар түстэбэ* 'На моей родине нынче, наверняка, выпал снег'. Таким образом, причастие на *-тах* выражает недостоверное, возможное, предположительное прошедшее действие, устанавливаемое говорящим лицом. Хотя причастие на *-тах* в своей семантике содержит прошедшее время, но оно не может употребляться вместо причастия на *-быт/-батах*. Например: *Ол аата, эн сэрии кэмигэр төрөөтөбүн* 'Значит, ты, возможно, во время войны родился'. Нельзя заменить *төрөөтөбүн* 'возможно, родился' в *төрөөбүтүн* 'родился': *Ол аата, эн сэрии кэмигэр төрөөбүтүн* – 'Так, ты во время войны родился'. Или по другому: *Ол аата, эн сэрии кэмигэр төрөөбүккүн* – 'Оказывается, ты во время войны родился'. Причастие на *-быт/-батах* выражает давнопрошедшее результативное достоверное время, устанавливаемое говорящим лицом. Эти предложения отличаются видо-модальными оттенками.

Тогда почему они образуют синонимичные конструкции типа: *-ыабыттан* (*-ыабыттан ыла, -ыабыттан бэттэх*), *-табыттан* (*-табыттан ыла, -табыттан бэттэх*), *-бытыттан* (*-бытыттан ыла, -бытыттан бэттэх*) при полипредикативном употреблении? Это специфическое значение, которое выражается предшествующей временной полипредикативной конструкцией по отношению к действию главного предиката.

Конструкция *Кини кэлиэбиттэн* (*ыла, бэттэх*) 'Он, с тех пор как приехал (с приезда, начиная с приезда, после приезда)' выражает зависимое действие, начавшееся до совершения главного действия. При этом форма на *-ыабыттан* как бы обозначает действие, происшедшее до момента речи, то есть противоречащее семантике причастия на *-ыах* – со значением будущего времени.

Конструкция *Кини кэлбититтэн* (*ыла, бэттэх*) 'Он, с тех пор как приехал (после приезда, начиная после приезда, с приезда)' выражает зависимое действие, начавшееся до совершения главного действия. При этом форма на *-бититтэн* обозначает действие, происшедшее до момента речи, то есть соответствующее семантике причастия на *-быт* прошедшего времени.

Для реализации значения конструкции участвуют значения: зависимого предикативного члена (семантика глагола, значения причастия, значения спрягаемых форм, значения падежа, послелога), а также семантика управляющего главного предиката (значения глагола, значение функциональной формы). В этих зависимых конструкциях значение предшествования для причастий на *-тах* и *-быт* как бы естественны, так как в их семантике содержатся значения прошедшего времени. А в причастиях на *-ыах* этих значений нет. Тогда как в них появляется значение предшествования, откуда?

Оказывается, во всех этих трех причастиях спрягаемая форма образуется вспомогательным глаголом э- в форме прошедшего категорического времени на *-ти* с древним аффиксом сказуемости *-м* (*-н, -0, -бит, -гит, -лэр*): *-ыах+э+ти+м* (*-н, -0, -бит, -гит, -лэр*; *-быт+м* (*-н, -0, -быт, -гит, -лар*): *-быт+э+ти+м* (*-н, -0, -бит, -гит, -лэр*; *-тах+м* (*-н, -0, -быт, -гит, -лар*): *-тах+э+ти+м* (*-н, -0, -бит, -гит, -лэр* [7]. В современном якутском языке это спряжение во всех вторичных причастиях образует относительное прошедшее время, семантика которого одинакова в полных и стяженных вариантах. Например: *Мин оччолорго манна кэлэ илигим* (*кэлэ илик этим*) 'Я сюда тогда еще не приехал (было)'; *Эн кинини көрүүхтээх этин* (*көрүүхтээбин*) 'Ты должен был его увидеть'; *Кини биһиэхэ өрүү сылдыааччы этэ* (сылдыааччыта) 'Он обычно у нас бывал (было)' [4].

А в первичных причастиях формы полных и стяженных вариантов спряжения не всегда совпадают, они отличаются: *Эн өрүү үчүгэйдик үөрэнэрин* (*үөрэнэр этин*) 'Ты всегда (обычно) хорошо учился' (значения форм совпадают); *Кини куоракка бэҕэһээ кэлбит этэ* 'Он в город вчера прибыл (было)' (свидетельство); *Кини куоракка бэҕэһээ кэлбитэ* 'Он в город вчера прибыл' (достоверное утверждение). (Значения форм совпадают не в полной мере). *Мин быйыл үөрэххэ кириэх этим* 'Нынче я хотел (желал, мог бы) поступить учиться' (желание, намере-

ние до момента речи); *Мин быйыл үөрэххэ кириэбим* ‘Нынче я поступлю учиться’ (будущее время, высказанное в момент речи). (Значения форм совпадают не в полной мере). А в причастии на *-тах* вариативность спряжений уже исчез.

Анализ значений зависимых спрягаемых форм причастий на *-ых*, *-быт*, и *-тах* позволил установить, что значения прошедшего времени в них передаются спрягаемой формой *э+ти*+древний аффикс сказуемости, который стягиваясь образует синтетическую форму спряжения со значением прошедшего времени. Из-за этого причастие на *-ых*, имеющее изначально значение будущего времени, при зависимой полипредикативной конструкции *-ыабыттан* (*ыла*, *бэттэх*) может выражать предшествование. Спрягаемые формы *-быт+э+ти*+древний аффикс сказуемости и *-тах+э+ти*+древний аффикс сказуемости тоже приобретают значение прошедшего времени дополнительно к своим основным значениям прошедшего времени. Как мы ранее отметили, при стяжении спрягаемой формы при причастии на *-быт* значение освидетельствования превратилось в категорическое утверждение. А изменения при причастии на *-тах* точно установить невозможно, так как в современном якутском языке форма *-тах+э+ти*+древний аффикс сказуемости уже не употребляется. О существовании причастного употребления формы на *-тах* свидетельствует послелог, образованный от этой формы: *обо эр-дэх-хэ* – ‘в детстве’; *обо эр-дэх-п-инэ* – ‘когда я был ребенком’; *обо эр-дэх-тэн* – ‘с детства’; *обо эр-дэх-хи (ин)-ттэн* – ‘когда ты был ребенком’.

Можно констатировать, что аналитическая спрягаемая форма *э+ти*+древний аффикс сказуемости при причастии на *-ар/-бат* в стяженном варианте образует форму “незаконченного прошедшего времени” [4, 114]. Значения полного и стяженного вариантов спряжения идентичны, они выражают обычносовершаемое, повторяющееся в прошлом действие, устанавливаемое говорящим лицом.

Также следует отметить, что аналитическая спрягаемая форма *э+ти*+древний аффикс сказуемости образует не только относительное прошедшее время, но в зависимости от семантики спрягаемого предикативного члена создает новое времямодальное единство. Например, причастия на *-ар/-бат*, *-ых/-ымыах* образуют сослагательную модальность: *Көрбүтүм буоллар, ыйытыах этим* ‘Если увидел, спросил бы’; *Ыгырбыта буоллар, барсар этим* ‘Если пригласил, уехал бы с ним’. В данной конструкции аналитические сочетания *ыйытыах этим* и *барсар этим* имеют значение прошедшего времени “спросил бы” и “уехал бы”. Таким образом, причастие на *-ых* как и причастие на *-ар* могло иметь двоякое употребление: *барар этим* – *барарым* ‘уходил и уходил бы’; *барыах этим* – *барыабым* ‘уходил бы и уйду’. Возможно, такое инфинитивное употребление и его склонение в исходном падеже придали форме на *-ых* значение предшествования.

Исходный падеж выражает отношения исхода предмета от другого предмета, например: *книгэттэн* ‘от (из) книги’, *куораттан* ‘из (от) города’, *долбууртан* ‘с (от) полки’, *дьааһыктан* ‘из (от, с) ящика’, *киһиттэн* ‘с (от) человека’, *хайаттан* ‘с (от, из) горы’ и т.д. Если аффикс исходного падежа присоединяется ко всем именам существительным и выражает различные объектные и обстоятельственные отношения (значения), то употребление с причастиями более избирательно и, в основном, зависит от семантики глагола и причастных форм. Например: *Кини сылдыбытыттан үөрэр* ‘Радуется от того, что он посетил’; *Кини сылдыабыттан үөрэр* ‘Радуется от того, что он посетит / Радуется с тех пор, как только он посетил’; *Кини сылдыарыттан үөрэр* ‘Радуется от того, что он посещает’ (одновременное и причинное значение). В таком сочетании полипредикативная конструкция не может иметь значение предшествования, и не может употребляться с главным предикатом любого причастия, например, *билэр* ‘знает’, *көрөр* ‘смотрит’, *утуйар* ‘спит’ и т.д.

Значение исходного падежа в локативном употреблении склонно выражать начало и исход действия. Поэтому при соответствующем временном отношении зависимого и главного действий причастный зависимый член может выражать отношения предшествования. Например: *Убайым дойдутуттан барыабыттан собуокка үлэлиир* ‘Брат с тех пор, как уехал из родины, работает на заводе’; *Убайым дойдутуттан барбытыттан (ыла) собуокка үлэлиир* ‘Брат по-

сле того, как уехал из родины, работает на заводе»; *Убайым дойдутуттан бардабыттан собуокка үлэшир* 'Брат с тех пор, как уехал из родины, работает на заводе';

Из этих трех зависимых придаточных конструкций значение предшествования более полно выражает форма на *-ыабыттан*, затем форма на *-табыттан*. А форма на *-бытыттан* в этом значении употребляется редко, неполно, часто с помощью послелогов *ыла* 'начиная' и *бэттэх* 'с тех пор'. Е.И. Убрятова отмечает, что форму на *-бытыттан* в современном якутском языке использует только Н.Г. Золоторев-Якутский в романе "Төлкө" ('Судьба'). Оттенки значений этих полипредикативных конструкций не проявляются ярко, но их труднозаменяемость свидетельствует об их естественном индивидуальном видо-модальном различии.

В значении формы на *-ыабыттан* явно прослеживается сема "начиная с тех пор" и "как только сделано действие": *киирэбыттэн* 'как только зашел', *көрүбүттэн* 'как только увидел', *утуйуобуттан* 'как только заснул'.

В значении формы на *-табыттан* можно установить сему "после того как сделал" и "с тех пор как совершил": *киирдэбыттэн* 'после того, как вошел', *көрдөбүттэн* 'с тех пор, как увидел', *утуйдабыттан* 'с тех пор, как спал'. Вероятно, в древности эта форма активно употреблялась для создания значения предшествования в полипредикативных конструкциях. Свидетельством тому является послелог, образованный от вспомогательного глагола *эр-* причастием на *-тах* в форме исходного падежа: *Биһиги оҕо эрдэхпититтэн билсэбит* 'Мы знакомы с детства'. *Кинилэр оскуолаҕа үөрэнэр эрдэхтэриттэн доҕордуулар* 'Они дружат с тех пор как учились в школе'. *Олох кыра эрдэхпититтэн икки сиринэн тиэһиллэн итиллибинит* 'Мы с малолетства воспитывались переезжая по двум местам'.

В значении формы на *-бытыттан* можно выявить семы: "после того, как совершил", "после сделанного". Например: *киирбититтэн* 'после того как зашел (вошел)' (еще: 'от того, что зашел'), *көрбүтүттэн* 'после того как увидел' (еще: 'от того, что увидел'), *утуйбутуттан* 'после того как спал (раньше)' (еще: 'от того, что спал'). В данной форме значение предшествования реализуется только тогда, когда зависимый предикативный член и главный предикат по семантике соответствуют такому отношению. Например: *Кыра кыыстара төрөөбүтүттэн ыла сыһыаннара сымнаабыта* 'После того как родилась младшая дочь их отношения наладлись'.

Таким образом, эти зависимые полипредикативные конструкции синонимичны только по таксисным временным значениям предшествования, которое в большей части поддерживается, выявляется, усиливается значениями спряжения и падежа. А видо-модальные оттенки семантики причастных форм, наоборот, в большей части усиливают их отличие и различие, чем их синонимичность. В этом большую роль играют другие значения, имеющиеся в полипредикативных конструкциях, кроме временных отношений. Так Г.Г. Филиппов в отношениях полипредикативных конструкций выявил четыре типа значения: субъектное, объектное, временное и модально-обстоятельственное [6, 474-480]. Из них субъектные отношения проявляются только в двухсубъектных ППК, а остальные отношения выражаются как дополнительные (изъяснительные), временные и обстоятельно-видо-модальные, иногда явно, иногда скрытно, но обязательно (табл. 1).

Таблица 1

Значения зависимых ППК причастий на *-быт*, *-ыха*, *-тах* и *-ар*

Кини	<i>кэлиэбыттэн</i>	С+В (предшеств)	<i>Мин</i>	<i>манна үлэшибин</i>
	<i>кэлиэбыттэн</i>	С+0+В (следование, предшеств)	<i>мин</i>	<i>куттанабын</i>
	<i>кэлиэбыттэн</i>	В (предшеств)	<i>0</i>	<i>Манна үлэшир</i>
Кини	<i>кэлбититтэн</i>	С+0+В (предшеств) + причина	<i>мин</i>	<i>куттанабын</i>
	<i>кэлбититтэн</i>	С+В (предшеств)	<i>мин</i>	<i>Манна үлэшибин</i>
	<i>кэлбититтэн</i>	В (предшеств)	<i>0</i>	<i>Манна үлэшир</i>
Кини	<i>кэллэбыттэн</i>	С+В (предшеств)	<i>мин</i>	<i>Манна үлэшибин</i>
	<i>кэллэбыттэн</i>	С+В (предшеств)	<i>мин</i>	<i>куттанабын</i>
	<i>кэллэбыттэн</i>	В (предшеств)	<i>0</i>	<i>үлэшир</i>

Кини	кэлэриттэн	С+О+В (следов.)	мин	куттанабын
	кэлэриттэн	О+В (следов.) причина	0	куттанар
	кэлэриттэн	С+О+В (следов.) причина	Мин	үөрэбин

Переводы приведенных примеров:

Кини кэлиэбиттэн мин манна үлэлибин – ‘Я работаю здесь с его приезда (как только он приехал)’. *Кини кэлиэбиттэн мин куттанабын* – ‘Я боюсь его приезда (Я боюсь от того, что он приедет), Я боюсь (его) с тех пор, как он приехал’. *Кини кэлиэбиттэн манна үлэлиир* – ‘Он работает с приезда (с того момента как только приехал)’. В этих предложениях главный предикат *үлэлээ* выражен формой настоящего времени –*ии*+аффикс сказуемости, а зависимое сказуемое причастием на –*ых* со спрягаемой формой –*э+ти*+древний аффикс сказуемости имеет прошедшее время, поэтому ЗПЧ выражает значение предшествования. Когда сказуемое ГПЧ заменить глаголом *куттан+абын*, тогда причастный ЗПЧ *кэлиэбиттэн* выражает двойное значение: во-первых, когда причастие на –*ых* имеет семантику будущего времени, показывает следование – ‘Я боюсь его приезда (Я боюсь от того, что он приедет)’; во-вторых, когда причастие имеет семантику прошедшего времени, показывает предшествование – ‘Я боюсь (его) с тех пор, как он приехал’. Для реализации значения будущего времени причастия на –*ых* и проявления объектного значения исходного падежа решающую роль имеет семантика глагола *куттан* ‘бояться’.

Кини кэлбититтэн мин куттанабын – ‘Я боюсь от того, что он приехал’. *Кини кэлбититтэн мин манна үлэлибин* – ‘Я работаю здесь с его приезда. (Я работаю от того, что он приехал)’. *Кини кэлбититтэн манна үлэлиир* – ‘Он работает с приезда (как только приехал)’.

Кини кэллэбиттэн мин манна үлэлибин – ‘Я работаю здесь с его приезда (с тех пор как он приехал)’. *Кини кэллэбиттэн мин куттанабын* – ‘Я боюсь с тех пор, как он приехал’. *Кини кэллэбиттэн манна үлэлиир* – ‘Он работает с приезда (с тех пор как он приехал) (Он работает с его приезда)’.

Кини кэлэриттэн мин куттанабын – ‘Я боюсь от того, что он приедет (я боюсь его приезда)’. *Кини кэлэриттэн куттанар* – ‘Он боится от его приезда (он боится от (своего) приезда)’. *Кини кэлэриттэн мин үөрэбин* – ‘Я радуюсь от того что он приедет (Я радуюсь его приезда)’.

Временные отношения ППК по отношению к главному предикату бывают трех видов: предшествование, следование и одновременность [3]. Естественно то, что зависимый предикат, имеющий значение прошедшего времени, должен выражать предшествование. Этому способствуют значения падежа и послелогов. Но как видно из таблицы, ЗПК, выраженные причастиями на –*ых*, –*тах*, –*быт* в исходном падеже выражают значения предшествования, а с причастием на –*ар* – следование. В принципе, причастия на –*ар* и –*ых* со связкой *э*-в форме прошедшего времени показывают относительное прошедшее время *көрдөспүтэ буоллар иэһиэх этим (иэһиир этим)* – ‘Просил бы, одолжил бы’. Также причастие на –*ар* с этой связкой выражает прошедшее обычное время: *Адам оччолорго тыаба бултуур этэ (бултуура)* – ‘Отец тогда в тайге охотился’. Таким образом, причастие на –*ар* должно закономерно выражать значение предшествования, но в данном случае, наоборот, имеет значение следования, т.е. из его причастных значений (настоящего и будущего) реализуется семантика будущего времени (следование). А у причастия на –*ых* в значении ППК реализуется не собственно причастная (будущая) семантика, а значение спрягаемой формы –*ых этэ* – прошедшего времени. *Мин кинини көрсүөхпүтүн таптыбын* – ‘Я его люблю с тех пор, как встретил’.

В чем секрет такого разного функционирования двух близких по семантике причастий на –*ар* и на –*ых* в функции зависимого члена ППК? В значении предшествования у причастия на –*ар* реализуется объектная функция: *Мин кинини көрөрбүтүн үөрэбин* – ‘Я радуюсь тому, что его вижу’. Здесь, видимо, разновидность одновременности – постоянное отношение зависимого и главного действий: “смотрит на него и радуется”, хотя сперва увидел, но это действие продолжается, оттого и одновременность этих действий. Таким образом, в отношениях этих двух действий проявляются изначальная семантика причастия настоящего времени, с одной стороны, семантика спрягаемой формы прошедшего обычного действия, с другой стороны.

В предложении *Мин кинини көрсөрбүттэн куттанабын* – ‘Я боюсь встретиться с ним’ зависимый предикативный член *көрсөрбүттэн* имеет значения: объекта, причины и следования. Такому комплексному значению способствуют: семантика причастия на *-ар*, выражающая будущее время, значение падежа, имеющее объектное и причинное значения и временное значение главного предиката, выражающее настоящее время. Таким образом, в реализации временного значения зависимого причастного предикативного члена играют большую роль (способствуют): **семантика самого причастия, семантика падежа и послелога, и временное значение и семантика главного предиката**. Но для выражения значения предшествования ЗПК особую роль играет временное значение зависимого предиката, которое должно иметь либо прошедшее, либо настоящее время, которое соотносится с этим временным значением главного предложения.

С этой позиции проанализируем временные значения ЗПК, образованного причастием на *-ых* в якутском языке (табл. 2).

Таблица 2

Значения зависимых ППК причастия на *-ых*

<i>Кини</i>	<i>кэлиэбэр диэри</i>	С+В(следование)	<i>мин</i>	<i>манна үлэлиирим</i>
<i>Кини</i>	<i>кэлиэбин</i>	С+О+В(следование)	<i>мин</i>	<i>билэбин</i>
<i>Кини</i>	<i>кэлиэбинэн</i>	С+О+В(следование)	<i>мин</i>	<i>киэн туттабын</i>
<i>Кини</i>	<i>кэлиэбиттэн</i>	С+В(предшеств.)	<i>мин</i>	<i>манна үлэлиибин</i>
<i>Кини</i>	<i>кэлиэбинээбэр</i>	С+О+В(следование)	<i>мин</i>	<i>кэлэрим ордук</i>
<i>Кини</i>	<i>кэлиэбиттэн</i>	С+О+В(следов.) причина	<i>Мин</i>	<i>үөрэбин</i>

Причастие на *-ых* в качестве зависимого предиката функционирует с пятью падежами: *Кини кэлиэр диэри мин манна үлэлиирим* – ‘До его приезда я работал здесь’. *Кини кэлиэбин мин билэбин* – ‘Я знаю, что он приедет’. *Кини кэлиэбинэн мин киэн туттабын* – ‘Я горжусь тем, что он приедет’. *Кини кэлиэбиттэн мин манна үлэлиибин* – ‘Я работаю здесь с тех пор, как он приехал’. *Кини кэлиэбиттэн мин үөрэбин* – ‘Я радуюсь от того, что он приедет’. *Кини кэлиэбинээбэр мин кэлэрим ордук* – ‘Лучше я приеду, чем он приедет’. Во всех примерах, кроме *кини кэлиэбиттэн мин манна үлэлиибин* причастие на *-ых* употребляется в своей естественной семантике будущего времени. Здесь в исходном падеже употреблены два зависимых предиката в форме причастия на *-ых кэлиэбиттэн*, а главные предикаты выражены личными глаголами *үлэлиибин* и *үөрэбин* в форме настоящего времени. При этом первый ЗПК имеет значение предшествования, а второй – следования. Почему?

Кини кэлиэбиттэн мин манна үлэлиибин – время предшествования

Кини кэлиэбиттэн мин үөрэбин – объект, причина, следование

Когда в форме на *-ыабыттан* в зависимом ПЧ *кини кэл+иэб+и+ттэн* появляется сочетание (*кэлиэх этэ ол онтон*), реализуется значение предшествования: *Кини кэлиэбиттэн үлэлиибин* – ‘работаю здесь с тех пор как он приехал’. А когда используется форма будущего времени причастия на *-ых Кини кэл+иэб+и+ттэн (кэлиэбэ ол онтон)*, то актуализируется значение следования: *Кини кэлиэбиттэн мин үөрэбин* – ‘Я радуюсь от того, что он приедет’; а также значение предшествования: *Кини кэлиэбиттэн мин үөрэбин* – ‘Я радуюсь с того момента, как он приехал’. Для реализации того или иного значения причастной формы ЗПК, решающую роль играют отношения семантики главного и зависимого глагольных действий, в которых главным является зависимость от управляющей силы ГПЧ и управляемой возможности ЗПК.

Заключение

Анализ синонимии значений предшествования, образованных причастными формами на *-ых*, *-тах* и *-быт* в исходном падеже в позиции зависимого члена ППК выявил следующее:

– семантика данных причастий различна: *-ых* выражает будущее время с должноствовательной модальностью; *-быт* – давнопрошедшее время с результативным видовым оттенком; *-тах* – прошедшее время с предположительной модальностью;

– причастие на *-тах* с аффиксом местного падежа на *-на* выражает условную модальность (*көрдөхпүнэ этиэм* – ‘скажу, если увижу’), с аффиксом падежа дательного на *-ба* выражает объектный инфинитив (*көрдөххө биллиэ* – ‘будет известно, если увидеть’). Причастие на *-ых* с аффиксом на *-ба* выражает объектный инфинитив (*көрсүөххө* – ‘давай увидеться’). Оба причастия с аффиксом исходного падежа на *-ттан* выступают в роли зависимого предикативного члена со значением предшествования начала действия главного предиката (*кэлиэбиттэн үлэлиир* – ‘работает с приезда’, *кэлэбиттэн үлэлиир* – ‘работает с приезда’). Причастие на *-ых* в исходном падеже так же (кроме этого) выражает значение следования действия главного предиката (*кени кэлиэбиттэн үөрэбин* – ‘радуюсь его приезда’).

Таким образом, в реализации совокупного значения причастного ЗПЧ определяющую роль играют глагольная семантика вместе с временным спрягаемым значением причастия, его предикативное склонение и семантика управляющего глагола, его времямодальное значение.

Следовательно, синонимия данных зависимых конструкций исходит не от синонимии причастных форм, а от совокупности отношений временных значений главного и зависимого предикатов, в которых зависимый предикативный член имеет прошедшее время, а главный член соотносимый с ними более поздним временем формой. В данном причастном зависимом предикативном члене – значение падежа является выражением момента предшествования: ‘с тех пор’.

Исходный падеж многозначен. Одно из значений исходного падежа выражает исход и начало действия ЗПК, но оно не может менять изначальную семантику причастия, в данном случае, семантику будущего времени причастия на *-ых*. Таким образом, значение прошедшего времени, причастию на *-ых* придается спрягаемой формой *э+ти+м*: *бар-ых э+ти+м* ‘уходил было’.

Значение предшествования в ЗПЧ образуют причастия, имеющие изначальную или в спрягаемой форме семантику прошедшего времени, которая предопределяет основу предшествования в отношении двух (зависимого и главного) предикатов. В реализации значения предшествования ЗПК семантика падежа решающей роли не играет, так как исходный падеж употребляется в ЗПК, выражающих и следование и предшествование: *кени кэлиэбиттэн үлэлиир* – ‘работает с приезда’ (предшествование); *кени кэлиэбиттэн үөрэбин* – ‘радуюсь его приезда’ (следование).

В выражении значения конкретного момента предшествования ЗПК существенную роль играет семантика исходного падежа, обозначая начало действия, а значение послелогов *бэттэх* ‘с тех пор’, *саҕалаан*, *ыла* ‘начиная’ усиливают и конкретизируют начало совершения действия главного сказуемого. Значение предшествования ЗПК возможно и при любом предшествующем временном значении зависимого ПЧ, управляемого исходным падежом, а также в позднем времямодальном значении ГП, чем зависимый ПЧ: *Кэлиэбиттэн (үлэлэбитэ, үлэлиир) үлэлиэбэ* – ‘с приезда (работал, работает) будет работать’ // *кэлэбиттэн (кэлиэбиттэн) үлэлиэбэ* – ‘как прибудет (только приедет) будет работать’.

Синонимия предшествования ЗПК, выраженные причастными формами на *-ых//ыттан*, *-тах//ыттан*, *-быт//ыттан* стало возможным благодаря их значению прошедшего времени и управлению их исходным падежом, актуализирующим начало совершения действия главного предиката предложения, имеющего соответствующую семантику и позднее время-модальное значение, чем зависимый предикативный член.

Литература

1. Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 2. Синтаксис / Е.И. Убрятова, Н.Е. Петров, Н.Н. Неустроев и др. – Новосибирск: Наука. Сибирская изд. Фирма РАН, 1995. – 336 с.
2. Грамматика современного русского литературного языка. Синтаксис. – М.: Просвещение, 1970. – 736 с.
3. Ефремов Н.Н. Сложноподчиненные предложения времени в якутском языке. – М.: Наука, 1984. – 88 с.
4. Коркина Е. И. Наклонения глагола в якутском языке. – М.: Наука, 1970. – 307 с.

5. Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2006. – 603 с.
6. Филиппов Г.Г. Причастия якутского языка: комплексное типологическое функционально-семантическое исследование – Якутск: Изд. дом СВФУ, 2014. – 607 с.
7. Forms of conjugation of participles of the Yakut language (Формы спряжения причастий якутского языка). // Karadeniz (Black Sea-Черное море). Ежеквартальный международный журнал общественных наук. Материалы международной междисциплинарной научно-практической конференции «Язык и культура в меняющемся мире». Якутск, 23-24 октября 2013 г. – Анкара, 2013. – С. 168-183.
8. Шамина Л.А. Временные полипредикативные конструкции тувинского языка / Л.А. Шамина. – Новосибирск, 1987. – 140 с.

References

1. Grammatika sovremennogo jakutskogo literaturnogo jazyka. T. 2. Sintaksis / E.I. Ubrjatova, N.E. Petrov, N.N. Neustroev i dr. – Novosibirsk: Nauka. Sibirskaja izd. Firma RAN, 1995. – 336 s.
2. Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka. Sintaksis. – М.: Prosveshhenie, 1970. – 736 s.
3. Efremov N.N. Slozhnopodchinennye predlozhenija vremeni v jakutskom jazyke. – М.: Nauka, 1984. – 88 s.
4. Korkina E. I. Naklonenija glagola v jakutskom jazyke. – М.: Nauka, 1970. – 307 s.
5. Ubrjatova E.I. Issledovanija po sintaksisu jakutskogo jazyka. – Novosibirsk: Nauka, 2006. – 603 s.
6. Filippov G.G. Prichastija jakutskogo jazyka: kompleksnoe tipologicheskoe funkcional'no-semanticheskoe issledovanie – Jakutsk: Izd. dom SVFU, 2014. – 607 s.
7. Forms of conjugation of participles of the Yakut language (Formy sprjazhenija prichastij jakutskogo jazyka). // Karadeniz (Black Sea-Черное море). Ezhekvartal'nyj mezhdunarodnyj zhurnal obshhestvennyh nauk. Materialy mezhdunarodnoj mezhdisciplinarnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Jazyk i kul'tura v menjajushhemsja mire». Jakutsk, 23-24 oktjabrja 2013 g. – Ankara, 2013. – S. 168-183.
8. Shamina L.A. Vremennye polipredikativnye konstrukcii tuvinskogo jazyka / L.A. Shamina. – Novosibirsk, 1987. – 140 s.

И. Б. Иванова

Лексические средства выражения функционально-семантической категории количественности в якутском языке: имена числительные

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Россия*

Аннотация. В данной статье речь пойдет о довольно известном в отечественном языкознании направлении, как функционально-семантическая грамматика. А именно будут рассмотрены морфо-синтаксические особенности имен числительных, как основных лексических средств выражения функционально-семантической категории количественности в якутском языке. Обзор морфо-синтаксических и лексико-фразеологических особенностей в функционально-семантическом аспекте показал, что имя числительное используется в предложении в разных ипостасях: как самостоятельный и при этом универсальный член, в сочетании с существительными/мезуративами, нумеративами, в составе устойчивых выражений и фразеологических оборотов. В результате прорисовывается картина функционирования имени числительного в синтаксическом ракурсе. Особое внимание уделяется на характер функционально-семантических особенностей конструкций, в составе которых имеется имя числительное. *Цель статьи* – раскрыть на основе грамматических показателей морфо-синтаксические особенности имен числительных, служащих в качестве лексических средств выражения функционально-семантической категории количественности в якутском языке. Для достижения данной цели решаются следующие *задачи*: обзор изучения числительных как части речи, выявить морфо-синтаксические и лексико-фразеологические особенности числительных. *Методы исследования*. В статье были использованы метод сплошной выборки примеров использования имен числительных в художественной литературе; проработка грамматических особенностей морфо-синтаксических конструкций. Статья основана на реализации описания лексических и грамматических особенностей количественно-именных сочетаний.

Ключевые слова: якутский язык, функциональная грамматика, категория количественности, мера, величина, именныe средства выражения, грамматика, лексика, лексические средства, имя числительное.

I. B. Ivanova

Lexical means of expressing the functional-semantic category of quantitiveness in the Yakut language: numeral names

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia*

Abstract. This article will focus on a rather well-known direction in the Russian linguistics as functional-semantic grammar, which studies the “field”, consisting of different lexical and grammatical means of expression. Numerals, known as the main lexical means of expressing quantitiveness, will be considered. The purpose of the article is to reveal, on the basis of grammatical indicators, the morpho-syntactic features of the names of numerals serving as lexical means of expressing the functional-semantic category of quantitiveness in the Yakut language. A brief overview of the history of the study of the names of numerals in the Yakut language is given, where the object of study is the morphological features of this part of speech. Materials and research methods. In linguistics, the study of the grammatical features of a language is carried out on the material of the basic vocabulary, which is the only working material for studying grammar. In this regard, the article is based on

ИВАНОВА Ирина Борисовна – к. филол. н., научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

E-mail: imenaotglagola@rambler.ru

IVANOVA Irina Borisovna – Candidate of Philological Sciences, researcher of Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences.

the implementation of the lexical and grammatical features of quantitative-nominal combinations. Results and scientific novelty. A review of morpho-syntactic and lexical-phraseological features in the functional-semantic aspect showed that the numeral is used in a sentence in different hypostases: as an independent and at the same time a universal member, both in combination with nouns / mesuratives, numerals, and as part of stable expressions and phraseological turns. The features of morpho-syntactic combinations of a numeral with various parts of speech, which have not received proper coverage in the linguistic literature, are revealed. As a result, a picture of the functioning of the numeral name in a syntactic perspective is drawn. Particular attention is paid to the specifics and nature of the functional and semantic features of structures that include a numeral name.

Keywords: Yakut language, functional grammar, vocabulary, category of quantity, measure, magnitude, lexical means, numeral.

Введение

Количественность, в которой главенствовало имя числительное, И.А. Бодуэн де Куртене называл «числовой количественностью» и относил к пространственным и временным явлениям [Бодуэн де Куртене, 1963: 313]. Счет, счисление, измерение – любые математические явления происходят в пространстве и времени, а в язык проникают в виде имен числительных. Как и в любом языке, в якутском языке имеется своя уникальная система выражения функционально-семантической категории количественности, существуют определенные грамматические, лексические, метафорические, фразеологические и паремиологические средства, служащие для обозначения количества. Систематизирование лексических средств выражения количественности подразумевает проработку всех частей речи. Целью нашего исследования является определение и раскрытие лексико-грамматических особенностей имен числительных в функционально-семантическом аспекте. Объектом исследования являются имена числительные, функционирующие в якутском языке как средство передачи функционально-семантической категории количественности. Исследуемая часть речи представляет, в основном, ядро микрополей единичности, двойственности, нулевого количества, определенно большого количества, неопределенно большого и неопределенно малого количества, приблизительного количества, собирательности, тотального множества, также меры величины.

С точки зрения отечественной функциональной грамматики, имя числительное является самым «ядерным» средством. Ведь количественность – это функционально-семантическое поле полицентрического типа. Оно опирается, с одной стороны, на грамматическую категорию числа (прежде всего, имен существительных), а с другой – на имена числительные, количественно-именные сочетания, адъективные и адвербиальные показатели квантитативных отношений [Бондарко 1996: 161].

В связи с тем, что статья основана на реализации лексических и грамматических особенностей количественно-именных сочетаний на основе числительных, были использованы работы по грамматике конструкций, основателями которых являются Fillmore Ch.J., Kay P., O'Connog M.C. и т.д. [Fillmore, Kay, O'Connog 1988]. Методология грамматического подхода к языковым конструкциям русского языка была предложена Ю.Д. Апресяном [Апресян 1995а, 1995б], также продолжена Е.В. Рахилиной, В.А. Плунгян и др. [Рахилина 2010; Рахилина, Плунгян 2011]. В якутском языкознании научное направление грамматики конструкций представляет большой интерес к морфо-синтаксическим конструкциям в языке, как совокупности лексических, грамматических элементов, объединенных в одну систему.

Методология, разработанная в известных грамматиках якутского языка [Бетлингк 1989; ГСЯЛЯ 1982 и др.], не может наиболее полно способствовать осмыслению уникального характера грамматики конструкций.

В якутской лингвистике имеются основополагающие труды по морфологической структуре имени числительного, о способах и средствах образования и т.д. Первые сведения о якутских числительных появились в работе Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» (Nord en Oost Tartarye) (1692, 1705 гг.) [Витсен]. Более подробное описание имен числительных в якутском языке находится в знаменитом труде «О языке якутов» О.Н. Бетлингка [Бетлингк 1990].

Сведения о числительных содержатся во всех учебных пособиях для школ, учителей, филологов в разделе «Морфология» [Харитонов 1947 и т.д.], в книге «Грамматика современного якутского литературного языка» [Грамматика 1982]. В якутском языкознании имеется полное описание диалектологических морфологических особенностей имени числительного как самостоятельной части речи [Иванов, 2014: 102-120]. Также ведутся работы по исследованию функционирования и типологических особенностей имен числительных в речи [Дмитриева], лексико-семантических особенностей числительных в тексте олонхо, в якутских загадках [Илларионов, Избекова, Габышева, Филиппова и др.]. Но в настоящее время исследование числительных в функционально-семантическом аспекте до сих пор является одним из недостаточно разработанных разделов якутского языкознания.

Имя числительное представляет собой название числа, которое понимается или как количественный признак предмета, или как отдельное самостоятельное понятие [ГСЯЛЯ, 1982: 174]. В якутском языке числительные, посредством которых передаются точные цифровые (нумеральные) значения, в основном совпадают с соответствующими числительными других тюркских языков, также по составу делятся на два вида: **простые** *биир* '1', *икки* '2', *сүүрбэ* '20', *отут* '30' и **составные** *уон үс* '13', *сүүс отут* '130', *биэс уон* '50', *үс гыммыт биирэ* '1/3', *уон биир сылай тобус дэхээтэй* '11, 9'. Составные числительные образуются путем сочетания десятков с единицами, круглые десятки, начиная с четвертого десятка, образуются путем сочетания с числительным *уон* 'десять'; сотки с числительным *сүүс* 'сто' и т.д.: *түөрт уон* '40', *алта уон* '60', *икки сүүс* '200' и т.д.

Образование порядкового числительного (как простых и составных) считается возможным от любого количественного числительного, но от числительного *биир* в значении 'единственное количество' не образуется порядковое числительное с аффиксом *-с*. В значении 'первый' употребляются лексемы *маннай-гы*, *баста-кы*. Форма порядкового числительного с аффиксом *-с* (*биир-(и)с* 'первый') используется в составе составного числительного: *уон биирис дьэ* 'двадцать первый дом'; *алтыс кинигэбин ааба сылдыабын* 'читаю шестую книгу' и т.д.

В разговорном языке для указания точного счета иногда используется слово-частица *ордуга* (притяжательная форма 3-го л. единственного числа от основы *ордук* 'излишек, избыток, остаток'). В данной функции слово может быть переведено как 'и сверх того': *уон ордуга икки* 'двенадцать' (букв.: десять и сверх того два), *абыс уон ордуга биэс* 'восемьдесят пять' (букв.: восемьдесят и сверх того пять) [ГСЯЛЯ, 1982: 176].

В якутском языке при сочетании с числительным существительные не принимают аффикс множественного числа *-лар*: *кинигэ* 'книга' и *икки кинигэ* 'две книга', т.е. если количественная характеристика существительных передается через числительное, то вторичное обозначение числа становится лишним и существительное употребляется в единственном числе [ГСЯЛЯ, 1982: 174-187]. Тем самым, числительное является единственным показателем неединичности предметов: *бийыл сүүрбэ биэс оҕо бастакы кылааска киридэ* 'нынче в первый класс поступил (поступили) 25 ребенок (дети)'. *Даганча, эһэтин этиитинэн, абыс атахтаах аранас оҕорбута* [Далан: 28] 'По наставлению деда, Даганча сделал лабаз на 8 нога (ногах)'. Это свидетельствует о том, что множественность, несмотря на то что указывается точное количество субъектов, мыслится как обобщенная, собирательная, нерасчлененная множественность. Но довольно часто встречаются дублирования показателей множественности в разговорной речи, и, даже, в художественных произведениях. Например, *Арай үс оҕонньот-тор эрэ хамсаабатах-тар-а* [Далан: 49] 'Но только три старик-а не зашевелил-ись'; *Кэтит мас тыыга муостаах бэрэгэлээх икки киһи олонор иһэл-лэр-э* [Далан: 39] 'В большой деревянной лодке плыл-и два человека с рогатыми шапками'. Стало быть, в каких-то исключительных случаях допускается говорящим или писателем переступление негласного правила об использовании аффикса множественного числа *-лар*.

Морфо-синтаксические особенности имен числительных

Выявляются особенности морфо-синтаксических сочетаний числительного с различными частями речи, не получившие должного освещения в лингвистической литературе.

1. Числительное как самостоятельный член предложения

Числительное, когда приобретает более самостоятельное/конкретное значение, в предложениях субстантивированно, адъективированно, адвербиализованно, что говорит о полной самостоятельности, т.е. универсальности числительного как части речи.

Субстантивированное числительное служит в предложении в качестве подлежащего или дополнения, сочетается со всеми видами глаголов. Числительное-существительное => подлежащее/дополнение: числительное в процессе деривации субстантивированно и приобретает грамматические свойства существительного: *биэскэ иккени энтэххэ сэттэ буолар* 'если прибавить два к пяти будет семь'. У составных субстантивированных числительных склоняется только последнее числительное: *сүүс сүүрбэ биэ-һинэн* 'на сто двадцать пять', *уон икки-с-п-ин сиэтим* 'съела 12-ую (десять второй (мой))'. В результате процесса субстантивации в семантической структуре слова «биир» появляются семы предметности и обобщенности, но при этом сема количества не исчезает полностью. –*Хайа, бу туох буоллуң? – диин биирэ охсуһаары гыммыт.* '–Ты, чего? – взбудоражился один (из двоих)'. В форме принадлежности или в форме с-*лаах* количественное числительное выражает возраст кого-, чего-либо: *кени уон үһ-үн туолла* 'ему исполнилось 13'.

Числительное-наречие: Числительное + аффиксы *-та, -ин* => обстоятельство образа действия: количественное и порядковое числительные при помощи аффиксов *-та, -ин* выступают в роли наречий. *Күнгэ үс-тэ аһыбыт* 'В день три раза кушаем'. *Биир-дэ көрбүтүм* 'Я видел один раз'. *Иккиһ-ин бара сырыттым* 'Второй раз сходил'.

Числительное-деепричастие: Числительное (числительное + *-лаа*) +*-эн, -ии, -ээт* => обстоятельство образа действия: *Икки-һии буолан олоробут* 'Сидим по двое'. *Үһүс-тэ-эн кэллим* 'Пришла в третий раз'.

Числительное-глагол => сказуемое: числительное в форме сказуемого с аффиксом глагола единственного и множественного чисел настоящего времени выступают в роли сказуемого: *Биһиги үс-пүт* 'Нас трое', *эһиги сүүрбэ-бүт* 'Вас 20' и т.д. При этом аффикс сказуемого множественного числа примыкает и к числительному *биир* '1': *биһиги киниһин биир-бит* 'мы с ним одинаковы', *иккиэн биир-дэр* 'оба одинаковы' и т.д.

2. Числительные в сочетании с существительными

В языкознании выделяют три типа сочетаемости слов – семантическую, лексическую и морфо-синтаксическую, где последняя определяется принадлежностью слов к разным частям речи, лексическая сочетаемость – избирательностью лексем, семантическая – семантическим сочетанием – компоненты словосочетания не должны иметь противоречащих сем [Гак, 1990: 483].

Конструкции с именем числительным как двусторонней языковой единицы мы будем рассматривать одновременно с двух точек зрения грамматики: морфологии и синтаксиса. Ю. Д. Апресян морфо-синтаксическую сочетаемость определяет как сочетаемость, при которой одно слово непосредственно или опосредованно связано с другим и несет информацию о его части речи или синтаксическом статусе и грамматической (в частности, предложно-падежной) форме [Апресян, 1974; 1995I; 1995 II]. Считается, что числительные в сочетании с другими частями речи, образующие определенную морфо-синтаксическую целостность – количественно-именные группы, специфически ведут себя в синтаксисе [Всеволодова 2013: 28] и имеют особенности в функционально-семантическом аспекте.

1) Числительное + существительное => определение. В этом случае, числительное в сочетании с существительным выполняет функцию количественного признака существительного, в предложении служит определением.

В данной позиции участвуют все виды числительных, в том числе и неопределенно-количественные имена, как *элбэх* 'много, многочисленный', *абыйах* 'мало, малочисленный', *үгүс* 'множество, многочисленный', *хас да* 'несколько' и т.д. *Оттон уол өлөрбүт тайабыттан үгүс эти сүгэн киириитэ кини долобойдоох туттунуулаах, кыйайгыс-хотугас киһи буолубун эрэннэрэр* [Далан: 20] 'То, что юноша много мяса убитого лося принес, показывает, что он вырос рассудительным, смекалистым, крепким человеком'.

Как выше сказано, определяемое существительное (соответственно и глагол) в якутском языке ставится строго в единственном числе, ведь речь идет о предельном количестве предметов. В выражении точного количества предметов или понятий равноправно выступают и порядковые числительные: *Уол үс бэрэскини сиэтэ* или *Уол үһ-үс бэрэскитин сиэтэ* – речь идет точно о трех пирожках, съеденных мальчиком. *Бүгүн сүүрбэ абыс чыыһыла – Бүгүн сүүрбэ ахс-ыс чыыһыла* – сегодня 28 число.

Но есть случаи, когда определяемое существительное стоит во множественном числе, когда оно привязано к порядковым числительным или адъективным прилагательным, как *маннайгы* ‘первые’, *бастын* ‘лучший’, *бастакы* ‘первые’: *маннайгы уруоктары атын учуутал ытытаба* ‘первые уроки проведет другой учитель’; *бастын үөрэнээччилэр* ‘лучшие ученики’ и т.д. *Алтыс кылаастар үөрэнэн бүппүттэрэ* – имеется в виду, что закончили учиться дети шестого класса.

Приблизительные числительные, образованные от количественных числительных при помощи аффикса *-ча, -чака*, выражают приблизительную количественность: *уонча уол* мальчиков около десяти, *сүүрбэччэ оҕо* около двадцати детей. *Онтон сүүсчэкэ хаамыыны ситэ тийбэккэ тохтообута* [Далан: 145] ‘Потом остановился, не доходя примерно 100 шагов’ и т.п.

Приблизительность часто выражается парными количественными, порядковыми и разделительными числительными: *Бис-алта ох кэлэн Даҕанчаны сыһа-халты түспүттэрэ* [Далан: 38] ‘Мимо Даганчи упали 5-6 стрел, чуть не задев его’.

Сочетание ‘числительное + существительное’ имеет иное функционально-семантическое значение, когда числительное «биир» используется в функциях – «один из нескольких», или «неопределенный»: *Ити [Милэкэ] Сунтаар оройуонун биир саамай ыраах сытар учаастага* [Милэкэ] является самым отдаленным участком Сунтарского района’ [Зверев: 19]. *Оһуор үҥкүүтүн С.А. Зверев биир бөдөн айымньытын аабыахха сөн* ‘Одним из основных произведений С.А. Зверева можно назвать танец «Узоры»’ [Зверев: 17]. Или числительное *биир* часто используется как квантификатор неопределенности: *Бэбэһэ кинилэргэ биир киһи кэлэ сылдьыбыт үһү* ‘Вчера к ним кто-то приходил’. *Биир күөлү аастыбыт* ‘Прошли какое-то озеро’.

Рассмотрим тот случай, когда понятие нулевого количества чего-либо выражается не только числительным *ноль*, но и словосочетанием числительного *биир*, существительного и глагола в отрицательной форме или имени отрицания *суох* ‘нет’. Абсолютное отсутствие усиливается частицей *да*: *Биир да киһи суох* ‘нет никого (ни одного человека)’.

БИИР (да) + существительное + (глагол) СУОХ

Мин балтым эн таайгар

Аналлаах буоллабына,

Мин биир тылы этиэм суоба... [Ньургун Боотур: 95].

‘Коль моя сестра

Создана для твоего дяди,

Не скажу ни единого слова’.

Количественное числительное *икки* имеет более конкретную функцию, чем числительное *биир*, обозначает двойственность, парность дискретных предметов. *Икки* используется с лексемами, обозначающими парные части лица и тела человека (*харах* ‘глаза’, *илии* ‘руки’, *атах* ‘ноги’, *кулгаах* ‘уши’, *хоннох* ‘подмышки’, *хаас* ‘брови’ и др.): *икки илиигинэн тут* ‘держки двумя руками’; *икки харабынан көрбөт буолбут* ‘ослеп на два глаза’; *Иэҕэйэр икки атахтаах* ‘С двумя ногами (человек)’.

В значении соединительного союза числительное *икки* тоже является показателем **цельности, нерасчлененности, союза** парных предметов: *Ыт икки куоска икки* ‘собака и кошка’, *аҕам, ийэм икки* ‘мой отец и мать’; *Айыңа Сиэр тойоңно, Айыы Нурбалдьын Эмээхсиңнэ иккигэ, баран эт эрэ* ‘Иди и скажи Старцу Айыңа Сиэр тойону и Айыы Нурбалдьын матушке’ [Ньургун Боотур: 76-77].

На определенное количество могут указывать и разделительные числительные, указывающие на количественное распределение предметов и отвечающие на вопросы *хастыы?*, *төһөлүү?* ‘по сколько?’: *Сааһыттар уоннуу куобабы өлөрбүттэр* ‘Охотники убили по десять зайцев’; *Биирдии кэмпиэти сиэтибит* ‘Съели по одной конфете’. Точное количество дискретных предметов, понимаемое как совокупность, выражается собирательными числительными, которые отвечают на вопрос *хаһыа?* ‘в каком количестве?’. Данные числительные образуются посредством аффиксов *-ыа*, *-ыан*: *Кинилэр онуолар* ‘Их десять’; *Бэһиэ буолан кэллибит* ‘Мы пришли пятером’. В подобных сочетаниях подразумевается опущенное подлежащее, оставляя за числительным обстоятельственное значение [ГСЯЛЯ 1982: 185]. Собирательное числительное с ограничительно-уменьшительным значением образуется и при помощи аффикса *-ыайах*: *Манна бэһиэйэх киһи баар* ‘Здесь только пять человек’. *Иккиэн убай-балыс кэриэт эулааппыт дьоммут* ‘Мы вдвоем выросли как братья’. *Иккиэйэх бэйэлэрэ Олордулар хас да сылы мэлдьи* ‘Остались вдвоем в течение нескольких лет’ [Ньургун Боотур: 100-101].

2) Числительное+*-лаах*+ существительное => определение: количественные числительные в форме принадлежности или с аффиксом *-лаах* могут обозначать точный возраст чего-либо, кого-либо: *Алталаах оҕолору оскуолаба ылбаттар* ‘6-летних в школу не берут’; *Эрэ Доромоон отуччалаах киһи* ‘Муж Доромон человек лет тридцати [Күндэ: 19]. *Сиэнкэ диэн Доромоон тобустаах оҕото* [Күндэ: 19] ‘Десятилетний сын Доромона Сенька’. Также числительное с *-лаах* указывает на достоинства денежных знаков: *биэстээх харчы* ‘5 копеек’, *тыһыынчалаах* ‘купюра в 1000 рублей’ и т.д.

3) Числительные 10, 100, 1000, 1000000 + *-нан*+ существительное => определение: в качестве определения выступают конкретные числительные, как десять, сто, тысяча и др., в орудном падеже, выражая обобщающее, итоговое, иногда приблизительное количество: *тыһыынчанан сыллар* ‘тысячи годы’, *тыһыынчанан суумалаах* ‘стоимостью в тысяча рублей’, *мөлүүһөнүнэн харчылаахтар* ‘обладают миллионами’ и др. Лексические единицы *сүүс*, *тыһыынча*, *мөлүүһөн*, характеризующиеся количественной многозначностью в сочетании с существительными, в форме орудийного падежа могут передавать значения не только точно-конкретного числа, но и приблизительного конкретного числа: *Сүүһүнэн сыл анараа оттугэр* ‘сто лет тому назад’, *тыһыынчанан килимиэтирин өңүөлээн* ‘перелетая тысячи километров’. Можно сказать, что лексемы *уонунан* ‘десятками’, *сүүһүнэн* ‘сотнями’, *тыһыынчанан* ‘тысячами’, *мөлүүһөнүнэн* ‘миллионами’ в сочетании с существительными являются образными (художественными) средствами выражения количества.

3. Числительные в сочетании с мезуративами и нумеративами

Сочетание числительного с мезуративами и нумеративами используются в выражении величины – это то, что можно измерить визуально, интуитивно, или с помощью рук, ног, приборов, приспособлений: длина, ширина, площадь, объем, масса, время, скорость и т.д. Величина является результатом измерения, она определяется числом, выраженным в определенных измерениях (единицы измерения).

Для точного обозначения величины используются количественные числительные: *уон көс* ‘десять км’, *үс киһлэ* ‘три килограмма’, *икки илии кэтиттээх* ‘ширина в два пальца’, *сүүс сыл* ‘сто лет’, *отут күн* ‘тридцать дней’ и т.д. *Түөрт илии кэтит тирии курунан ыга тардыммыт синнигэс биһллээх* [Далан: 19] ‘Талия была обтянута кушатом шириной в четыре руки (пальца)’.

Также в выражении величины участвуют дробные числительные, которые являются составными. Они образуются синтаксическим способом от количественных числительных, при помощи причастия от служебного глагола *гын-* ‘делать’: *үлэ үс гыммыт иккитэ* ‘одна треть работы’, *биир сылай үс дэһээтэй* ‘одна целая три десятых’. *Суолун үс гыммыт биирин барбытын* [Далан: 28] ‘Ты прошел одну треть дороги’. Дробные числительные также образуются при помощи лексических единиц *аңар* ‘половина’, *чиэптэр* ‘четверть’. Данные лексемы часто употребляются в сочетании с названиями больших рядов чисел: *тыһыынча аңара* ‘половина тысячи’, *мөлүүһөн чиэптэрэ* ‘четверть миллиона’.

4. Числительное в составе устойчивых выражений и фразеологических оборотов

Числительное в составе устойчивых словосочетаний и фразеологических оборотов представляет лексико-фразеологическую сочетаемость: *биир бииргэ* ‘наедине с кем-нибудь; букв.: один на один’, *син биир* ‘несмотря ни на что, в любом случае, все равно; букв.: сносно один’, *эр биир* ‘лицом к лицу; букв.: мужское один’, *биир кэм* ‘однообразно; букв.: одно время’, *биир буол* ‘соединяться; букв.: один + стань’ и др. Числительное *биир* является олицетворением близких / противоположных / взаимосвязанных отношений двух и более объектов. Также лексико-фразеологическая обусловленная сочетаемость числительного *биир-тэн* с тем же числительным *биир* обозначает множественную количественность: *бииртэн биир кэрэ кыргыттар* ‘много красавиц, одна краше другой’. Здесь прослеживается непрерывность, меняющееся постоянство объектов.

В составе послелога с притяжательными формами *арыт* ‘промежуток’ в сочетании с личными местоимениями или существительными числительное *икки* указывает на определенное отношение двух субъектов: *биһиги икки ардыбытыгар* ‘между нами’, *Машалаах Катя икки ардыларыгар* ‘Между Машей и Катей’.

В составе паремий, фразеологизмов, устойчивых выражений больше используются количественные имена числительные, указывающие на точное количество.

Заключение

Таким образом, в результате грамматического/морфо-синтаксического анализа выявлено, что числительные используются в разных синтаксических позициях, как самостоятельные члены предложения, также в сочетании с существительными, в сочетании с мезуративами и нумеративами, в составе устойчивых выражений и фразеологических оборотов. Имя числительное представляет собой морфо-синтаксическую категорию, так как есть разряды, представляющие собой сочетания слов: числительные в сочетании с существительными образуют определенную морфо-синтаксическую целостность – количественно-именные группы, специфически ведущие себя в синтаксисе. Такое многообразие функций, лексико-грамматических признаков и семантики делает это слово незаменимым структурным компонентом устойчивых выражений, где оно способно оформлять определенную роль. Выявлено, что числительное как самостоятельная часть речи служит в предложении в роли подлежащего, дополнения, обстоятельства образа действия и сказуемого. В случае сочетания с существительными (нумеративами, мезуративами), оно используется в роли определения. Активное участие числительного в структуре фразеологических оборотов доказывает его универсальность как части речи.

В выражении количественности участвуют все виды числительных: количественные, порядковые, приблизительные, разделительные, собирательные и дробные, также неопределенно-количественные имена. Посредством «числовой количественности» в якутском языке выражаются различные понятия счета, исчисления, как определенное / неопределенное (приблизительное) количества дискретных / недискретных предметов и явлений в языке, также величина и различные фразеологические образные выражения.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том I. Лексическая семантика. – М.: Языки русской культуры, 1995а. – 480 с.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Языки русской культуры, 1995б. – 767 с.
3. Бодуэн де Куртэнэ И.А. Количественность в языковом мышлении // Избранные труды во общему языкознанию. Т 2. – М.: Изд-во Акад наук СССР, 1963. – 391 с.
4. Бетлингк О.Н. О языке якутов. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1989. – 644 с.
5. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. – СПб.: Наука, 1996. – 264 с.
6. Витсен Н. Северная и Восточная Тартария. В 3 т. – Амстердам: Pegasus, 2010. – 1816 с.
7. Всеволодова М.В. Категория количественности в славянских языках: числительные и квантитативы // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 2013. – № 6. – С. 16-62.

8. Габышева Л.Л. Функции числительных в мифопоэтическом тексте (на материале олонхо) // Язык, миф, культура народов Сибири: сб. научных трудов. – Якутск: Издательство ЯГУ, 1988. – С. 78-93.
9. Гак В.Г. Валентность // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 483.
10. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика. Морфология. – Новосибирск: Наука, 1982. – 495 с.
11. Далан. Тулаайах оҕо. – Якутскай: Кинигэ изд-вота, 1983. – 352 с.
12. Дмитриева Е.Н. Учет типологических особенностей функционирования числительных в речи в обучении студентов-билингвов. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.science-education.ru/pdf/2013/1/356.pdf> (дата обращения: 12.11.2020).
13. Зверев Д.С. Аҕам туһунан аман өс. – Дьокуускай, 1999. – 292 с.
14. Иванов С. А. Морфологические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2014. – 248 с.
15. Избекова Е.И. Числительное в олонхо: структура и семантика. Автореф. ... канд. филол. н. – Якутск, 2000. – 20 с.
16. Күндэ. Кыһар тунат. – Якутскай: Кинигэ изд-вота, 1979. – 296 с.
17. Ньургун Боотур стремительный. Богатырский эпос якутов. – Якутск, ГОСИЗДАТ ЯАССР, 1947. – 409 с.
18. Рахилина Е.В. Лингвистика конструкций. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. – 584 с.
19. Рахилина Е.В., Плунгян В.А. Ю.Д. Апресян как теоретик грамматики конструкций // И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин (ред.). Слово и язык: Сб. статей к 80-летию академика Ю.Д. Апресяна. – М.: ЯСК, 2011. – С. 548-557
20. Сатанар М.Т., Илларионов В.В. Сакральная символика эпического числительного «четыре». [Электронный ресурс]. URL:<http://iolonkho.s-vfu.ru/system/files/chetyre.pdf> (дата обращения: 12.11.2020).
21. Филиппова В.В. Имена числительные как особый код в якутских загадках. [Электронный ресурс]. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/imena-chislitelnye-kak-osobyi-kod-v-yakutskih-zagadkah/viewer> (дата обращения: 12.11.2020).
22. Харитонов Л.Н. Современный якутский язык. Фонетика и морфология. – Якутск, 1947. – 313 с.

Reference

1. Apresjan Ju.D. Izbrannye trudy. Tom I. Leksicheskaja semantika. – М.: Jazyki russkoj kul'tury, 1995a. – 480 s.
2. Apresjan Ju.D. Izbrannye trudy. Tom II. Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija. – М.: Jazyki russkoj kul'tury, 1995b. – 767 s.
3. Bodujen de Kurtenje I.A. Kolichestvennost' v jazykovom myshlenii // Izbrannye trudy vo obshhemu jazykoznaniju. T 2. – М.: Izd-vo Akad nauk SSSR, 1963. – 391 s.
4. Betlingk O.N. O jazyke jakutov. – Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otdelenie, 1989. – 644 s.
5. Bondarko A.V. Teorija funkcional'noj grammatiki. Kachestvennost'. Kolichestvennost'. – SPb.: Nauka, 1996. – 264 s.
6. Vitsen N. Severnaja i Vostochnaja Tartarija. V 3 t. – Amsterdam: Pegasus, 2010. – 1816 s.
7. Vsevolodova M.V. Kategorija kolichestvennosti v slavjanskih jazykah: chislitel'nye i kvantitativy // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologija. – 2013. – № 6. – S. 16-62.
8. Gabysheva L.L. Funkcii chislitel'nyh v mifopojeticheskom tekste (na materiale olonho) // Jazyk, mif, kul'tura narodov Sibiri: sb. nauchnyh trudov. – Jakutsk: Izdatel'stvo JaGU, 1988. – S. 78-93.
9. Gak V.G. Valentnost' // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. – М.: Sovetskaja jenciklopedija, 1990. – S. 483.
10. Grammatika sovremennoho jakutskogo literaturnogo jazyka. Fonetika. Morfologija. – Novosibirsk: Nauka, 1982. – 495 s.
11. Dalan. Tulaajah oҕо. – Jakutskaj: Kinigje izd-vota, 1983. – 352 s.
12. Dmitrieva E.N. Uchet tipologicheskix osobennostej funkcionirovanija chislitel'nyh v rechi v obuchenii studentov-bilingvov. [Jelektronnyj resurs]. URL:<https://www.science-education.ru/pdf/2013/1/356.pdf> (data obrashhenija: 12.11.2020).
13. Zverev D.S. Аҕам туһунан аман өс. – D'okuuskaj, 1999. – 292 s.
14. Ivanov S. A. Morfologicheskie osobennosti govorov jakutskogo jazyka. – Novosibirsk: Nauka, 2014. – 248 s.
15. Izbekova E.I. Chislitel'noe v olonho: struktura i semantika. Avtoref. ... kand. filol. n. – Jakutsk, 2000. – 20 s.
16. Kyndje. Kyyhar turat. – Jakutskaj: Kinigje izd-vota, 1979. – 296 s.

17. N'urgun Bootur stremitel'nyj. Bogatyrskij jepos jakutov. – Jakutsk, GOSIZDAT JaASSR, 1947. – 409 s.
18. Rahilina E.V. Lingvistika konstrukcij. – M.: Izdatel'skij centr «Azbukovnik», 2010. – 584 s.
19. Rahilina E.V., Plungjan V.A. Ju.D. Apresjan kak teoretik grammatiki konstrukcij // I.M. Boguslavskij, L.L. Iomdin, L.P. Krysin (red.). Slovo i jazyk: Sb. statej k 80-letiju akademika Ju.D. Apresjana. – M.: JaSK, 2011. – S. 548-557
20. Satanar M.T., Illarionov V.V. Sakral'naja simbolika jepicheskogo chislitel'nogo «chetyre». [Jelektronnyj resurs]. URL:<http://iolonkho.s-vfu.ru/system/files/chetyre.pdf> (data obrashhenija: 12.11.2020).
21. Filippova V.V. Imena chislitel'nye kak osobyj kod v jakutskih zagadkah. [Jelektronnyj resurs]. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/imena-chislitelnye-kak-osobyj-kod-v-yakutskih-zagadkah/viewer> (data obrashhenija: 12.11.2020).
22. Haritonov L.N. Sovremennyj jakutskij jazyk. Fonetika i morfologija. – Jakutsk, 1947. – 313 s.

Р. А. Лежнин

Топонимия села Чиланы Таштыпского района Республики Хакасия

Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова

Аннотация. В данной статье рассмотрены и проанализированы названия географических объектов в окрестностях села Чиланы Таштыпского района Республики Хакасия. Целью нашего исследования является составление полного перечня топонимов в окрестностях села Чиланы Таштыпского района республики Хакасия, их описание с указанием мотива номинации. Названий географических объектов на данной территории оказалось 26. Среди них мы выделили названия селений, рек, гор, логов, местечек, притока, озера. Показали, что наименования географических объектов данной местности содержат в себе такие компоненты как: *аал* 'село, селение', *хол* 'лог', *суз* 'река', *таг* 'гора', *таз* 'камень', *сын* 'перевал', *хус* 'горная роща', *чал* 'горная гряда', *чарна* 'промоина', *покос* 'покос', *одаз* 'шалаш, жилище', *пук* 'луг'. Определили способы словообразования топонимов данной местности. Выделили следующие признаки номинации данных объектов: наличие фауны или флоры, особенности расположения, качественные характеристики, характер приметного объекта, сравнительные характеристики, цвет, наличие полезных ископаемых, имя владельца местности, размер, величина, культовые и обрядовые особенности, происхождение. Подобные характеристики объектов номинации давали возможность их создателям выделять их из ряда других географических объектов. Назвали уникальные природные объекты: гора-крепость Пойзым, культовая гора Ат теерізі таг, культовое место Хызыл чарна, древний рудник на горе Пил. В работе были использованы сравнительный метод, метод накопления и отбора фактов, исторический метод, а также методы анализа и синтеза. В перспективе планируется дальнейшее исследование топонимии Таштыпского района республики Хакасия, с последующим изданием «Топонимического словаря Юга Хакасии» с полным перечнем географических названий. Статья подготовлена на основе материалов информантов, словарей, лингвистических, исторических, фольклорных, публицистических источников.

Ключевые слова: топонимия, топонимика, географические названия, хакасский язык, Хакасия, Таштыпский район, способы номинации, топонимические исследования, лингвистика, тюркология, тюркская топонимика, село Чиланы, микротопонимы.

R. A. Lezhnin

Toponymy of the village of Chilany, Tashtypsky District, Republic of Khakassia

N.F. Katanov Khakass State University, (Russia)

Abstract. The article considers and analyzes the names of geographical objects in the vicinity of the village of Chilany, Tashtypsky District, Republic of Khakassia. The purpose of our research is to compile a complete list of toponyms in the vicinity of the village, their description indicating the motive for the nomination. There were 26 names of geographical objects in this territory. Among them, we identified the names of villages, rivers, mountains, dens, towns, tributaries, and lakes. It was shown that the names of geographical objects of this area contain such components as: *aal* 'village, village', *хол* 'log', *суз* 'river', *таг* 'mountain', *таз* 'stone', *сын* 'pass', *хус* 'mountain grove', *чал* 'mountain ridge', *чарна* 'washout', *покос* 'mowing', *одаз* 'hut, dwelling', and *пук* 'meadow'. We determined the ways of word formation of toponyms of this area. The following features of the nomination of these objects were identified: the presence of fauna or flora, location features, qualitative

ЛЕЖНИН Роман Александрович – старший преподаватель, аспирант, ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова».

E-mail: Lezhnin_roman@mail.ru

LEZHININ Roman Alexandrovich – Senior Lecturer, postgraduate student, N. F. Katanov Khakass State University.

characteristics, the nature of the noticeable object, comparative characteristics, color, the presence of minerals, the name of the owner of the area, size, magnitude, cult and ritual features, and origin. Such characteristics of the objects of the nomination made it possible for their creators to distinguish them from a number of other geographical objects. They named unique natural objects: the Poyzym fortress mountain, the cult mountain at teerizi tag, the cult place of Khizil Charna, the ancient mine on the Pil mountain. In this work, the comparative method, the method of accumulation and selection of facts, the historical method, as well as methods of analysis and synthesis were used. In the future, it is planned to further study the toponymy of Tashtypsky District of the Republic of Khakassia, with the subsequent publication of the «Toponymic Dictionary of Southern Khakassia» with a complete list of geographical names. The article is based on the materials of informants, dictionaries, linguistic, historical, folklore, and media sources.

Keywords: toponymy, toponymy, geographical names, Khakass language, Khakassia, Tashtypsky District, methods of nomination, toponymic research, linguistics, Turkology, Turkic toponymy, Chilany village, microtoponyms.

Введение

Объектом нашего исследования являются топонимы в окрестностях села Чиланы Таштыпского района Республики Хакасия.

Чиланы (хак. – Чыланньг) – село. Расположено в 11 км к северо-востоку от райцентра – с. Таштып. Село находится на берегу одноименной реки, впадающей в реку Таштып [1, с. 276].

На данной территории проживают и ведут хозяйственную деятельность представители коренной национальности (носители хакасского языка). Село Чиланы было основано в 1700 году.

На 1917 год в нем насчитывалось 74 хозяйства [2, с. 206]. По сведениям последней переписи населения, в с. Чиланы проживает 164 человека (100% хакасы).

Целью нашего исследования является составление полного перечня топонимов в окрестностях села Чиланы, их описание с указанием мотива номинации. В данной местности присутствуют различные физико-географические объекты: горы, реки, лога, покосы, рощи, родники и т.д., каждый из которых имеет свое название.

Описание микротопонимов села Чиланы, мотивы номинации

Населенный пункт Чиланы получил свое название благодаря одноименной речке, на берегу которой находится. *Чиланы* от хакасского слова *чыланньг* с морфами *чылан* ‘змея’ и *-ньг* –аффикс прилагательного со значением наличия. Буквально переводится ‘со змеями’. Существует народная версия, что реку называли «Чиланы» из-за большого количества поворотов (извилистая, как змейка), что не представляется правдоподобным, так как по логике хакасского языка *чыланньг* трактуется однозначно только как ‘со змеями’.

Эту версию подтверждают местные легенды. По одной из легенд, Змеиной реку нарекла молодая девушка. Однажды она, увлекшись сбором ягод на склоне горы, чуть не наступила на змею. Девушка от испуга бросилась бежать, а змея – за ней. Долго она убегала – змея же не отставала. У девушки оставалась последняя надежда – спастись от нее в реке. Но откуда же ей знать, что змеи отлично плавают?! Именно в реке змея настигла девушку и обвилась вокруг ее ноги. Девушка, пытаясь защититься, дернула ногой, и змея отлетела. Очень сильно обиделась она на эту речку за то, что не защитила, прозвала ее Змеиной и в проклятиях пожелала ей пересохнуть. Эту легенду рассказала Шульбаева Валентина Гавриловна (1939 г.р.).

По другой легенде, записанной со слов Чебодаевой Галины Михайловны (1960 г.р.), которой рассказал ее дед Таскараков Ай-Алтын Одаевич (примерно 1900-1905 г.р.), в старые времена охотник зимой наткнулся на огромное змеиное логово. В пещере, засыпанной снегом, лежало очень много змей, больших и мелких, самая большая же была размером с лошадиную голову. Позже это логово взорвали, но с тех пор в окрестностях деревни появилось много змей.

Обе легенды говорят об обилии змей в этих местах. Говорят, по сей день в жару местные жители могут наблюдать греющихся на гладких камнях у реки змей.

Топонимы с апеллятивом *чылан* довольно распространены в Сибири. Так, в Хакасии имеется одноименная река *Чыланньг* в Аскизском районе, перевал *Чыланньг пил* в Бейском

районе, гора *Чыланныг таг* в Орджоникидзевском районе, ручей *Чыланныгхарасуг*, гора *Чыланордазы* в Аскизском районе, гора *Чыланныгхарых*, гора *Чылантаг* в Ширинском районе, местность *Чыланныг хас*, гора *Чыланныг чурт* в Усть-Абаканском районе, гора *Чылан сорах* в Боградском районе [2, с. 206-207]. На территории Красноярского края апеллатив *чылан* имеет левый приток реки Колба – *Большой Малый Жуланы*, гора *Чыланныг хыр* в Шарыповском районе. В Горной Шории в бассейне реки Мрас-су есть ручей *Чуланы*. Авторы «Словаря по географии и топонимике Горной Шории» считают, что название ручья дано от шорского термина *чылан* – змея, либо от хакасского *чалан* – единственный [3, с. 141]. В республике Тува широко распространено географическое название с термином *чыланныг*. Оно присутствует в наименованиях гор, рек и местечек. Б. К. Ондар считает, что мотивами номинации этих топонимов выступает либо обилие змей на конкретной территории, либо извилистость реки, ручья, дороги (как змея) [4, с. 502]. На территории Горного Алтая данный термин также часто употребляется в названиях рек, ручьев, гор, озер, островов, логов, урочищ, покосов, степей и заимок (Например: *Жыланду-Боом*, *Жылан-Туу*, *Еланда*). О. Т. Молчанова объясняет их происхождение наличием змей в данной местности [5, с. 369].

Как видим, обилие змей обусловили название реки *Чиланы* в Таштыпском районе Хакасии. Обилие сурков послужило основой для наименования его притока – *Тарбаган* (по-хакасски *Тарбаган* ‘сурок’). На ней раньше стоял одноименный аал, ныне нежилой. По указанию В. Я. Бутанаева, в 1917 году там насчитывалось 44 хозяйства [2, с. 123].

У аала *Тарбаган* расположилась гора *Тарбаган сыны* (букв. ‘перевал Тарбагана’), название которой обусловлено «близким местоположением к населенному пункту Тарбаган (Тарбаган – ойконим) + сын ‘перевал’ + ы (аффикс принадлежности третьего лица)» [6, с. 164].

Другой ороним урочища Чиланы *Чамдых Хус* переводится как ‘половина горной рощи’ [2, с. 199]: *чамдых* ‘половина’ + *хус* ‘горная роща’ [2, с. 190]. Народная версия номинации оронима, рассказанная информатором, о том, что *Чамдых Хус* – это половина птицы, потому что гора похожа на птицу без одного крыла, скорее всего, возникла по причине утраты в обиходной речи хакасов семантики «горная роща» в слове *хус*. В хакасском языке слова *хус* ‘птица’ и *хус* 1) ‘место, часть горы, не освещенная солнцем; северная сторона горы’; 2) ‘чаща, заросли’ [7, с. 869] являются омонимами. Ороним *Чамдых Хус* можно толковать как ‘небольшая, половинчатая горная роща’.

В двух километрах от Чилан находится гора *Ам теерізі таг* (гора конской шкуры). По местной легенде, в селе Карагай жил бай, у которого была очень красивая дочь. И у него трудился батрак. Батрак и девушка полюбили друг друга, начали тайно встречаться. Бай, прознав про это, закрыл дочь в горнице, а сам отлучился в соседний аал. Три дня билась девушка, чтобы выйти из заточенья. На третий день ей удалось бежать через окно. Убегая, она прихватила шкатулку, доверху набитую отцовским золотом. Села на самого быстрого коня и ускакала. Быстро конь бежал, но попал в болото и застрял. Пыталась она его вытащить, однако погоня была близка. Оставив коня, взбежала она на вершину горы. Там спрятала шкатулку с золотом и, крикнув преследователям, что золото найдет только молодая незамужняя девушка, прыгнула вниз с горы. Конь ее в трясине тоже испустил дух, мясо быстро испортилось, но шкура еще долго лежала на болоте. Говорят, один старик упорно пытался отыскать на «Горе конской шкуры» золотой клад, но так и не нашел, ведь его может найти только молодая незамужняя девушка. Эту легенду поведала Чебодаева Галина Михайловна (1960 г.р.), которой рассказал ее дед Таскараков Ай-Алтын Одаевич (примерно 1900-1905 г.р.). Жители аалов Чиланы и Карагай до сих пор ходят сюда и кормят духов едой. Действительно, гора *Ам теерізі таг* (гора конской шкуры) – культовое место, где совершали горное жертвоприношение. Свое название гора получила от обряда, когда шкуры жертвенных лошадей оставляли на деревьях [2, с. 29].

В 2 км к югу от села Чиланы расположена гора *Пил* ‘перевал’. По историческим данным, в Тагарский период (VII-IV вв до н.э.) там находился рудник [8, с. 178].

Самая высокая гора (902,8 м) около устья реки Чиланы называется *Харагай* (по-хакасски *Харагайлыг таг* ‘сосновая гора’) [2, с. 163]. Местные жители из-за высоты называют ее по-

русски Маяком. Недалеко от нее расположена гора *Харагайлыг чал*, которую В. Я. Бутанаев переводит как ‘сосновая грива’ [2, с. 163]. Название оронимов с апеллятивом *харагай* мотивировано произрастающими там соснами: морфема *-лыг* в хакасском языке обозначает наличие того, что обозначено корнем, *харагайлыг* буквально ‘с соснами’. Так, например, в Хакасии известны топонимы *Харагайлыг өзен* (Сосновый лог) в Аскизском районе, *Харагайлыг сопак* (Сосновая сопка) в Усть-Абаканском районе, *Харагайлыг таг* (Сосновая гора) в Орджоникидзевском районе, по реке Большие Арбаты в Таштыпском районе и по реке Абакан в Аскизском районе, *Харагайлыг хамах* (Сосновый пригорок) по реке Таштып в Таштыпском районе, *Харагайлыг хыр* (Сосновый холм) – два холма в Аскизском районе. В Республике Алтай известно 16 топонимов с элементом Карагай, многие названия объясняются наличием сосен. Но О. Т. Молчанова выдвигает версию о том, что река *Карагай* могла получить свое название от имени племени, жившего по течению Катуни в Горном Алтае [5, с. 439-440]. В Бай-Тайгинском кожууне республики Тува, есть река, лог и степь *Кара-Харагай*. Б. К. Ондар отмечает, что в тувинских словарях слово *харагай* отсутствует, но она видит родство с хакасским *харагай*, алтайским *карагай*. Название объясняет произрастающими соснами по берегам реки [4, с. 242].

Однако наши информаторы считают, что гора ошибочно озвучена *Харагаем*, что местные жители называют ее *Хара хайа* ‘черная скала’. По словам информаторов, сосны там не растут, а название гора получила из-за того, что состоит из темных скалистых камней. Однако расположение рядом двух гор с элементом *харагайлыг* ‘с соснами’ может свидетельствовать о былом наличии сосен в этих горах.

Гора *Пойзым* (Пограничная) – г. Б. М. Бозья по р. Таштып около а. Бутрахты (Таш. р-н). Согласно мифам, на вершине г. Б. Бозья покоится железный плот, сохранившийся со времен потопа [2, с. 86]. Судя по материалам местной жительницы В. Петелиной, опубликованным в газете «Земля Таштыпская», до сих пор живы свидетели, видевшие останки железного плота на вершине горы. Кроме того она отмечает, что *Пойзым* служила караульной горой: «С вершины горы видна великолепная панорама! В средние века там находилась сторожевая башня. Враг был еще далеко, а народ уже предупрежден: зажжены сигнальные костры, в небо поднимается дым. Огни передавали опасность: готовьтесь, враг наступает! Далее сообщение передавалось с других вершин. По всей территории Хакасии, за считанные часы, воины собирались в отряды. Женщины, старики и дети прятались в горах. Позже, с приходом русских, там проходил пограничный рубеж. До сих пор вдоль хребта находятся обаа – камни, сложенные в виде столбцов».

Этимология названия неизвестна. По мнению Сагатаевой Степаниды Ананьевны (1945 г.р.), изначально гора называлась Пайзым (богатая), из-за большого количества произрастающей там ягоды (костяника, рябина, боярка, малина, жимолость, клубника). Версия неправдоподобна.

Лог *Хорым хол* получил название из-за постоянного скопления курумов (*хорым*) – каменного материала, состоящего из валунов, щебня, мелких осколков скал. Больших курумов там нет, но есть россыпи маленьких сыпучих камней. Легенда гласит, что однажды в *Хорым холе* девушка собирала сено, и на нее вышел медведь. От испуга она побежала, но медведь, догнав ее, всячески пытался показать свое доброе к ней расположение. Успокоилась девушка, что медведь не злой. Он показал ей свою пятку с большой занозой и огромной раной. Долго девушка мучилась с крепко засевшей занозой, но таки вытащила ее и обработала рану целебными травами. Медведю стало легче, он помог девушке управиться с сеном. И каждый год медведь выходил из леса и помогал ей (Таскараков Ай-Алтын Одаевич). Местные жители считают это далеким, таежным местом, где водятся медведи.

Гора *Азыр тас* (букв. ‘раздвоенный камень’) получила свое название от примечательного огромного камня с раздвоенным концом, лежащего на вершине горы. Гора *Муус таг* ‘рогатая гора’ имеет внешнее сходство с рогами. На горе *Тимир тас* ‘железный камень’ добывают железо.

Мотивационные признаки «преимущественного произрастания определенных фитонимов» наблюдаются в названиях лога *Нымырттыг хол* (букв. ‘черемуховый лог’) и местечка

Дягил рос ‘дягилевая роща’. Последнее название является хакасской огласовкой русского названия. Во время войны люди ходили в эту рощу за дягилем. Однако иногда одна примечательная растительность может явиться номинационным признаком. Так, местечко *Пай хазың* (букв. ‘богатая береза’) названо в честь одиноко растущей роскошной березы.

«Цвет» явился мотивом в номинации лога *Сарыг хол* (букв. ‘желтый лог’). В этом логу произрастают березы, много желтых груздей. Осенью во время листопада лог окрашивается в желтый цвет. *Хызыл чарна* (букв. ‘красная промоина (обрыв, берег, бок)’). В этом месте р. Таштып подмывает берег. Культурное место. Характерным признаком является наличие красной глины.

«Именем / прозвищем владельца» называют покосы и частные территории. Так, *Солдатның покосы* (букв. ‘покос Солдата’) названо по имени (прозвищу) владельца; *покос Ырбекей* (букв. ‘бабочка’) – по прозвищу хозяина покоса; местечко *Ирен одаа* (букв. ‘жилище Ирена’) – по имени Султрекова Ирена, который построил там домик.

Хара-суг (букв. ‘родник’) – бессточное озеро родникового происхождения с очень холодной водой и черной грязью. Водилось много щуки и окуня. В настоящее время иссохло.

Местечко *Пун* произошло от русского слова *бон* – плавучее ограждение или заграждение на реках, озерах. Глубокое, тихое место для купания на р. Таштып, где раньше стояли боны.

Местечко *Хастырых пүк* (букв. ‘лыковый луг’) [2, с. 170]. Расположен у слияния р. Чиланы и р. Таштып. По сведениям информаторов, в этом месте зайцы грызли кору деревьев, а люди снимали лыко с тальника для хозяйственных нужд.

Заключение

Таким образом, нами рассмотрено 26 топонимов в окрестностях села Чиланы. Из них – два названия аала, по одному названию реки, притока, озера, десять названий гор, три названия лога, восемь названий местечек. Эти наименования географических объектов данной местности содержат в себе такие компоненты как: *аал* ‘село, селение’, *хол* ‘лог’, *суг* ‘река’, *таг* ‘гора’, *тас* ‘камень’, *сын* ‘перевал’, *хус* ‘горная роща’, *чал* ‘горная гряда’, *чарна* ‘промоина’, *покос* ‘покос’, *одаг* ‘шалаш, жилище’, *пүк* ‘луг’.

Причинами номинации данных объектов является отражение отдельных свойств объектов, например: наличием фауны (*Чыланньыг* «букв. ‘со змеями’», *Тарбаган* «букв. ‘сурок’»), наличием флоры (*Харагайлыг таг* «букв. ‘гора с соснами’», *Харагайлыг чал* «букв. ‘горная гряда с соснами’», *Нымырттыг хол* «букв. ‘лог с черемухой’», *Дягил рос* ‘дягилевая роща’), расположением сел на одноименной реке (*Чыланньыг аал* от реки *Чыланньыг*, *Тарбаган аал* от притока *Тарбаган*), расположением близ сел (*Тарбаган сыны* «букв. ‘перевал Тарбагана’»), качественными характеристиками (*Хорым хол* ‘лог с курумами’, *Хастырых пүк* ‘лыковый луг’), характера приметного объекта (*Пай хазың* ‘букв. богатая береза’, *Азыр тас* «букв. ‘раздвоенный камень’», *Пун* «русс. ‘бон’»), сравнительными характеристиками (*Муўс-Таг* «букв. ‘рог-гора’»), цвету (*Сарыг хол* «букв. ‘желтый лог’», *Хызыл чарна* «букв. ‘красная промоина’»), наличием полезных ископаемых (*Тимір Тас* «букв. ‘железо-камень’»), именем владельца местности (*Солдатның покосы* «букв. ‘покос Солдата’», *Покос Ырбекей* ‘Покос Орбекея’, *Ирен одаа* «букв. ‘жилище Ирена’»), размером, величиной (*Чамдых хус* «букв. ‘половинчатая горная роща’»), культовыми и обрядовыми особенностями (*Ат теерізі таг* «букв. ‘гора конских шкур’»), происхождения (озеро *Харасуг* от *харасуг* ‘родник’), переносом названия географического объекта на топоним (гора *Пил* от *пил* ‘перевал’).

Осталась невыясненной этимология горы-крепости *Пойзым*.

Географические названия окрестностей села Чиланы образованы разными способами:

а) путем прямого перехода нарицательного слова в топоним (гора *Пил* от *пил* ‘перевал’, озеро *Харасуг* от *харасуг* ‘родник’, приток *Тарбаган* от *тарбаган* ‘сурок’);

б) путем образования сложных топонимов из прилагательного и существительного (*Чамдых хус* «букв. ‘половинчатая горная роща’», *Сарыг хол* «букв. ‘желтый лог’», *Пай хазың* «букв. ‘богатая береза’», *Азыр тас* «букв. ‘раздвоенный камень’» и др.);

в) через изафет – сложное сочетание со значением принадлежности (*Тарбаган сыны* «букв. 'перевал Тарбагана'», *Ирен одаа* «букв. 'жилище Ирена'», *Ат теерізі таг* «букв. 'гора конских шкур'»);

г) путем образования сложных топонимов из прилагательного с формантом наличия – *лыг/-тыг/-ныг* и существительного (*Харагайлыг таг* «букв. 'гора с соснами'», *Харагайлыг чал* «букв. 'горная гряда с соснами'», *Нымырттыг хол* «букв. 'лог с черемухой'»);

д) путем примыкания двух существительных (*Хорым хол* «букв. 'курумы-лог'», *Хастырых пүк* «букв. 'лыко-луг'», *Мүүс-Таг* «букв. 'рог-гора'», *Тимір Тас* «букв. 'железо-камень'»);

е) от русских названий (*Дягил рос* от русс. 'дяги́левая роща', *Пун* «русс. 'бон'»).

Литература

1. Энциклопедия Республики Хакасия: в 2 т. / Гл. ред. В. А. Кузьмин. – Красноярск: Поликор, 2008. Т. 2: О-Я. – 320 с.
2. Бутанаев В.Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. – Абакан, 1995.
3. Старков Г.П., Старкова Е.И. Словарь по географии и топонимике Горной Шории. – Таштагол, 2001.
4. Ондар Б.К. Топонимический словарь Тувы. – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2007. – 552 с.
5. Молчанова О.Т. Энциклопедия названий и мест Горного Алтая. – Щецин, 2018.
6. Сунчугашев Р.Д. Топонимия Хакасии. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2009. – 198 с.
7. Хакасско-русский словарь. – М., 2006. – 1114 с.
8. Тугужекова В.Н., Данькин Е.Н. Туризм // Таштыпский район. История и современность / Отв. ред. В.Н. Тугужекова. – Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2008. – С. 178.
9. Тайны Хакасии. Заветы предков (Продолжение темы) // URL: tashtyp3.ru Земля Таштыпская.

Информаторы

Сагатаева Степанида Ананьевна (1945 г.р.)

Шулбаева Валентина Гавриловна (11 августа 1939 года, улус Чилан, Таштыпский район, Хакасская автономная область) – хакасский драматург. Член Союза писателей России (1980), Союза театральных деятелей России. Заслуженный работник культуры РСФСР, заслуженный деятель искусств Республики Хакасия. Лауреат Государственной премии Республики Хакасия имени Николая Федоровича Катанова.

Чebодаева Галина Михайловна (1960 г. рождения) – воспитатель в школе, урожденная с. Чиланы.

Таскараков Ай-Алтын Одаевич (примерно 1900-1905 г.р.), дед Чebодаевой Галины Михайловны.

References

1. Jenciklopedija Respubliki Hakasija: v 2 t. / Gl. red. V. A. Kuz'min. – Krasnojarsk: Polikor, 2008. T. 2: O-Ja. – 320 s.
2. Butanaev V.Ja. Toponimicheskij slovar' Hakassko-Minusinskogo kraja. – Abakan, 1995.
3. Starkov G.P., Starkova E.I. Slovar' po geografii i toponimike Gornoj Shorii. – Tashtagol, 2001.
4. Ondar B.K. Toponimicheskij slovar' Tuvy. – Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2007. – 552 s.
5. Molchanova O.T. Jenciklopedija nazvanij i mest Gornogo Altaja. – Shhecín, 2018.
6. Sunchugashev R.D. Toponimija Hakasii. – Abakan: Hakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2009. – 198 s.
7. Hakassko-russkij slovar'. – M., 2006. – 1114 s.
8. Tuguzhekova V.N., Dan'kin E.N. Turizm // Tashtypskij rajon. Istorija i sovremennost' / Otv. red. V.N. Tuguzhekova. – Abakan: Izdatel'stvo Hakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova, 2008. – S. 178.
9. Tajny Hakasii. Zavety predkov (Prodolzhenie temy) // URL: tashtyp3.ru Zemlja Tashtypskaja.

Informants

Stepanida Ananyevna Sagataeva (born 1945)

Valentina Gavrilovna Shulbaeva (August 11, 1939, Chilan Ulus, Tashtypsky District, Khakass Autonomous Oblast) is a Khakass playwright. Member of the Union of Writers of Russia (1980), the Union of Theater Workers of Russia. Honored Worker of Culture of the RSFSR, Honored Art Worker of the Republic of Khakassia. Laureate of the State Prize of the Republic of Khakassia named after Nikolai Fedorovich Katanov.

Galina Mikhailovna Chebodaeva (born in 1960) – school teacher, born in the village of Chilany.

Ai-Altyn Odaevich Taskarakov (born about 1900-1905), grandfather of Galina Mikhailovna Chebodaeva.

А. А. Васильева

Сопоставительная грамматика разносистемных языков как теоретическая основа русско-якутского перевода

СВФУ им. М. К. Аммосова. г. Якутск, Россия

Аннотация. Актуальность статьи заключается в том, что профессиональное отношение к русско-якутскому переводу и научное исследование его специфических проблем в условиях естественного двуязычия может не только повысить качество перевода и культуру речи, но также может способствовать выработке механизмов защиты миноритарного языка от ускоренной ассимиляции. В статье ставится цель систематизации основных грамматических преобразований, вызываемых несоответствием грамматических форм в русском и якутском языках. В практике перевода это четыре основных преобразования, установленные в общей теории перевода и характерные для всех пар языков: 1) перестановки; 2) замены; 3) добавления; 4) опущения. Новизной исследования можно назвать то, что разработки по сопоставительной грамматике русского и якутского языков, ранее сделанные учеными-методистами, в статье рассматриваются в новом ракурсе транслатологии. Теоретической основой статьи послужили, в основном, работы по общей теории перевода Я.И. Рецкера, И.С. Алексеевой, работы якутских лингвометодистов Е.Н. Дмитриевой, Н.И. Ивановой и др., работы основателя частной теории русско-якутского перевода Т.И. Петровой. Методами сопоставительного анализа устанавливаются соответствия и расхождения грамматики русского и якутского языков, методом наблюдений были установлены регулярные трансформации при русско-якутском переводе; работа носит описательный характер для систематизации объективно существующих переводческих преобразований в конкретной паре языков. В результате установления специфики грамматических трансформаций при русско-якутском, якутско-русском переводе были выявлены следующие соответствия и расхождения контактирующих языков, наиболее важные для дидактики перевода: 1) конвенциональные расхождения при формальном соответствии категории множественности в обоих языках; 2) расхождения в падежном склонении, в большинстве случаев способные обнаружить неформальные соответствия благодаря общим глубинным структурам и имплицитному содержанию; 3) расхождения в развитии глагольных форм вплоть до образования лакун, преодолеваемых с помощью лексико-семантических преобразований; 4) расхождения в типах связи слов, синтаксисе простого и сложного предложения, для которых чаще всего находятся регулярные функциональные соответствия в языке перевода благодаря возможностям синтаксической синонимии; 5) отсутствие в якутском языке категории рода, которое преодолеваются благодаря естественной избыточности языковых форм. В перспективе, выявленные закономерности становятся базой для разработки и внедрения практических пособий по переводу и редактированию.

Ключевые слова: общая теория перевода, русско-якутский перевод, русский язык, якутский язык, сопоставительная грамматика, переводческие трансформации, приемы перевода, разносистемные языки, функциональная стилистика, миноритарный язык, литературный язык, языковые контакты.

ВАСИЛЬЕВА Акулина Александровна – к. филол. н., доцент кафедры «Стилистика якутского языка и русско-якутского перевода» Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: vaaperevod@mail.ru

VASILEVA Akulina Alexandrovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Yakut Stylistics and Russian-Yakut Translation Department, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

A. A. Vasileva

Contrastive grammar of heterogeneous languages as a theoretical framework of Russian-Yakut translation

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The article's relevance lies in the understanding that a professional approach to the Russian-Yakut language and scholarly research of its specific issues may not only improve translation and culture of speech but also protect the minority language from rapid assimilation. The article's purpose is to systemize the main grammatical transformations that appear due to discrepancies in grammatical forms of the Russian and Yakut languages. In translation practice, there are four main transformations determined in general translation theory and typical for all pairs of languages: 1) transpositions, 2) substitutions, 3) additions, and 4) omissions. The article's novelty is that developments on the comparative grammar of the Russian and Yakut languages, previously made by scholars-educators, are considered in the article from a new perspective of translation and interpretation studies. The works on the general theory of translation by Ya.I. Retsker and I.S. Alekseeva, works of the Yakut linguistic methodologists E.N. Dmitrieva and N.I. Ivanova, as well as the works of the founder of the specific theory of Russian-Yakut translation T.I. Petrova provided the main theoretical framework for this article. The equivalents and discrepancies of the grammar of the Russian and Yakut languages are determined via the methods of comparative analysis. The observation method determines usual transformations in the Russian-Yakut translation. The work is descriptive and systematizes objectively existing translation transformations in a particular pair of languages. The following equivalents and discrepancies of the contacting languages, most important for translation didactics, were detected as a result of the establishment of the specific features of grammatical transformations in the Russian-Yakut and Yakut-Russian translations: 1) conventional discrepancies with the formal equivalence in the category of plurality in the both languages; 2) discrepancies in the case declension; in most cases it enables the detection of non-formal equivalents due to common remote structures and implicit content; 3) discrepancies in the development of verb forms up to the formation of lexical gaps, which can be compensated with the help of lexical-semantic transformations; 4) discrepancies in the types of word linking, the syntax of simple and complex sentences, for which regular functional equivalents are most often found in the target language due to the possibilities of syntactic synonymy; 5) the absence of gender in the Yakut language, which is compensated by the natural redundancy of linguistic forms. In future, the identified patterns may lay the basis for the development and implementation of practical manuals for translation and editing.

Keywords: general translation theory, Russian-Yakut translation, Russian language, Yakut language, contrastive grammar, translational transformations, translation techniques, heterogeneous languages, functional stylistics, minority language, literary language, language contacts.

Введение

В 1950 г. Я.И. Рецкер опубликовал статью «О закономерных соответствиях при переводе на родной язык», которая стала основой для бурно развившейся впоследствии лингвистической теории перевода. Как известно, он выделил три основные группы переводческих соответствий: эквиваленты, аналоги и адекватные замены [1]. Позднее он расширил свою классификацию переводческих соответствий, углубил теоретическое обоснование своих наблюдений, и в 1974 г. издал книгу «Теория перевода и переводческая практика», которая выдержала несколько переизданий [2]. Теория закономерных соответствий продвинула науку вперед, объяснив лингвистические механизмы переключения языковых кодов, и тем самым став основой для дальнейшего изучения лингвистики перевода.

Благодаря тому, что теория Я.И. Рецкера универсальна для любых языковых пар, она применима также и для пары «русский и якутский языки». Несмотря на то, что теория закономерных соответствий иллюстрирует преимущественно лексические приемы перевода, сама идея о наличии регулярных переводческих соответствий в контактирующих языках ведет к тому, что такие соответствия могут быть установлены и на других уровнях языка – фонетическом, морфологическом, синтаксическом. Таким образом, начавшееся в СССР в 1970-х гг. изучение связи перевода с сопоставительной грамматикой, сейчас актуально для частной теории и

практики русско-якутского перевода, на которую ученые обратили внимание лишь в начале XXI века.

Интересно отметить, что в истории русско-якутского перевода еще в 30-е годы прошлого столетия уже делалась попытка обосновать лингвистическую природу переводческой деятельности. Так, писатель и поэт А.А. Иванов-Кюндэ написал статью «Хайтах тылбаастыахха» (Как нужно переводить) и опубликовал ее в журнале «Кысыл ыллык» [3]. В статье он анализирует всего два неправильно переведенных Платоном Ойунским предложения, но делает значительные выводы о переводческих закономерностях, существующих в паре «русский и якутский языки». Так, он писал: «Хайа да омуктар тыллара биир быһыылаах буолбат, арыт биир тыл биир тылга сатаан тылбаастаммат буолар, тылбааччыттар сыгамматыгар тийэн кэ-лэннэр бу тылга бу тыл сөп буолуо дии-диилэр тыл уган иһэлэр, ол сатамат... Ньюучча этиитин быһыыта (конструкция речи) саха этиитин быһыытыттан букатын атын буолар. Ньюучча этиитигэр тутаах этиилэрэ (главные предложения), кыра ииспэрэй этиилэр (подчиненные и соподчиненные предложения) иннилэригэр буолар. Саха этиитин быһыыта ньюучча киэнииттэн атына диэн буолар – саха этиитигэр кыра ииспэрэй этиилэр тутаах этии иннигэр буолаллар» (Языки разных народов неодинаковы, иногда невозможно перевести слова на другой язык, а переводчики, когда не могут найти перевода, наугад вставляют слова, думая, что это слово подойдет вместо этого, но так делать нельзя. Конструкция русской речи сильно отличается от строя якутского предложения. В русском предложении главные предложения стоят перед подчиненными и соподчиненными предложениями. Отличие строя якутского предложения – подчиненные предложения располагаются впереди главного предложения. *Пер. наш – А.В.*). Как видим, ни терминология, ни стиль изложения на якутском языке лингвиста, писателя, переводчика А.А. Кюндэ 1930-х годов не отвечают требованиям развитой лингвистической науки (я постаралась перевести отрывок, сохраняя его стиль, отличающийся от современного научно-популярного стиля якутского языка). Но эти выводы якутского лингвиста, сделанные за двадцать лет до Я.И. Рецкера, отвечают современным представлениям о лингвистике перевода. Однако в те годы они не могли получить своего научного обоснования и развития в связи с тем, что сама наука о якутском языке только начиналась разрабатываться, а тем более о сопоставительной грамматике контактирующих в переводе языков не могло быть и речи.

Сопоставительное изучение контактирующих при русско-якутском переводе языков долгое время проводилось методистами, разрабатывающими вопросы обучения якутских детей русскому и иностранному языкам. Мы говорим о работах В.М. Анисимова [4], Е.Н. Дмитриевой [5], М.М. Фомина [6] и др. Так как эти работы основываются на наблюдениях за интерференцией, их результаты применимы и в переводческой дидактике, и в разработке теоретических вопросов русско-якутского, якутско-русского перевода.

Перевод – это всегда поисковая работа, тесно связанная с выбором наиболее точного варианта перевыражения на другом языке. Поиск соответствий при переводе и выбор вариантов перевода всегда должен учитывать лингвистические и экстралингвистические факторы. Поэтому перевод на другой язык всегда идет рука об руку с функциональной стилистикой и лингвоэкологией. Другими словами, перевод – это буферная зона между контактирующими языками, в которой в зависимости от уровня профессиональной подготовки и/или природного языкового чутья переводчика, происходит фильтрация лингвистических заимствований из языка оригинала. Если билингвизм переводчика не в достаточной мере координативен, то переводчик неосознанно допускает интерференцию, тем самым нарушая культуру речи языка перевода. Но при переводческом контакте могут возникать сознательные действия переводчика в целях лексического обогащения языка перевода, расширения грамматической синонимии. Специалисты якутского языка оценивают такие явления как положительные, развивающие и обогащающие язык перевода [7; 8]. Однако некоторые исследователи считают, что буквальный перевод с русского языка нарушает культуру речи якутского языка и в конечном итоге, далее действует деструктивно уже на уровне языка и мышления [9; 10].

Например, к.пед.н., профессор СВФУ Т.И. Петрова еще в 1996 г. предостерегала, что нарушения культуры речи под влиянием дословного перевода с русского языка влекут нарушения литературных норм, и, повторяясь из текста в текст, в будущем через изменение языковых норм могут привести к трансформации психологии и национального характера [10, с. 9-10]. Вся ее общественная и научная деятельность была посвящена пристальному изучению языковых контактов в республике, фиксации и анализу речевых и лингвистических явлений в стремительно меняющемся современном якутском языке, продвижению лингвоэкологического отношения к родному языку среди населения.

В итоге многолетних наблюдений за устной и письменной речью билингов-якутов Тамара Ивановна сформулировала тезис о том, что перевод может выступать фактором сохранения родного языка, если относиться к переводческой деятельности сознательно, профессионально как лингвист. Так, в своей программной статье она пишет о значении развития частной теории русско-якутского перевода: «1. Частная теория русско-якутского перевода существенно облегчает многочисленные трудности передачи содержания и языковых особенностей оригинала и способствует повышению качества переводной литературы. 2. Профессиональный перевод, основанный на исследовании функциональных соответствий, как «факт сознательного противодействия интерференции», способствует укреплению литературных норм переводящего (якутского) языка, позволяет бережно относиться к его специфическим особенностям. 3. В связи с тем, что сложившийся литературный язык относится к числу определителей понятия «нация», укрепление и развитие норм якутского языка, к чему во многом способствует частная теория перевода, прямо или косвенно продлевают существование самой нации саха» [11, с. 104].

Сопоставительная грамматика как основа перевода

Как считает И.С. Алексеева, сложностей выражения грамматических значений одного языка средствами другого языка не так много, как казалось бы: «Дело в том, что грамматический строй любого языка так или иначе отражает ту систему логических связей, с помощью которой мы воспринимаем и описываем окружающий мир. Эта система логических связей универсальна и от специфики языка не зависит» [12, с. 209]. Однако, для якутского языка, как языка перевода в паре «русский и якутский языки» более актуальна внешняя оболочка – поверхностная структура, выражающая эти логико-грамматические связи. Она дает варианты синонимичных конструкций, которых можно дифференцировать в функционально-стилистическом аспекте. Именно поэтому считается, что переводческие технологии способны обогащать якутский язык, и именно поэтому роль профессионально подготовленного переводчика-лингвиста как нормализатора современного языка, как сознательной силы, влияющей на языковые процессы, очень важна для сохранения родного языка.

В настоящее время во многих работах по переводоведению мы видим психолингвистическую интерпретацию теории закономерных соответствий при переводе на родной язык Я.И. Рецкера, которая объясняет механизмы билингвизма переводчика. Например, И.С. Алексеева пишет: «Система логических связей, отраженная в грамматике, универсальна. При освоении иностранного языка – независимо от методики обучения – мы невольно сопоставляем те средства, которые известны нам для выражения грамматических значений, со средствами иностранного языка. Таким образом выстраивается грамматическая система иностранного языка, которая увязана в нашем сознании с грамматической системой родного языка» [12, с. 210]. Она утверждает, что грамматические значения одного языка имеют соответствия среди грамматических значений другого языка, но они в подавляющем своем большинстве формально не тождественны. Еще одним важным замечанием ученого-практика является то, что «такого рода соответствия переводческой сложности не представляют; они принадлежат к грамматической системе языка и усваиваются вместе с ней. Языковая компетентность предполагает полноценное владение знаниями об этих соответствиях» [12, с. 210]. Исходя из такого понимания, в ракурсе своего исследовательского интереса она берет именно «те особые случаи в области грамматики, которые лежат в сфере переводческой, а не языковой компетентности

и требуют принятия переводческих решений». К ним она относит следующие случаи: а) отсутствие данного грамматического значения в языке перевода; б) несовпадения в структуре грамматического значения в системе языка, в его конвенциональном и функциональном диапазоне [12, с. 210].

В переводческой паре «русский и якутский языки» к указанным явлениям можно отнести: а) отсутствие категории рода в якутском языке; б) разная степень аналитичности (словообразовательные модели, падежное управление, частотность пассивных конструкций); определенные связи; категория глагола; категория числа имени существительного.

Базовые переводческие трансформации, основанные на закономерных соответствиях грамматических форм русского и якутского языков

Транслатологический подход к тексту предполагает несколько иную акцентировку сопоставительной грамматики контактирующих при переводе языков. Как уже было сказано выше, к межъязыковым преобразованиям переводчик прибегает в двух основных случаях, обусловленных соответствиями и расхождениями контактирующих языков – во-первых, когда в языке перевода не обнаруживается того грамматического значения, которое необходимо передать, перевыразить; во-вторых, когда формально совпадающие в обоих языках грамматические значения не совпадают в конвенциональном и функциональном диапазоне.

В первом случае переводчик использует какие-либо другие языковые средства, в той или иной мере способные передать если не полностью, то частично требуемое грамматическое значение. Во втором случае переводчик использует многообразие переводческих приемов, специфичное для каждой пары контактирующих языков, но сводящихся к четырем основным преобразованиям, установленным в общей теории перевода: 1) перестановки; 2) замены; 3) добавления; 4) опущения. Эти преобразования чаще всего носят комплексный характер и в чистом виде встречаются редко.

Когда в языке перевода не обнаруживается того грамматического значения, которого надо выразить для точности перевода, актуализируются лексические приемы компенсации и т.п. В настоящей статье нас больше интересуют грамматические преобразования, вызываемые несоответствием грамматических форм в контактирующих языках. Как известно, закономерные соответствия между грамматическими формами контактирующих языков устанавливают более-менее постоянные эквиваленты. Несответствия грамматических форм, между тем, тоже бывают регулярными, и между ними, в итоге, также устанавливаются соответствия, достигаемые с помощью переводческих приемов. Рассмотрим их подробнее, с примерами.

В данной статье мы намеренно не рассматриваем лексические трансформации (описательный перевод, генерализация, конкретизация и т.п.), так как делаем попытку разграничить переводческие трансформации, причиной которых становятся формальные и функциональные соответствия и расхождения грамматического строя русского и якутского языков. Итак, в поле нашего внимания в этой статье оказались перестановки, замены, добавления и опущения.

Перестановки

Перестановка (көһөрүү) – это изменение порядка членов предложения при переводе из-за расхождений в синтаксическом строе исходного языка и языка перевода. В нашей паре языков эта грамматическая трансформация происходит на уровне словосочетания, простого предложения и сложноподчиненного предложения.

Как известно, якутский язык отличается твердым порядком слов в предложении и словосочетаниях. Так, определение преимущественно ставится перед определяемым, а сказуемое – в самом конце предложения. Такие ограничения приводят к тому, что при переводе происходят синтаксические трансформации – перестановки. Наиболее яркой и последовательной является перестановка членов изафета при якутско-русском переводе или цепочки родительных падежей при русско-якутском переводе: *аҕам саатын тыаһын дуораана – эхо звука ружья моего отца; пункт распоряжения заместителя председателя совета директоров компании – хампаанньа дириэктэрдэрин сэбиэтин бэрэссэдээтэлин солбуйааччытын дьаһалын нууна.* Данная трансформация имеет регулярный характер и двустороннюю направленность, то есть

порядок членов в таких сочетаниях имеет точный обратный порядок в контактирующих языках.

Сказуемое в якутском предложении располагается в конце предложения, иной порядок слов считается инверсией. Например, *Жили-были дед да баба. – Обонньордоох эмээхсин олорубуттара эбитэ үһү.* Если в русском предложении после сказуемого могут стоять и другие члены предложения, то при переводе на якутский язык сказуемое переставляется в конец, а, например, деепричастный оборот переставляется в препозицию по отношению к сказуемому: *Ночью я несколько раз просыпался, боясь проспать поезд. – Поездка хойутуом диэн куттанан, түүн хаста даҕаны уһукта сырыттым.*

Известно, что между частями сложного предложения в якутском языке существуют такие же синтаксические связи, как и между словами в словосочетании. В связи с этим в русско-якутском, якутско-русском переводе перестановка частей сложноподчиненного предложения также входит число регулярных переводческих преобразований синтаксической структуры предложения. Например, *Истэрэ кытара тэскэйбит кумаардар дыгынаһаллар. – Пищат комары, у которых брюхо раздулось от крови (Пищат комары с раздувшимся от крови брюхом).* В этом сложноподчиненном предложении с определительной придаточной предикативное сочетание *кумаардар дыгынаһаллар* является главным предложением. При переводе на русский язык перевод предикативного сочетания подвергается перестановке в начало сложноподчиненного предложения, а являющаяся в якутском предложении определением придаточная часть *истэрэ кытара тэскэйбит* в русском переводе также является определительной придаточной *у которых брюхо раздулось от крови*, но переставляется в постпозицию по отношению к главной части согласно структуре СПП с определительной придаточной русского языка. Как видно в примере, при переводе сказуемое подвергается перестановке даже в том случае, если происходит замена типа предложения (СПП – ПП).

Замены

Замена (уларытыы) как переводческая трансформация происходит из-за отсутствия какой-либо формы слова или функционального несоответствия части речи, члена предложения. При этой трансформации может раскрыться имплицитное в исходном языке грамматическое, лексическое, семантическое значение единицы. Например, *Чөөчө кинитээбэр ордук куттанна. – Чёчё испугался больше, чем он.* Мы привели пример перевода сочетания со сравнительным падежом, значение которого в русском языке не может быть передано каким-либо соответствующим падежом, так как нет в нем такого падежа, а для передачи сравнения интенсивности действия сложились другие грамматические формы, используются другие части речи.

Следующей причиной замены при переводе являются расхождения языковых конвенций, в том числе литературных норм и узуса при формальном соответствии грамматических форм.

Т.И. Петрова в своей работе «Ыраастык сахалыы санарыах: билинни саха тылыгар нуучча тылын сабыдыала», ставшей основой для современных исследований в области культуры речи, стилистики и перевода, назвала категорию числа одной из наиболее уязвимых областей современного якутского языка [10]. Привлекая в качестве доказательств данные из монографии Е.И. Убрятовой [13], она выделила в якутском языке 11 способов выражения множественности грамматической формой единственного числа существительного: 1) сочетание с числительными (*биэс киһи – пять человек, сүүс сыл – сто лет*); 2) сочетание со словом, указывающим на то, что предметов больше одного (*хас да киһи – несколько человек, элбэх сыл – много лет, аҕыйах дьиэ – мало домов, араас үлэ – разные работы*); 3) парные существительные (*суол-иис алдьанна – дороги размыты*); 4) сочетание с парными числительными (*үс-түүрт киһи – три-четыре человека, биэс-алта сылга – на пять-шесть лет*); 5) сочетание с формой неоформленного винительного падежа (*кинигэ ааҕар – читает книги, алмаас кырылыһыр собуот – завод по огранке алмазов*); 6) парные или состоящие из множества частей от природьпредметы (*хара харахтаах – имеет черные глаза, бөдөн тиистээх – имеет крупные зубы*); 7) явления природы (*тымныы түстэ – пришли холода, ардах ааспыт – дожди прекратились*); 8) вещественные существительные (*үүт аһыйбыт – молоко прокисло, эт бүттэ – мясо закон-*

чилось); 9) собирательные существительные (*кус кэлбит – птицы прилетели, от хагдарыйда – трава пожелтела*); 10) абстрактные понятия (*дьол тосхойдо – счастье улыбнулось, эрэй элбээтэ – страданий стало больше*); 11) сочетания с разными другими грамматическими способами выражения множественности (*чуолбан-чуолбан туннүктээх – с маленькими окнами, буомба түһүтэлээтэ – падали бомбы*) [10, с. 36]. В дальнейшем эти данные были подробно изучены ее учениками И.В. Собакиной в сопоставительном аспекте [14] и Е.С. Герасимовой функционально-стилистическом аспекте [15]. Эти работы носят нормативный характер, так как разграничивают исконно якутские средства выражения множественности и нововведения под влиянием русского языка. На основе такого разграничения исследователи проводят стилистическую дифференциацию грамматических способов выражения множественности в современном якутском языке. Итак, при русско-якутском, якутско-русском переводе регулярной и обратимой трансформацией является замена формы мн. ч. на форму ед.ч. и наоборот при вышеуказанных 11 способах выражения множественности.

Следующей разновидностью переводческих замен во всех парах языков считается замена падежа. Категория падежа – наиболее сложная грамматическая категория с интересной историей развития в каждом языке. Так как отношения, выражаемые падежами, относятся к языковым универсалиям, в контактирующих при переводе языках устанавливаются регулярные соответствия падежных форм, иногда распространяющиеся дальше падежных форм. Мы говорим о наиболее ярком соответствии родительного падежа русского языка и изафета в якутском языке. Это регулярное соответствие существует благодаря единой глубинной структуре указанных конструкций, выражающей отношения принадлежности.

Между другими падежами русского и якутского языков также существуют регулярные соответствия: основной падеж – именительный, винительный, родительный падеж; частный падеж – винительный, родительный падеж; исходный падеж – родительный падеж; орудный падеж – творительный падеж; дательный падеж – дательный падеж; совместный падеж – дательный падеж; сравнительный падеж – родительный падеж [16, с. 51-52]. Кроме этого, благодаря единой глубинной структуре, то есть тождественным отношениям между членами, падежные конструкции которых выражаются и в русском, и в якутском языках, устанавливаются также и регулярные соответствия, выходящие за пределы суффиксально-аффиксального способа образования и переходящие в предложно-послеложные конструкции [17, с. 26-29]. Под влиянием русского языка в современном якутском языке возникает и развивается синонимия падежных конструкций, которые с одной стороны, могут расширить стилистическую дифференциацию, а с другой стороны нарушают литературные и узуальные нормы якутского языка [17, с. 29-32].

Иванова Н.И. и Семенова Л.Н. в своем научно-практическом пособии для учителей национальных школ выделяют два блока проблемной зоны в употреблении падежных форм учащимися-билингвами: а) нарушение безпредложного способа выражения падежных значений; б) нарушения в употреблении предлогов (пропуск предлогов, употребление лишних предлогов, неразличение предлогов) [18, с. 50-51]. Все это вызывается расхождениями падежных систем контактирующих языков, определяется как интерференция на второй язык билингва, и представляет интерес для практики якутско-русского, русско-якутского перевода для предупреждения переводческих ошибок.

Авторы пособия считают, что интерференция в письменной и устной речи билингвов при употреблении падежных форм русского языка вызвана следующими причинами:

- нарушение формы родительного падежа обуславливается зависимостью формы словосочетания от определенности или неопределенности объекта в якутском языке;
- отсутствие однозначных соответствий падежных форм в контактирующих языках (многофункциональность якутского дательного падежа (соответствие винительному, предложному, родительному падежу русского языка));
- более широкая семантика орудного падежа, соответствующая в зависимости от управляемого глагола творительному или дательному падежу русского языка;

– косвенная интерференция, связанная с категорией одушевленности-неодушевленности в русском языке;

– лингвистической причиной пропуска предлогов авторы считают отсутствие предлогов в якутском языке, в результате чего трудно вырабатывается автоматизм употребления предложно-падежных форм;

– лингвистические и психолингвистические причины имеет распространенная интерференция в виде употребления лишних предлогов. Авторы указывают на три фактора возникновения данной интерференции в письменной и устной речи билингов-якутов: 1) интерферентный фон, 2) общеязыковые процессы, 3) влияние устной речи;

– сложности в употреблении предлогов билингвами-якутами, характеризующиеся наибольшим количеством отклонений морфологических норм русского языка и выражающиеся в неразличении предлогов, Иванова Н.И. и Семенова Л.Н. объясняют многозначностью русских предлогов, многофункциональностью некоторых падежей якутского языка, неразграничением билингвами дифференциальных признаков грамматических форм русского языка [18, с. 51-59].

Категория принадлежности универсальна для всех языков, но в отличие от русского языка, в якутском языке она развилась в стройную систему, охватывающую и категорию падежа, и категорию числа имен существительных, и синтаксис на уровне словосочетаний и сложных предложений. Соответствия и расхождения цепочки родительного падежа в русском языке и изафетных конструкций в якутском языке подробно описала Т.И. Петрова [10; 11]. Как педагог-филолог и опытный редактор-переводчик, Тамара Ивановна выделила следующие отклонения от норм выражения притяжательных отношений в современной якутской речи: 1) учет стилистической соотнесенности синонимичных притяжательных форм; 2) деформация притяжательного склонения как следствие прямого перевода с русского языка, в том числе: а) неправильное употребление формы числа в сложном изафете; б) прибавление окончания падежа к другим членам сложного изафета; в) избыточные при наличии аффикса принадлежности местоимения *кини, бэйэтин*; г) опущение в простом изафете окончания мн.ч.; 3) пропуск слова или аффикса принадлежности, приводящий к утрате коннотативного значения высказывания; деформации семантических групп существительных, обозначающих термины родства, названия частей тела, возраст и т.д.; деформации традиционных форм обращений с притяжательным аффиксом» [10, с. 103-104]. Далее исследователь отмечает, что такие нарушения литературных и узуальных норм происходят в числе прочих причин и вследствие сильного влияния русского языка через широкое распространение непрофессионального перевода.

Другой причиной замены грамматического значения той или иной единицы перевода является синонимия грамматических конструкций. Например, сложноподчиненное предложение *Саҥаһа ынахтарын ырыгар көмөлөһөр* на русский язык можно перевести сложноподчиненным предложением *Помогает тетке, когда она доит своих коров*. Также можно перевести простыми предложениями *Помогает тетке доить ее коров. Помогает тетке при дойке ее коров*. В этих примерах мы видим две замены. Во-первых, это замена части речи: причастие *ырыгар* в зависимости от контекста и стилистических целей перевода может быть заменено на глагол настоящего времени, неопределенную форму глагола или отглагольное существительное. Все эти грамматические формы имплицитно содержатся в грамматическом и лексическом значениях якутского причастия *ырыгар*, и реализуются при переводе, так как являются закономерными соответствиями. Во-вторых, в этих вариантах перевода мы наблюдаем замену типа предложения: классифицируемое в якутском языке как сложноподчиненное предложение при замене грамматической формы слова *ырыгар* уже классифицируется как простое предложение русского языка. Так что, с точки зрения переводческих трансформаций мы констатируем замену типа синтаксического типа предложения.

К регулируемым заменам можно отнести замену типов связи слов: а) изафет – управление (*аҕатын саатын тыаһын дуораана – эхо звука ружья его отца*); б) изафет – согласование

(*бөрө үөрэ – волчья стая*); в) примыкание – согласование (*кыһыл былаах – красный флаг, кыһыл лиэнтэ – красная лента, кыһыл былааччыа – красное платье*). Данные трансформации основываются на закономерных соответствиях грамматических конструкций в обоих языках, имеющих одинаковую глубинную структуру – родительный падеж русского языка, так же, как и изафет якутского языка, выражает значение принадлежности; это значение принадлежности присутствует и в относительных прилагательных, выражаемых согласованным определением. Регулярное соответствие примыкания и согласования в контактирующих языках вызвано расхождением в оформлении признака предмета – отсутствием категории рода в якутском языке (или наличием категории рода в русском языке).

Добавления

Добавление (тылы эбии) может иметь лексико-семантические и стилистические причины, но такие добавления нас в этой статье не интересуют. Мы рассматриваем здесь добавление какого-либо слова по грамматическим причинам, то есть для восполнения имплицитного содержания, которое в исходном языке формально не выражается. Наиболее яркий пример – значение принадлежности в изафете. Как известно, категория принадлежности чаще всего выражается морфологически, с помощью специальных аффиксов лица и числа. Поэтому, когда на русский язык переводится фраза с изафетной конструкцией, часто необходимо добавлять местоимение, указывающее на грамматическое лицо обладателя: *абатын саатын тыаһын дуораана – эхо звука ружья его отца*.

Опущения

Опущение (тылы тумнуу) – обратная добавлению переводческая трансформация, три причины которой указывает И.С. Алексеева: а) объективные расхождения между языками; б) компрессия текста при устном переводе; в) корректировка избыточности традиционного словоупотребления [12, с. 174]. Из указанных трех причин в поле наших интересов входит только первая.

К переводческим трансформациям, связанным с реализацией видовых форм глагола, мы относим преобразования, вызываемые лакуной русской лингвокультуры, точнее, особенностью глаголов якутского языка – богатой системой образных глаголов, описывающих протекание действия. Так как гармония звуков в якутском языке носит эстетическую функцию как выразительное средство художественной речи в фольклорных текстах, она проявляется и в такой сфере, как виды глагола, связанной с описанием действия, процесса. Поэтому якутские образные глаголы представляют собой трудность перевода, для преодоления которой применяются переводческие трансформации.

В якутско-русском переводе к опущениям как грамматическим переводческим трансформациям можно отнести опущение элементов сложного сказуемого, происходящего из образных глаголов, которые в якутском языке тесно связаны с образным восприятием звуков речи, например: *Улуу Куданса обургу ыадас гына ойон турда. – Куданса Великий вскочил на ноги*. В этом предложении сложный глагол *ыадас гына ойон турда* описывает действие-картину «сидевший человек тяжело, но резко встал, заняв пространство своей грузной фигурой» – элемент *ыадас гына* дает характеристику движения грузного человека крупного телосложения, а элемент *ойон турда* информирует, что движение было сделано быстро, как бы в прыжке. Кроме того, образный глагол, содержащий дифтонг *ya* и согласный *d*, как бы передает тяжесть, какое-то давление от описываемого персонажа. Однако в переводе все это описание-перевод образного глагола опускается не только из-за имеющейся лакуны, но и для большей динамичности повествования, то есть по стилистическим причинам.

Сопоставительная характеристика глагола как части речи в русском и якутском языках дается профессором Е.Н. Дмитриевой [5; 19]. Для частной теории и практики русско-якутского, якутско-русского перевода наибольший интерес представляют такие соответствия и расхождения глагольных форм, которые регулярно подвергаются переводческим трансформациям. Особенности глагольного вида русского и якутского языков выявила Е. Н. Дмитриева: «Если в русском языке в основе разграничения совершенного и несовершенного видов лежит от-

ношение действия к внутреннему пределу, то в якутском языке в основе выделения видовых форм протекания действия, которые связаны с количеством субъектов и объектов действия (множественно-многократный вид), силой и скоростью совершения действия (ускорительный вид), проявлением действия во времени (длительный и кратковременный виды). Существенное различие состоит в том, что если в русском языке совершенный/несовершенный виды противопоставляются друг другу по одному основному признаку, то видовые формы якутского глагола противопоставлены не друг другу, а основе глагола, нейтральному в видовом отношении» [5, с. 88-89]. Видимо, именно такие отличия в традициях описания действия и процесса с помощью языковых средств, исторически сложившиеся в русском и якутском языках, приводят к преобразованиям грамматической конструкции при переводе вплоть до опущения некоторых элементов.

Грамматический род

Для демонстрации справедливости положений общей теории перевода и в паре «русский и якутский языки», считаем необходимым привести пример и для тех трансформаций, которые обусловлены отсутствием какого-либо грамматического значения в языке перевода. В нашей паре языков это – отсутствие грамматического рода в якутском языке. Переводческие преобразования, призванные нивелировать это расхождение, приводят к тому, что лексическая единица без привычного для принимающего языка грамматического признака, каким-либо образом приспособляется к грамматическому строю этого языка.

Итак, отсутствие грамматического рода в якутском языке создает некоторые трудности при якутско-русском переводе. Но они вполне преодолимы благодаря тому, что любой «язык для обеспечения своей коммуникативной функции выработал изрядное количество дублирующих средств, запасных и обходных путей – целое поле избыточности, которое включает информацию, передаваемую с помощью языка, в надежную оболочку» [12, с. 211].

Слова-реалии из якутского языка в текстах на русском языке употребляются или как несклоняемые слова, или как обычные слова русского языка с родовым окончанием, или видоизменяются так, чтобы их можно было склонять согласно законам русского языка. Например, слово *сэргэ* (як.: деревянный коновязный столб, коновязь) в некоторых текстах функционирует и как слово среднего рода (*якутское сэргэ*), и как слово женского рода (*сэргэ, покрытая искусным орнаментом*) [20, с. 69]. Профессор Н.Г. Самсонов в результате многолетних наблюдений за функционированием заимствований из языков народов Якутии в газетных текстах, переводах якутской литературы и фольклора, русскоязычной литературе Якутии смог составить правила склонения таких слов в русской речи [21, с. 15-16]. Эти правила демонстрируют, что якутская лексика, употребляясь в русской речи, осваивается, подчиняясь грамматическим правилам принимающего языка.

Заключение

Итак, мы рассмотрели базовые переводческие трансформации, характерные для пары «русский и якутский язык». Они происходят по тем же причинам, по которым происходят грамматические трансформации при переводе в других парах языков. Специфика заключается в уникальности грамматических соответствий и расхождений русского и якутского языка. Наиболее заметные из них: 1) конвенциональные расхождения при формальном соответствии категории множественности в обоих языках; 2) расхождения в падежном склонении, в большинстве случаев способные обнаружить неформальные соответствия благодаря общим глубинным структурам и имплицитному содержанию; 3) расхождения в развитии глагольных форм вплоть до образования лакун, преодолеваемых с помощью лексико-семантических преобразований; 4) расхождения в типах связи слов, синтаксисе простого и сложного предложения, для которых чаще всего находятся регулярные функциональные соответствия в языке перевода благодаря возможностям синтаксической синонимии; 5) отсутствие в якутском языке категории рода, создающее трудности при переводе на русский язык, которые преодолеваются благодаря естественной избыточности языковых форм.

Выявление и изучение закономерных соответствий грамматического строя контактирующих в переводе языков необходимо для разработки практических вопросов, решения теоретических проблем, в том числе в области дидактики перевода в конкретной паре языков. Русско-якутский, якутско-русский перевод является условием и способом существования якутско-русского двуязычия. Так как якутский язык находится в уязвимом положении миноритарного языка, каждому билингу-переводчику полезно знать нормы и узус родного языка, понимать, что в речи является исконным, а что – привнесенным через перевод. Серьезным подспорьем в деле сохранения родного языка, управления его устойчивым функционированием, могло бы стать сопоставительное изучение грамматики контактирующих языков в переводческом аспекте. Переводческий аспект изучения языка включает в себя также и функционально-стилистическую дифференциацию языковых и речевых явлений, а также вопросы порождения текста и лингвоэкологии.

Литература

1. Рецкер Я. И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык / Я. И. Рецкер // Вопросы теории и методики учебного перевода: сборник статей. – М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1950. – С. 156-183.
2. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. / Дополнения и комментарии Д.И. Ермоловича. – 4-е изд., стереотип. – М.: Р.Валент, 2010. – 244 с.
3. Иванов А. А.-Кюндэ. Хайтах тылбаастыахха / А. А. Иванов // Кыһылыллык – 1931. – №3-4. – С.104-106. (на якутском языке)
4. Анисимов В. М. Методика обучения русскому языку в саха начальной школе: учебное пособие / В. М. Анисимов. – Якутск: Изд-во Якутского госун-та, 2000. – 132 с.
5. Дмитриева Е. Н. Сопоставительная грамматика русского и якутского языков. Ч. I. Фонетика и морфология / Е. Н. Дмитриева. – Якутск: Изд-во Якутского унив-та, 2000. – 128 с.
6. Фомин М. М. Сопоставительный анализ лексико-грамматических систем английского, русского и якутского языков: учебное пособие для студентов иностранных языков педагогических вузов / М. М. Фомин. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1987. – 83 с.
7. Слепцов П. А. Якутский литературный язык. Истоки, становление норм / П. А. Слепцов. – Новосибирск: Наука, 1986. – 262 с.
8. Оконешников Е. И. Русский язык в якутской лексикографической традиции / Е.И. Оконешников // Язык саха: проблемы лексикографии и терминологии. Сб. науч. ст. – Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2015. – С. 15-25.
9. Алексеев М. П. – Дапсы. Тугу болҕойуохха? (суруналыыстарга, эмти тутан) / М. П. Алексеев-Дапсы. – Якутск: без изд., 2013. – 66 с. (на якутском языке).
10. Петрова Т. И. Ыраастык сахалыы санарыах. Билинни саха тылыгар нуучча тылын сабыдыала / Т. И. Петрова – Якутск: без изд., 1996. – 118 с. (на якутском языке).
11. Петрова Т. И. Двуязычный перевод как фактор сохранения родного языка / Т. И. Петрова // Вестник Якутского государственного университета им. М.К. Аммосова. – 2005. – Том 2. №3. – С. 101-105.
12. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. 4-е изд. / И. С. Алексеева – М., С-Пб.: Академия, 2010. – 368 с.
13. Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. Простое предложение / Е. И. Убрятова. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. – 304 с.
14. Собакина И. В. Русско-якутские соответствия при переводе форм выражения категории множественности: автореф. ... к.ф.н. / И. В. Собакина – Якутск: без изд., 2004. – 22 с.
15. Герасимова Е. С. Категория множественности в функциональных стилях якутского языка : монография / Е. С. Герасимова; отв. ред. Г. Г. Филиппов. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2015. – 128 с.
16. Васильева А. А. Сахалыы-нууччалыы тылбаас: лексика, грамматика: Учебное пособие / А. А. Васильева. – Якутск: Алаас, 2018. – 96 с.– URL: <https://www.s-vfu.ru/universitet/rukovodstvo-i-struktura/vspomogatelnye-podrazdeleniya/nauchnaya-biblioteka/vasileva-sahaluy.pdf> (дата обращения: 12.07.2021) (На якутском языке).
17. Петрова Т. И. Русско-якутский перевод. Нууччалыы-сахалыы тылбаас. Курс лекций для студентов / Т. И. Петрова – Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2005. – 99 с. (на якутском языке)
18. Иванова Н. И., Семенова Л. Н. Проблемные зоны в овладении русским языком: преодоление и предупреждение: науч-практ пособие для учителей нац.школ / Н. И. Иванова, Л. Н. Семенова. – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2008. – 220 с.

19. Теория и практика преподавания русского языка и литературы в школе и вузе: региональный аспект: монография / под ред. Е.П. Никифоровой, С.Ю. Залуцкой. – Чебоксары: ИД «Среда», 2020. – 184 с.
20. Самсонов Н. Г. Словарь заимствованных слов / Н. Г. Самсонов – Якутск: Бичик, 2012. – 112 с.
21. Самсонов Н. Г. Два языка – два родника / Н. Г. Самсонов. – Якутск: Национальное книжное издательство «Бичик», 1993. – 176 с.

References

1. ReckerJa. I. O zakonomernyh sootvetstvijah pri perevode na rodnoj jazyk / Ja. I. Recker // Voprosy teorii i metodiki uchebnogo perevoda: sbornik statej. – M.: Izd-vo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR, 1950. – S. 156–183.
2. Recker Ja. I. Teorija perevoda i perevodcheskaja praktika. Oчерki lingvisticheskoj teorii perevoda. / Dopolenenija i kommentarii D.I. Ermolovicha. – 4-e izd., stereotip. – M: R.Valent, 2010. – 244 s.
3. Ivanov A. A.-Kjundje. Hajtah tylbaastyahha / A. A. Ivanov // Kyhyl yllyk – 1931. – № 3-4. – S. 104-106. (na jakutskom jazyke)
4. Anisimov V. M. Metodika obuchenija russkomu jazyku v saha nachal'noj shkole: uchebnoe posobie / V. M. Anisimov. – Jakutsk: Izd-vo Jakutskogo gosun-ta, 2000. – 132 s.
5. Dmitrieva E. N. Sopostavitel'naja grammatika russkogo i jakutskogo jazykov. Ch. I. Fonetika i morfologija / E. N. Dmitrieva. – Jakutsk: Izd-vo Jakutskogo univ-ta, 2000. – 128 s.
6. Fomin M. M. Sopostavitel'nyj analiz leksiko-grammaticeskikh system anglijskogo, russkogo i jakutskogo jazykov: uchebnoe posobie dlja studentov inostrannyh jazykov pedagogicheskikh vuzov / M. M. Fomin. – Jakutsk: Izd-voJaGU, 1987. – 83 s.
7. Slepcev P. A. Jakutskij literaturnyj jazyk. Istoki, stanovlenie norm / P. A. Slepcev. – Novosibirsk: Nauka, 1986. – 262 s.
8. Okoneshnikov E. I. Russkij jazyk v jakutskoj leksikograficheskoj tradicii / E.I. Okoneshnikov // Jazyksaha: problem leksikografii i terminografii. Sb.nauch.st. – Jakutsk: IGIiPMNS SO RAN, 2015. – S. 15-25.
9. Alekseev M. P. – Dapsy. Tugu bol'ojuohha? (surunalystarga, jemi tutan) / M. P. Alekseev-Dapsy. – Jakutsk: bez izd., 2013. – 66 s. (na jakutskom jazyke).
10. Petrova T. I. Yraastyk sahalyy sanaryah. Bilinni saha tylygar nuuchcha tylyn sabydyala. / T. I. Petrova – Jakutsk: bez izd., 1996. – 118 s. (na jakutskom jazyke).
11. Petrova T. I. Dvujazychnyj perevod kak factor sohraneniya rodnogo jazyka / T.I. Petrova // Vestnik Jakutskogo gosudarstvennogo universiteta im. M.K. Ammosova. – 2005. – Tom 2. №3. – S. 101-105.
12. Alekseeva I. S. Vvedenie v perevodovedenie. 4-e izd. / I. S. Alekseeva – M., S-Pb.: Akademija, 2010. – 368 s.
13. Ubrjatova E. I. Issledovanija po sintaksisu jakutskogo jazyka. Prostoe predlozhenie / E. I. Ubrjatova. – M.-L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1950. – 304 s.
14. Sobakina I. V. Russko-jakutskie sootvetstviya pri perevode form vyrazhenija kategorii mnozhestvennosti: avtoref. ... k.f.n. / I. V. Sobakina – Jakutsk: b.i., 2004. – 22 s.
15. Gerasimova E. S. Kategorija mnozhestvennosti v funkcional'nyh stiljah jakutskogo jazyka : monografija / E. S. Gerasimova; otv. Red. G. G. Filippov. – Jakutsk: Izdatel'skij dom SVFU, 2015. – 128 s.
16. Vasil'eva A. A. Sahalyy-nuuchchalyy tylbaas: leksika, grammatika: Uchebnoe posobie / A. A. Vasil'eva. – Jakutsk: Alaas, 2018. – 96 s.– URL: <https://www.s-vfu.ru/universitet/rukovodstvo-i-struktura/vspomogatelnye-podrazdeleniya/nauchnaya-biblioteka/vasileva-sahalyy.pdf> (data obrashhenija: 12.07.2021) (Na jakutskom jazyke).
17. Petrova T. I. Russko-jakutskij perevod. Nuuchchalyy-sahalyy tylbaas. Kurs lekcij dlja studentov / T. I. Petrova – Jakutsk: Izd-vo Jakutskogo un-ta, 2005. – 99 s. (na jakutskom jazyke)
18. Ivanova N. I., Semenova L. N. Problemnye zony v ovladenii russkim jazykom: preodolenie i preduprezhdenie: nauch-prakt posobie dlja uchitelej nac. shkol / N. I. Ivanova, L. N. Semenova. – Jakutsk: IGI AN RS(Ja), 2008. – 220 s.
19. Teorija i praktika prepodavaniya russkogo jazyka i literatury v shkole i vuze: regional'nyj aspekt : monografija / pod red. E.P. Nikiforovoj, S.Ju. Zalucoj. – Cheboksary: ID «Среда», 2020. – 184 с.
20. Samsonov N. G. Slovar' zaimstvovannyh slov / N. G. Samsonov – Jakutsk: Bichik, 2012. – 112 с.
21. Samsonov N. G. Dva jazyka – dva rodника / N. G. Samsonov. – Jakutsk: Nacional'noe knizhnoe izdatel'stvo «Bichik», 1993. – 176 с.

Н. С. Сивцева

Использование функционального аналога при русско-якутском переводе религиозной лексики

СВФУ им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В настоящей статье анализируется способ функционального аналога при русско-якутском переводе религиозной лексики, как наиболее эффективный способ перевода, также классифицируется религиозная лексика с лингвистической стороны, представляющая интерес с точки зрения русско-якутского перевода. Поскольку в последние годы все больше появляется переведенных на якутский язык религиозных текстов, логично встает вопрос качества данных переведенных материалов. А в текстах религиозного характера подлежащая исследованию лексика встречается в достаточном изобилии. И переводчику прежде чем начать работу следует изучить, подлежащий переводу, текст, в частности, в лингвистическом плане. Актуальность данной темы для исследования обуславливается этим необходимым этапом. Целью данного исследования является анализ и классификация лексических единиц, относящихся к православной религии и исследование способа функционального аналога при переводе данной лексики. Для достижения данной цели нами были поставлены следующие задачи: 1) на основе сравнительно-сопоставительного анализа теоретического и методического материала, определить свою схему для классификации; 2) методом сбора информации выявить из текста всю лексику религиозного характера; 3) разложить собранный материал по схеме классификации и провести статистический анализ; 4) на материале переводного текста сделать классификацию способов перевода, использованных автором; 5) провести статистический анализ случаев использования функционального аналога, как одного из способов адекватного и эквивалентного перевода. Основные выводы, полученные при исследовании, свидетельствуют о том, что религиозная лексика, кажущаяся на первый взгляд большой единой глыбой, при детальном анализе имеет множество групп и подгрупп. Так, на нашем материале, религиозная лексика была сгруппирована в две основные группы: общерелигиозная лексика и общехристианская (церковная) лексика, каждая из которых имеет свои подгруппы. И в результате статистического анализа мы получили следующий результат: в нашем материале «Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца» 79 случаев использования общерелигиозной лексики и 201 случай употребления общехристианской лексики. На основе данной классификации были выявлены 7 основных способов русско-якутского перевода, из которых лидирующую позицию занимает способ функционального аналога, данным способом переведено 135 реалий из 280.

Ключевые слова: религиозная лексика, общехристианская лексика, классификация, анализ, статистический анализ, перевод, русско-якутский перевод, лексический состав, функциональный аналог, способ перевода, эквивалентный и адекватный перевод.

N. S. Sivtseva

The use of a functional analogue in the Russian-Yakut translation of religious vocabulary

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. This article analyzes the method of functional analogue in the Russian-Yakut translation of religious vocabulary, as the most effective method of translation, also classifies the religious vocabulary from

СИВЦЕВА Наталья Сергеевна – к. филол. н., доцент кафедры «Методики преподавания якутского языка, литературы и национальной культуры» Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: sivnata79@yandex.ru

SIVTSEVA Natalia Sergeevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Teaching Methods of the Yakut Language, Literature and National Culture, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast of the Russian Federation, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

the linguistic point of view, which is of interest from the point of view of the Russian-Yakut translation. Since in recent years more and more religious texts translated into the Yakut language have appeared, the question of the quality of these translated materials logically arises. And in texts of a religious nature, the vocabulary to be studied is found in sufficient abundance. And the translator, before starting work, should study the text to be translated, in particular, linguistically. To achieve this goal, we set the following tasks: 1) on the basis of a comparative analysis of theoretical and methodological material, determine our scheme for classification; 2) by the method of collecting information, identify from the text all vocabulary of a religious nature; 3) decompose the collected material according to the classification scheme and conduct statistical analysis; 4) based on the material of the translated text, make a classification of the translation methods used by the author; 5) to conduct a statistical analysis of the cases of using a functional analogue, as one of the methods of adequate and equivalent translation. The main conclusions obtained during the study indicate that religious vocabulary, which at first glance seems to be a large single lump, upon detailed analysis has many groups and subgroups. So, in our material, religious vocabulary was grouped into two main groups: general religious vocabulary and general Christian (church) vocabulary, each of which has its own subgroups. And as a result of the statistical analysis, we received the following result: in our material «The Life and Feats of the Monk and God-bearing Father of our Sergius, Hegumen of Radonezh and All Russia, Wonderworker» 79 cases of the use of general religious vocabulary and 201 cases of the use of general Christian vocabulary. Based on this classification, 7 main methods of Russian-Yakut translation were identified, of which the functional analogue method occupies a leading position, 135 realities out of 280 were translated by this method.

Keywords: religious vocabulary, common Christian vocabulary, classification, analysis, statistical analysis, translation, Russian-Yakut translation, lexical composition, functional analogue, translation method, equivalent and adequate translation.

Введение

Взятый нами в качестве материала житие великого русского подвижника преподобного Сергия Радонежского был составлен архимандритом Никоном Рождественским, в будущем архиепископом Вологодским и Тотемским к 500-летию смерти преподобного, переиздан в 2013 году Обществом памяти игумении Таисии в Санкт-Петербурге. Этот труд является вторым описанием жития святого Сергия. До Никона Рождественского первым о преподобном полностью было написано в труде блаженного Епифания, ученика Сергия Радонежского после 26 лет с момента смерти старца.

В предисловии Никон Рождественский пишет: «Со дня кончины Преподобного Сергия до нашего времени протекло уже пятьсот лет, и до сих пор мы не имеем на современном русском языке полного жизнеописания великого старца, не только в смысле самостоятельного исторического исследования о его жизни и подвигах, о его значении в истории Русской Церкви, русского подвижничества, русского просвещения и вообще нравственного воспитания Русского народа, но даже и простого, полного перевода жития, написанного Епифанием. Правда, существует более десятка разных житий Преподобного Сергия, но эти труды не являются полным описанием всей жизни и всех подвигов святого Сергия.

Для настоящего – пятого издания было вновь пересмотрено по возможности все, что вошло в 1891–1893 годах по случаю 500-летия преставления угодника Божия, и, таким образом, многое в тексте пополнено и исправлено. Побуждением к этому труду служило то же, что побудило и преподобного Епифания в свое время взяться за перо, – это отсутствие в наличной духовной литературе полного жития Преподобного Сергия» [1, с. 2-4].

Если говорить о жанре жития, то в свободной энциклопедии (википедия) дается определение, согласно которому **житие** – это жанр, разновидность церковной литературы, где находят описания жизнь, деяния святых. По содержанию и структуре в житиях есть ограничения в виде канонов, литературных этикетов, что является отличительной чертой таких произведений. Как пишет Константин Ковалёв-Случевский: «Житие святого, как правило, напрямую не связано с историческими фактами. Во многих житиях не указаны даже годы жизни, конкретные города, посёлки или деревни, где происходили те или иные события. Есть только рассказ о духовных подвигах, чудесах, знамениях. Именно этим житийная литература в первую очередь отличается от подробной биографии» [2].

Согласно словарю сайта «Азбука Веры», жития рассказывают про святость, а не про события человеческой жизни. Именно этим описание святости отличается от биографии. Жанр описания – это повествование о подвиге человека – христианина, здесь акцент ставится на святость этого человека, на его проявления, на те моменты и случаи, через которые происходит преобразование человека [3].

Стилистически это произведение легче и проще чем другие жития, больше насыщено жизненным материалом. Множество эпизодов носят лирический оттенок: рассказ о детстве отрока Варфоломея, эпизод о просьбе родителей не уходить в монастырь до их смерти. В «Житии Сергия» преподобный Никон показал себя как мастер сюжетного повествования. Особенно выделяется такое стилистическое средство как повтор. Автор создает повествование, в котором часто повторяются одни и те же семантические единицы или корни – стиль названный «плетением словес»: «*Я, я – из числа сих труждающихся, я – из числа обремененных*» [4]; «...*устремился к возделанным для него подвигам духовным, как жаждущий елень стремится к живительным источникам водным...*» [4]; «*Святые Отцы-подвижники, наученные опытом своей труженической жизни, оставили нам в своих писаниях богомудрые правила этой борьбы, этого великого подвига, – правила, составляющие «науку из наук» – науку монашеской жизни*» [4].

Лексический состав текста изобилует множеством церковно-религиозной лексики: стилистически окрашенной, архаически-возвышенной, торжественной лексики. Вот примеры многообразной церковно-религиозной лексики:

1) Наименования, названия Бога: *Бог, Господь Бог, Иисус Христос, Спаситель, Спаситель мира, Сын Единородный, Господь Вседержитель* и др.;

2) Названия мест, церковно-религиозных учреждений: *епархия, Троице-Сергиева лавра, монастырь*, и др.;

3) Христианская терминология, духовные звания, имена апостолов, святых, церковных деятелей, названия церковных праздников и др.: *иноки, старцы, архиерей, иерарх, митрополит, пастырь, миряне, клирики; пришествие, таинство, благовестив, спасение, вера отеческая, мученики, преставление, покаяние, скверна, святой, мощи, грешный, Великий пост, Пасха, Рождество Христово* и т. д.

Далее, в основной части статьи, лексический состав текста будет подвергнуто детальному анализу и классифицировано по схеме, которая будет получена в результате сравнительно-сопоставительного изучения, предложенных исследователями классификаций. По данной теме основательных монографий еще не имеется, нами были обнаружены и изучены диссертации на соискание ученого звания кандидата наук таких авторов, как Бугаева И.В., Булавина С.В., Петухова М. Е., «Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения» (уч.пособие) Тимофеева К.А., «К вопросу о разграничении церковной и религиозной лексики в толковых словарях русского языка» (статья) Четыриной А.М.

Классификация религиозной лексики

К вопросу разграничения понятий

Понятие «религиозная лексика» в современной лингвистике определяется по-разному, в связи с тем, что еще не решена проблема его соотношения с такими понятиями, как «церковная лексика», «библейская лексика». Хочется представить некоторые примеры из различных подходов по данной проблеме. К примеру С.В. Булавина к религиозной лексике относит единицы, называющие «основные христианские понятия, большая их часть представлена в Библии – основном источнике христианского вероучения. Религиозная лексика не соотносится с материальной стороной жизни церкви, в этом ее главное отличие от церковной лексики» [4, с. 9].

Однако с таким подходом не соглашается А.М. Четырина, которая отмечает что, все связанное с церковью, входит в понятие религии. «Церковная лексика является частью религиозной лексики как более широкого семантического объединения» [5, с. 107]. Как отмечает С.В. Булавина, неправильно определять к религиозной лексике только «основные христиан-

ские понятия», так как христианство является одной из мировых религий. Из которого следует, что христианская религиозная лексика всего лишь часть всей религиозной лексики.

Классификация К.А. Тимофеева подтверждает это. Согласно упомянутой классификации, можно выделить три группы религиозной лексики [6, с. 5]:

– общерелигиозная лексика. Сюда относятся слова, которые обозначают понятия, существующие у всех монотеистических религий: *Бог, душа, праведность, молитва и т.д.*;

– общехристианская лексика. Слова, обозначающие понятия, относящиеся всем христианским конфессиям: *Святая Троица, Святой Дух, Спаситель, апостол, Евангелие, Церковь, исповедь и т.д.*;

– частнохристианская лексика. Слова, обозначающие понятия по отдельным христианским конфессиям: *батюшка, пастор, ксендз, кюре, аббат, кардинал, обедня, утренняя, всенощная, месса, лития, литания и т.д.*

В научных сочинениях, изученных нами, церковная лексика рассматривается в качестве составной части религиозной лексики. В монографии Тимофеева К. А. религиозная лексика определяется выражающие религиозные понятия слова, «находящиеся в системных соотношениях друг с другом, и вместе взятые образуют то, что можно назвать религиозным мировоззрением» [6, с. 3]. Мы также поддерживаем точку зрения, предложенную Тимофеевым К.А., и в своей работе за основу будем использовать его вышеуказанную классификацию, немного изменив его под свою точку зрения. Для этого мы еще возьмем во внимание классификации Бугаевой И.В., Булавиной С.В., Петуховой М.Е., Скляревской Г.Н.

По мнению И.В. Бугаевой [7, с. 29] необходимо разграничить религиозные термины, которые не имеют общепотребительных эквивалентов (например, *ряса, аналой, зачало, благочиние и т.п.*), и региолектизмы, которые в русском языке имеют общезыковые синонимы (например, слова *трапезная, новолетие, труждаться* имеют синонимы *столовая, Новый год, трудиться*) [7, с. 29-30].

Булавина С.В. дает классификацию религиозной и церковной лексики. Согласно ее классификации, лексические единицы, которые относятся к религиозной сфере, могут быть разделены на четыре подгруппы:

1) «наименования верховного Существа и божественных существ» – *Бог, Господь, Христос, Владыка, Спас, Дева Мария, ангел, святой, агнец и др.*;

2) «наименования злостных существ» – *антихрист, черт, дьявол, бес, сатана*;

3) «реалии загробной жизни» – *ад, рай, геенна, врата*;

4) «религиозные представления о человеке» – *душа, дух, грех, вера, грехопадение, богохульство, воскреснуть, верить и т. д.*

В диссертации С.В. Булавина, сопоставив различные семантические классификации церковной лексики, разделяет 4 подгруппы:

1) «названия предметов культа, церковной утвари» – *икона, кадило, елей, ладан, миро, глас, трезвон и т. д.*;

2) «обозначения церковных обычаев, обрядов» – *заговенье, крещение, обедня, исповедь, аллилуйя, анафема*;

3) «наименование деталей архитектуры, внутреннего и внешнего устройства храма» – *altarь, колокольня и под.*;

4) «названия подразделений, единиц административного устройства» – *монастырь, епархия и др.* [4, с. 10].

М.Е. Петухова церковную лексику объединяет в 3 подгруппы, похожие на классификацию Булавиной, однако, она выделяет еще одну отдельную группу, которую называет «наименование лиц по отношению к христианской вере», куда определяет названия представителей духовных санов, чинов, сословий, верующих / неверующих людей, иноверцов, монахов и мрян» – *цери, протоиерей, епископ, митрополит, патриарх, иеромонах, игумен, архимандрит, христианин, монах, мирянин, инок, неверник, поганец, чернец и под.*) [8, с. 13].

Кроме диссертаций на соискание ученой степени, которые были нами рассмотрены выше, можем обратиться к работе Г.Н. Складневской «Словарь православной церковной культуры», в качестве одного из авторитетных изданий, в котором «лексика православия впервые представлена и описана не только как принадлежность замкнутой (церковной) сферы употребления, но главным образом как составная часть современного русского языка» [9, с. 6]. По мнению протоиерея Владимира Федорова, «сотрудничество автора с профессиональными богословами» добавляют словарю «солидность и надежность» (цит. по [9, с. 4]). В словаре приведены лексикографические описания православной церковной лексики. Он составлен лингвистом, научным руководителем авторов диссертационных сочинений, в которых рассматриваются религиозные тексты, изучаются языковые единицы, определяющие понятия «религия» и «церковь». Г.Н. Складневская приводит классификацию церковно-религиозных единиц, где сфера «Церковь» представлена 7 группами:

1) «наименования таинств» (*крещение, миропомазание, покаяние, причащение, брак, елеосвящение и под.*);

2) «значимые элементы церковного календаря: церковные праздники, богослужебный круг, суточные богослужения и т. д.» (*Пасха, Рождество Христово, Троица, Благовещение, Великий пост, страстная неделя, родительская суббота*);

3) «формы и элементы богослужения» (*литургия, утренняя, вечерня, проскомидия, евхаристия, молебен, панихида*);

4) «храм и его части» (*церковь, алтарь, иконостас, солея, амвон, придел, паперть*);

5) «предметы богослужения» (*антиминс, дискос, потир, кадило; просфора*);

6) «облачения священников, их части» (*фелонь, орарь, омофор, камилавка, митра*);

7) «названия Церковной иерархии» (*иерей, диакон, митрополит, епископ, патриарх*) [9, с. 8].

Классификация религиозных единиц материала.

Таким образом, после сравнения и сопоставления рассмотренных нами классификаций и лексического анализа текста, у нас получилась следующая классификация специфичной лексики, состоящая из 2 групп и 15 подгрупп:

1 группа – общерелигиозная лексика – термины религиозного характера, которые не имеют общеупотребительных эквивалентов. В этой группе нами обнаружено 79 общерелигиозных терминов, которых распределили по следующим подгруппам:

1) названия «Верховных и Божественных Существ» – 16 терминов: *Бог, Господь, Пророк, Творец, Ангел Божий, Авва, Апостол, Архангел* и т.д.;

2) названия злостных Существ – 6 термина: *бес, диавол, супостат, сатана, злые духи, привидения диавольские*;

3) наименование реалий загробной жизни – 7 терминов: *Царство небесное, тьма крошечная, вечный покой, геенское мучение, Царствие Божие* и т.д.;

4) реалия, обозначающие религиозные представления о человеке – 8 терминов: *дух, душа, праведник, проповедник, раба, раб, жертва, наследник Царствия Божьего* и т.д.;

5) общие для всех религий понятия о боге, о действиях верующих людей 42 термина: *исповедания, молитва, подвиг, мольба, богослужение, предзнаменование* и т.д.

2 группа – общехристианская (церковная) лексика. В этой группе мы нашли 9 разных подгрупп с общим количеством 201 термина и сочетаний:

1) реалии, обозначающие названия «Божественных существ» – 10 реалий: *Святая Троица, Троицкое Божество, Святой Дух, Богородица, Богородица, Богоматерь* и т.д.;

2) названия «Таинств» и элементов церковного календаря – 11 реалий: *Святые Христовы Таинства, Таинство Покаяния, Благовещение Пресвятой Богородицы, Пост Рождества Христова* и т.д.;

3) реалии, обозначающие формы и элементы богослужения. В эту же подгруппу мы внесли книги и писания, используемые при богослужении. Всего 34 терминов и реалий: *тропарь, кондак, божественная литургия, святое крещение, молебные пения* и т.д.;

4) реалии, обозначающие храм и его части – 21 термин: *Лавра, монастырь, обитель, церковь, алтарь, притвор, келлия, клирос, ризница* и т.д.;

5) реалии, обозначающие предметы богослужения, культа, пищу – 20 терминов: *Святцы, фимиам, ковчежец, просфора, антиминс, кутия, елей, лампада* и т.д.;

6) реалии, обозначающие священнические облачения, их части – всего лишь 10 терминов: *свитка, рясофор, мантия, клобук, схима, ряса, параманд, риза*;

7) реалии, называющие церковную иерархию, сословий верующих. В эту группу мы оотнесли 56 термина: *Святитель, Иерарх, Архиепископ, Архиепископ, монах, инок, Иерарх, подвижник, братия, черноризец, духовник* и т.д.;

8) церковные-общехристианские эпитеты – эпитеты, которые употребляются именно в церковно-христианских текстах, таких нашлось 35 одиночных и распространенных эпитетов: *преподобный, богоносный, премудрый, святой, присный, блаженный, благоговейный, смиренный, грешный, богумудрые, боголюбное, богоугодный, Пречистая Приснодева Мария, духовно-подвижническая жизнь* и т.д.;

9) реалии, обозначающие наименования захоронений, могил святых людей – 4 термина: *рака, гробница, усыпальница, мощи*.

Использование функционального аналога в качестве основного способа перевода религиозной лексики

Проблема перевода религиозных реалий всегда привлекает внимание лингвистов и теоретиков перевода. Способы передачи реалий были рассмотрены в работах В. С. Виноградова, А. А. Реформатского, А. Д. Швейцера, И. Левого, С. Я. Влахова, С. Б. Флорина и других исследователей перевода. Необходимо выделить такие трудности, возникающие при переводе реалий, как:

1) отсутствие соответствия в переводящем языке из-за отсутствия у носителей этого языка обозначаемого реалией объекта;

2) наряду с предметным значением реалии, существует необходимость передать и колорит, ее национальную и историческую окраску.

«При выборе наиболее подходящего приема перевода необходимо учитывать способ подачи реалии автором текста оригинала и средства, используемые им, чтобы довести до сознания читателя ее семантическое и коннотативное содержание» [10, с. 126]. Исследователи разных школ и направлений предлагают различные приемы и способы передачи реалий: транскрипция, транслитерация, калькирование, введение неологизма, приблизительный и контекстуальный перевод. Все эти способы имеют как достоинства, так и недостатки, зная которых переводчики имеют возможность выбрать наиболее эффективный способ передачи реалий в зависимости от конкретного случая.

За основу анализа способов перевода религиозной лексики мы использовали собственную классификацию из предложенных теоретиками двуязычного русско-инострannого перевода, приняв во внимание уникальность и самобытность якутского языка. Итак, нами найдены следующие способы передачи религиозной лексики при русско-якутском переводе и классифицированы по количеству использования: 1) функциональный аналог – 135 примеров из 280; 2) транслитерация – 38 примера; 3) транскрипция – 27 примера; 4) транслитерация в сочетании с описанием – 19 примеров; 5) описательный перевод в самостоятельном виде – 17 примеров; 6) калькирование – 10 примера; 7) транскрипция в сочетании с описанием – 7 примера.

Как видим из статистического анализа, перевод при помощи использования функционального аналога является самым популярным способом у автора перевода данного труда. Использование функционального аналога относится к приблизительному переводу, при котором почти всегда теряется национальный колорит, поскольку данный способ связан с поиском в переводящем языке понятия, которое «хоть и не совпадает полностью с исходным, но имеет с ним значительное семантическое сходство и в известной мере способно раскрыть для получателя перевода суть описываемого явления» [11, с. 207]. При помощи «аналогии» происходит подбор близкого по значению соответствия в языке перевода.

В рассматриваемом переводе этот способ имеет лидирующую позицию. Так при помощи подбора функционального аналога переведено 135 реалий из 280 из двух групп и 13 подгрупп.

В первой группе, к которой относятся общерелигиозные термины прием подбора аналогии можно заметить во всех 5 подгруппах. Например: *Бог – Тангара, Господь – Тангара, Предтеча – Сибикитит, Творец – Айылза, Господь Бог – Тойон Тангара, Единый Бог – Соботох Тангара, Живущий на небесах – Халлаанга олорооччу, Владыка – барыны Бас Билээччи, Спаситель – Быыһааччы; бес – абааһы, супостаты – абааһы үөттэрэ, злые духи – куһабан тыын, привидения диавольские – адьарай абааһылар; тьма кромешная – үтүгэн, вечный покой – үйэлээх сыннаалаг; проповедник – итэбэли тарбтатааччы, дух – санаа, тыын, өй-санаа, праведник – сөптөөх олохтоох дьон, духовный мир – ис дууһа, раб(а) Божий(ья) – Тангара кулута; исповедания – ыраастаныы, мольба – көрдөһүү, постнические труды – туттунар үлэтэ, подвиг – хоодуот быһыы, представился – суох буолбут, Бозе почивший – Тангараба дууһатын туттарбыт, ребенок-постник – хараланар кыһыл оҕо, Промысел – дыкти санаа, пути Провидения – Тангара суола-иһэ, откровения от Бога – Тангара эрдэттэн аһаҕас арыллыыта, Божественное Промышление – Тангара ураты санаата, Воля Божья – Тангара оҕоһуута, молитвенница – танараһыт ийэ, милость Божья – Тангара улуу үтүөтэ, обет – андабар тыл, моленная – үгэр хос, поминовение – санабыл, порок – үлүскэн и т.д.*

Вторая группа включает в себе лексику общехристианского характера, общее количество 201 реалия, из которых данным способом переведено 78 лексем, что является больше 1/3 всех реалий данной группы. Исходя из этих цифр можно предположить, что перевод является адекватным и смысловым по отношению к оригиналу. Например: *Святая Троица – Ытык Үс, Пресвятая Троица – Ытык Үс, Господь Сил – Айыы Тойон Тангара, Преподобная Дева – Ыраастан Ыраас Кыыс; аньыыны-хараны билини Кистэлэнэ, Великий Пост – Улуу Хараланы; Трисвятая Песнь – Ытык Үс ырыа, Херувимская песнь – Херувим ырыата, Священное Писание – Ытык Суруйуу, утренняя – сарсыардаангы, полунощница – түүн үөһүнээби, вечерня – кизэһэнни, повечерие – утуйуох иннинээби, третий, шестой и девятый часы – үс, алта, тобус чаастаабы, молебные пения – мэлиппэ ыллыыллара, Символ Веры – Итэбэл Бэлиэтэ, Крестный ход – Кириэстээх хаамыы, безмолвие – бүгээһин, богомолитие – сибэтиэй үгэр сир, подвиг совершенного молчания – сангата суох буолар хоодуот быһыы; церковь – тангара дьикэтэ, храм Божий – тангара дьикэтэ, пустыня – кураайыма, южный притвор – собуруу тутуута, северные двери храма – хоту өттүнээби аан, юго-западный притвор – собуруулуу-арбаа энэрэ; ковчежец – холбука, икона – күлүк; инок – манаах, молящийся – үгээччи, подвижник – туруулаһааччы, отцы-подвижники – туруулаһааччы-аҕалар, печальник – курутуй-ааччы, священник – аҕабыыт, старец-черноризец – кырдыаҕас аҕабыыт, пустынный – кураайыма олохтооҕо, старец – кырдыаҕас, постриженник – кырыйтарааччы, настоятель обители – манаастыыр салайааччыта, послушник – истигэн, благочинный – бэрээдэк көрөөччү, строитель – тутуулааччы (тутар), келейный ученик – келлятаабы үөрэнээччи; преподобный – Тангараба холоонноох, старец духовный – ытык кырдыаҕас, присный ученик – мэлдьитин кини үөрэнээччитэ, пречудный – бэрт дыкти, подвижническая жизнь – эрдээх олох, благоговейные – сүүрүүйэр тангараһыттар, богоносный – тангаралаах, грешный – аньыылаах, богомудрые – тангаралыы муударай, благочестивый читатель – тангараны итэбэйэр ааҕааччы, богоугодные – тангара санаатын табар, благодетель – үтүөһү оҕорор и т.д.*

Заключение

Таким образом, после проведение анализа и классификации мы приходим к следующему выводу:

1) религиозная лексика является одним из богатых пластов лексической системы языка, имеющая внутри себя множество разных понятий и подгрупп. Невооруженным взглядом можно отнести всю лексику, которая относится к религии и вере в категорию религиозной лексики, но если разобраться и проанализировать, то это очень большая категория, которая не до конца изучена и исследована, в частности в теории и практике русско-якутского перевода. В связи с тем, данное направление имеет перспективы дальнейшего исследования.

2) в рассматриваемом материале нами было обнаружено целых два самостоятельных категорий религиозной лексики, то как общерелигиозная лексика, то есть лексика которая присутствует в большинстве религий, и общехристианская лексика (церковная), которая употребляется только в христианской вере, те понятия и события, которые присущи в христианстве. Эти две группы, как видно из классификации, внутри себя разделены еще на несколько подгрупп. Данная классификация, как уже было сказано выше, предоставляет переводчику возможность сгруппировать способы и приемы перевода, которыми ему предстоит пользоваться при переводе данной лексики на якутский язык.

3) из всех способов перевода с русского на якутский язык религиозной лексики нами был рассмотрен способ использования функционального аналога. Данный способ имеет место быть при переводе и общерелигиозной лексики (57 примера), и общехристианской лексики (78 примера). Если смотреть по подгруппам, то в общерелигиозной группе наиболее часто используется способ функционального аналога при описании действий верующих, 36 случаев использования функционального аналога из 42 примеров. Это объясняется тем, что якуты до принятия православия имели свои другие представления о вере, и у них не было тех понятий и действий, которые есть в православии. В общехристианской лексике функциональный аналог использован 35 раз из 35 при переводе церковно-христианских эпитетов. Таким образом все церковно-христианские эпитеты переведены при помощи подбора функционального аналога, что свидетельствует также о том, что в якутской лексике не существует соответствующих эпитетов, однако якутский язык богат различными эпитетами, которые могут выполнить функцию недостающих церковно-христианских эпитетов. В этой связи, можем резюмировать, что наиболее подходящим способом перевода религиозной лексики на якутский язык является способ замены функциональным аналогом.

4) если провести статистический анализ использования функционального аналога, то можно сделать следующее заключение:

– наиболее часто данный способ перевода встречается, как уже говорилось выше, при переводе общехристианских эпитетов – 35 примера из 35, религиозных представлений о человеке – 7 примера из 8, при переводе реалий, называющих действия верующих – 36 примера из 42, так как эти реалии весьма специфичны, невозможно найти им адекватную замену или использовать другой способ для адекватной передачи смысла;

– наименее часто данный способ встречается при переводе реалий, обозначающих наименования церковной иерархии, сословий верующих людей – 14 примера из 56, предметы богослужения, культа, пищу – 2 примера из 20, храм и его части – 6 примеров из 21, так как при переводе данных видов реалий уместно использование, в основном, способов транслитерации и транскрипции.

5) резюмируя все вышесказанное, необходимо отметить высокую сложность данного вида перевода, в связи с обилием в текстах религиозного типа специфичной лексики, реалий, которые требуют особого внимания и большой ответственности при выборе способов перевода.

Данная статья является первой попыткой анализа специфичной религиозной лексики отдельно взятого сочинения по православной тематике, переведенного на якутский язык и разбор функционального аналога как способа русско-якутского перевода.

Литература

1. Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца / архиеп. Никон (Рождественский). – СПб.: Общество памяти игумении Таисии. 2013. – 265 с.
2. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Житие>
3. Сайт православной веры «Азбука веры»: <https://azbyka.ru/>
4. Булавина С.В. Русские устойчивые словосочетания, содержащие церковно-религиозную лексику: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2003. – 24 с.
5. Четырина А.М. К вопросу о разграничении церковной и религиозной лексики в толковых словарях русского языка // Актуальные вопросы изучения духовной культуры. – Ярославль: Ремдер. 2010. – С. 104-108.

6. Тимофеев К.А. Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения: учебное пособие. – Новосибирск. 2001. – 88 с.
7. Бугаева И.В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Москва, 2010. – 49 с.
8. Петухова М.Е. Функциональные особенности церковной лексики с предметным значением в русском языке: автореферат диссертации кандидата филологических наук / М. Е. Петухова. – Казань. 2003. – 28 с.
9. Склjаревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. – Санкт-Петербург: Наука. 2000. – 278 с.
10. Швейцер А.Д. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты). – Москва: Наука. 1988. – 125 с.
11. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. – Москва: Филология Три. 2002. – 416 с.

References

1. Zhitie i podvigi prepodobnogo i bogonosnogo otca nashego Sergija, igumena Radonezhskogo i vseja Rossii chudotvorca / arhiep. Nikon (Rozhdestvenskij). – SPb.: Obshhestvo pamjati igumenii Taisii. 2013. – 265 s. 2. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Zhitie>
3. Sajt pravoslavnoj very «Azбуka very»: <https://azbyka.ru/>
4. Bulavina S.V. Russkie ustojchivye slovosochetanija, sodержashhie cerkovno-religi
5. Chetyrina A.M. K voprosu o razgranichenii cerkovnoj i religioznoj leksiki v tolkovyh slovarjah russkogo jazyka // Aktual'nye voprosy izuchenija duhovnoj kul'tury. – Jaroslav': Remder. 2010. – S. 104-108
6. Timofeev K.A. Religioznaja leksika russkogo jazyka kak vyrazhenie hristianskogo mirovozzrenija: uchebnoe posobie. – Novosibirsk. 2001. – 88 s.
7. Bugaeva I.V. Jazyk pravoslavnoj sfery: sovremennoe sostojanie, tendencii razvitija: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – Moskva, 2010. – 49 s.
8. Petuhova M.E. Funkcional'nye osobennosti cerkovnoj leksiki s predmetnym znacheniem v russkom jazyke: avtoreferat dissertacii kandidata filologicheskikh nauk / M. E. Petuhova. – Kazan'. 2003. – 28 s.
9. Skljarevskaja G.N. Slovar' pravoslavnoj cerkovnoj kul'tury. – Sankt-Peterburg: Nauka. 2000. – 278 s.
10. Shvejcer A.D. Teorija perevoda (status, problemy, aspekty). – Moskva: Nauka. 1988. – 125 s.
11. Fedorov A.V. Osnovy obshhej teorii perevoda. – Moskva: Filologija Tri. 2002. – 416 s.

Е. С. Герасимова, М. Г. Дегтярева

Дублированный русско-якутский художественный перевод мультипликационных фильмов

СВФУ им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В Республике Саха (Якутия) из-за отсутствия должного внимания и финансирования национальная мультипликация развивается очень медленно. Можно сказать, что мультипликация в нашей республике в течение многих лет находится на уровне зарождения. В нынешних условиях глобализации и унификации языковых и культурных ценностей дублирование мультипликационных фильмов на якутский язык представляется одним из эффективных средств сохранения и развития государственного языка республики, расширения ее функциональных возможностей, повышения культуры якутской речи среди населения. Целью данной статьи является выявление особенностей дублированного русско-якутского художественного перевода мультипликационных фильмов. Исходя из цели исследования решаются следующие задачи: 1. определить специфику дублированного перевода мультипликационных фильмов в аспекте художественного и аудиовизуального перевода; 2. описать условия соблюдения синхронизма как главного принципа качественного дублированного перевода мультипликационных фильмов; 3. выявить жанрово-стилистические особенности дублированного русско-якутского художественного перевода мультипликационных фильмов советского периода. Теоретической и методологической основой исследования послужили работы отечественных переводчиков Альварес-Солер А.А., Козуляева А.В., Матасова Р.А., якутских лингвистов Петрова Н.Е., Петровой Т.И., Васильевой А.А. и других. В соответствии с целью и задачами исследовательской работы были использованы традиционные методы лингвистического, стилистического и переводоведческого анализа: метод словарных дефиниций, описательный, типологический, сопоставительный, контекстологический. Основные выводы: 1) при дублированном русско-якутском художественном переводе мультипликационных фильмов используются, в первую очередь, методы художественного перевода, поскольку мультипликационный фильм создается на основе литературного произведения (сценария), написанного для детей, и может в зависимости от жанра обладать теми же стилистическими особенностями, что и любое художественное произведение для детей; 2) выявление проблемных лингвистических категорий в дублируемом мультипликационном тексте на предпереводческом этапе: его культурно-маркированных и модально-маркированных элементов является одним из наиболее важных моментов при дублированном русско-якутском переводе мультипликационных фильмов; 3) при дублированном русско-якутском переводе мультипликационных фильмов требуется руководствоваться принципом синхронизма, который подразумевает реализацию трех видов синхронизации: фонетической (липсинк и изохронизм), семантической (смысловая эквивалентность реплик оригинала и перевода) и драматической (соответствие перевода событиям видеоряда). Дублирование мультипликационных фильмов на якутский язык должно повысить престиж якутского языка среди населения, расширить его функциональные возможности, повысить коммуникативные способности детей на родном языке.

Ключевые слова: художественный перевод, русско-якутский перевод, мультипликационный фильм, дублирование, аудиовизуальный перевод, синхронизм, семантика, фонетика, лексика, грамматика, синтаксис, стилистика, лингвистика.

ГЕРАСИМОВА Евдокия Софроновна – к. филол. н., доцент кафедры «Стилистика якутского языка и русско-якутского перевода» Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: GES1970@mail.ru

GERASIMOVA Evdokia Sofronovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Yakut Stylistics and Russian-Yakut Translation Department, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ДЕГТЯРЕВА Мария Геннадьевна – редактор-переводчик.

E-mail: kyndely2018@gmail.com

DEGTYAREVA Maria Gennadievna – editor, translator.

E. S. Gerasimova, M. G. Degtyareva

Dubbed Russian-Yakut literary translation of animated films

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. Due to the lack of proper attention and funding, the regional animation in the Sakha Republic (Yakutia) is developing very slowly. We can say that animation in our republic has been at its inception for many years. Under the current conditions of globalization and the unification of linguistic and cultural values, dubbing of animated films into the Yakut language seems to be one of the effective means of preserving and developing the state language of the republic, expanding its functional capabilities, and increasing the culture of Yakut speech among the population. The purpose of this article was to identify the features of the dubbed Russian-Yakut literary translation of animated films. Based on the purpose of the study, the following tasks are being solved: 1. To determine the specifics of the dubbed translation of animated films in the aspect of artistic and audiovisual translation; 2. to describe the conditions for observance of synchronicity as the main principle of high-quality dubbed translation of animated films; 3. to reveal the genre and stylistic features of the dubbed Russian-Yakut literary translation of animated films of the Soviet period. The theoretical and methodological basis of the study was the works of Russian translators A. A. Alvarez Soler, A. V. Kozulyaev, R. A. Matasov, Yakut linguists N. E. Petrov, T. I. Petrova, A. A. Vasilyeva, and others. In accordance with the purpose and objectives of the research work, traditional methods of linguistic, stylistic and translation analysis were used: the method of dictionary definitions, descriptive, typological, comparative, and contextual. Main conclusions are as follows: 1) When making Russian-Yakut dubbed literary translation of animated films, first of all, methods of literary translation are used, since an animated film is created on the basis of a literary work (script) written for children, and depending on the genre, it can have the same stylistic features as any artwork for children; 2) Identification of problematic linguistic categories in the dubbed cartoon text at the pre-translation stage: its culturally-marked and modal-marked elements is one of the most important points in the dubbed Russian-Yakut translation of animated films; 3) When dubbing Russian-Yakut animated films, it is required to be guided by the principle of synchronism, which implies the implementation of three types of synchronization: phonetic (lip sync and isochronism), semantic (semantic equivalence of the replicas of the original and the translation), and dramatic (correspondence of the translation to the events of the video sequence). Dubbing cartoons into the Yakut language should increase the prestige of the Yakut language among the population, expand its functionality, and increase the communication skills of children in their first language.

Keywords: literary translation, Russian-Yakut translation, animated film, dubbing, audiovisual translation, synchronicity, semantics, phonetics, vocabulary, grammar, syntax, stylistics, linguistics.

Введение

Мультипликационный фильм является самым востребованным и развитым видом киноискусства во всем мире и оказывает на подрастающее поколение самое большое влияние. Поэтому дублирование мультипликационных фильмов широко применяется во многих странах как средство культурной и языковой экспансии, как способ популяризации и коммерциализации детских произведений, созданных в разные времена в разных уголках планеты.

Аудиовизуальные произведения в последние годы становятся все более актуальными и востребованными в социальной коммуникации и, как следствие, требуют большего внимания со стороны ученых и экспертов, в том числе специалистов в области переводоведения. Помимо разных техник перевода фильмов, возможности аудиовизуального перевода увеличились с появлением новых носителей изображений: телевидения, видеозаписи, компьютеров. Аудиовизуальный перевод включает перевод аудиовизуальных произведений, распространяемых телевидением – телепостановок, телефильмов, всех сценических произведений – мюзиклов, оперетт, опер, комедий, драм, трагедий, малых литературных историй с элементами изобразительного искусства – комиксов, а также перевод для широкого спектра продуктов мультимедиа, компьютерных программ, игр и т.д. Все перечисленные виды аудиовизуальных произведений концентрируют в себе высокий заряд интеллектуальной и эмоциональной информации и наполнены богатым идейно-художественным содержанием [2, с. 173].

Одним из самых востребованных и развитых жанров аудиовизуальных произведений, подлежащих аудиовизуальному переводу является мультипликационный фильм.

Отличительной особенностью мультипликации по сравнению с литературным произведением является наличие визуального ряда, посредством которого мультипликатор восполняет некоторые лакуны в детском восприятии. Полисемиотичность анимационного жанра вполне оправдана спецификой детского восприятия и когнитивно-языкового развития ребенка, описанной во множестве психологических и психолингвистических исследований. Когнитивные особенности детской аудитории, для которой и создается анимационное кино, определяют как весьма эксплицитный видеоряд (невербальная система) мультипликационного фильма, так и языковые особенности (вербальная система) кинотекста.

Среди основных языковых особенностей мультипликационного сценария можно выделить следующие. *На лексическом уровне* для мультфильмов характерным является использование понятной и простой лексики, отсутствие непонятных терминов, профессионализмов, устаревших слов, обоснованное использование неологизмов. *К особенностям на грамматико-синтаксическом уровне относятся:* использование простых грамматических форм, уменьшительно-ласкательных суффиксов, несложных синтаксических конструкций и предложений. *На фонетическом уровне* следует отметить особенности произношения, используемые автором для создания юмористического эффекта.

Среди жанрово-стилистических особенностей мультипликационного киносценария как вида детской художественной литературы следует отметить связь с национальной культурой, отсутствие большого количества стилистических средств образно-художественной выразительности, однако, при этом, могут широко употребляться эпитеты, сравнения и олицетворения. Характерным является использование повторов, фразеологических оборотов и пословиц, наличие песен.

Принципиально важным отличием мультипликационного фильма для детей от других аудиовизуальных произведений, в том числе художественных фильмов, является применение к нему только дублированного перевода ввиду возрастной специфики и когнитивных особенностей его аудитории.

Дубляж представляет собой замену исходной фонограммы другой фонограммой: визуальный текст остается неизменным, в то время как исходный устный текст заменяется устным текстом, составленным на другом языке [2, с. 180]. Переводчик дубляжа непосредственно работает с невербальной составляющей анимационного фильма, то есть осуществляет письменный перевод монтажных листов с оригинальными репликами. Но, поскольку вербальная и невербальная системы анимационного фильма обеспечивают цельность и связность текста, учет невербальной системы анимационного фильма во время перевода вербальной системы в дубляже является одним из главных условий достижения адекватного перевода [15, с. 151].

Алгоритм переводческих действий в работе с мультипликационным текстом подобен алгоритму работы с кинотекстом и включает три основных этапа:

1) *предпереводческий* – восприятие исходного кинотекста, определение цели перевода для конкретной аудитории, постижение вербальных и невербальных кодов, осуществление культурологического анализа);

2) *переводческий* (перекодирование кинотекста, адаптация под восприятие реципиента, синхронизация аудио- и видеорядов);

3) *постпереводческий* (синтез выбранных переводческих соответствий, укладка кинотекста).

Дублированный русско-якутский перевод мультипликационных фильмов советского периода был впервые предпринят в нашей республике частными лицами в целях развития и расширения функциональных возможностей якутского языка, повышения коммуникативных способностей и речевой культуры якутских детей путем увеличения сахаязычного детского контента на телевидении и привлечения сахаязычной аудитории через дублированные мультфильмы. В студии дублирования ГБУ НВК «Саха» было продублировано более 60 мультипликационных фильмов различного жанра, качества и хронометража, что представляет богатый фактический материал по исследованию методов дублированного русско-якутского перевода мультипликационных фильмов.

Перевод проблемных категорий лингвистической системы мультипликационного фильма при дублированном русско-якутском переводе

Перевод культурно-маркированных элементов лингвистической системы мультипликационного фильма. Выявление проблемных категорий лингвистической системы мультипликационного фильма и их адекватная передача при дублированном переводе должна представлять для переводчика одну из важных задач на всех этапах осуществления перевода. В переводе мультипликационного фильма, во-первых, должна быть отражена культурная составляющая, выраженная культурно-маркированной лексикой, для которой переводчик должен найти подходящие лингвокультурные аналоги.

Культурно-маркированная лексика представляет собой совокупность лексических единиц, являющихся непосредственными носителями информации о специфических чертах культуры данной языковой общности. К ним мы относим название мультфильма, имена собственные персонажей, безэквивалентную лексику, фразеологизмы, пословицы, поговорки, а также стихи и песни, имеющие своеобразное лингвокультурологическое содержание.

Название мультфильма, как и название любого художественного произведения, является своего рода ключом, открывающим дверь в мир детства, приключений, волшебства и сказки. Оно исходит от основного идейного содержания мультфильма, в котором ключевую роль может играть как персонаж, так и предмет, вокруг которого разворачиваются события. Поэтому перевод названия мультфильма имеет немаловажное значение.

Чтобы адаптировать название мультфильма под менталитет конкретного народа, переводчику помимо дословного перевода (калькирования) зачастую приходится прибегать к изменению названия, используя добавление, опущение или изменение слов. Добавление слов или замена обуславливается намерением переводчика донести до зрителя некоторую дополнительную информацию, а также в случае, когда название на языке-оригинале не соответствует особенностям национального менталитета. Опущение обычно применяется, когда перевод названия мультфильма получается слишком длинным.

Рассмотрим пару примеров из перевода названий отечественных мультфильмов на якутский язык:

«*Гуси-лебеди*» (1949). Основная идея русской народной сказки раскрывается через злую стаю гусей и лебедей. В случае дословного перевода оно звучало бы как «Кубалар-хаастар», что абсолютно не применимо в якутском языке, в котором образование парных слов имеет свою специфику и устоявшиеся веками сочетания парных слов. В итоге название переведено на якутский язык как «*Кингнээх хаастар / Злые гуси*» путем замены слова «*лебеди*» на «*кингнээх / злые*», чтобы сделать название более понятным и звучным как в оригинале, так как в якутском языке нет такого словосочетания как «*гуси-лебеди*».

Во многих названиях переводчик вынужден провести словарную дефиницию иноязычного слова, чтобы найти эквивалент в переводящем языке. Например, как в случае с названием мультфильма «*Алдар Косе*» (1985), где для казахского слова Косе «*безбородый*» (в нашей интерпретации «*молодой*») найдено якутское слово *Хоһуун* «*молодой, бравый*», что способствует более легкому восприятию названия и пониманию содержания мультфильма якутскими детьми. Но наиболее ярко выраженным мотивом к такого рода трансформациям является целевая установка переводчика, в приоритете которого стояло не ознакомление с иноязычной культурой, а расширение коммуникативных способностей и повышение речевой культуры у якутских детей.

Особые затруднения при переводе мультипликационных фильмов советского периода вызывает передача безэквивалентной лексики (имен собственных, реалий, неологизмов) и выражений (фразеологизмов). Это объясняется тем, что они основаны на сюжетах народных сказок и в них присутствуют персонажи, предметы и понятия, существующие только в жизни и культуре того народа, которому принадлежит эта сказка. При передаче таких реалий чрезвычайно важно сохранить оригинальную языковую форму и национальный колорит, экспрессивность, ритм и рифму.

Калькирование как способ перевода безэквивалентной единицы может использоваться лишь тогда, когда слово имеет прозрачную словообразовательную структуру и внутреннюю форму, а фразеологическая единица должна являться либо фразеологическим единством, либо фразеологическим выражением.

Например, в русских сказках есть устойчивое выражение *избушка на курьих ножках*, означающее жилище старой колдуньи Бабы-Яги. Оказалось, что в якутском языке тоже имеется нечто похожее, означающее захудалое темное жилище *ыыспа*: 1) чад, дым; дымная мгла; 2) перен. разг. юрта, избушка. В итоге получилось выражение *куурусса атахтаах харанга ыыспа*.

Лексико-семантический анализ исследуемого материала позволил нам разделить безэквивалентные слова на следующие группы и определить приемы их перевода (табл. 1):

Таблица 1

Группы безэквивалентных слов	Прием перевода	Вариант перевода
Имена собственные персонажей в образе людей	Транслитерация или сохранение оригинала	<i>Жучка, Ляпа, Анфиса, Василиса, Аленушка, Иванушка, Индига, Соломдига, Лю</i>
	Практическое транскрибирование	<i>Маша – Мааса, Ваня – Баанньа, Машенька – Мааһынка, Луша – Лууһук, Лукерья – Лэкиэрийэ, Бобик – Буобук, Кнопочкины – Кунуопкалыыраттар, Подковин – Боккуобун, Вера – Биэрискэ</i>
	Адекватная замена эпитета	<i>Василиса Прекрасная – Кэрэкэ Василиса, Младший Царевич – Алын Сарыабыс, Сестрица Аленушка – Аҕас Аленушка, Братец Иванушка – Сурус Иванушка, Братья Лю – Ини-бишлии Люлар, Кута-маар тойоно Боко, Таастыйбыт киһи Какзаму</i>
Имена собственные мифологических персонажей или сказочных животных	Лексико-семантическая замена	<i>Кащей Бессмертный – Өлбөт үөстээх Дьардьама Дьай, Баба Яга – Эмэх Эмээхсин, Михайло Потопыч – Мэхээлэ Кырдьаҕас, Колдунья – Көлдүүн дьахтар, Чудовище – Адьарай</i>
Авторские неологизмы	Калькирование (иногда морфологическая трансформация по правилам ЯП)	<i>Златовласка – Көмүс Суһуохтай, Нехочуха – Баҕарбатчай, Валидуб – Дуубусуулар, Мойдодыр – Күүскэсууйар, Бровкин – Хаастайаап</i>
Названия животных, растений	Транслитерация или сохранение оригинала	<i>помидор, сельдерей, яблоко, мухомор, пингвин</i>
	Практическое транскрибирование	<i>ёж – дьуос, осел – өсүөл, крокодил – харахадьыыл, черепашка – чарапахыллай, обезьяна – эбисийээнэ</i>
Названия бытовых принадлежностей, утвари, одежды, еды и т.п.	Транслитерация	<i>сбитень, парча, дудочка</i>
	Практическое транскрибирование	<i>огород – оһуруот, чучело – чуучала, картошка – хортуоска, печатный прyaniк – бэчээттээх бирээнньик, пирог – бөрүөк, баранка – бараанка, зеркало – сиэркилэ, парус – баарыс, корабль – хараабыл, пирожки – бэрэски, блины-блинчик о.д.а.</i>
Названия объектов и явлений современной жизни	Транслитерация	<i>полярник, иллюминатор, температура, полюс, бандероль, порт, мистер, этюд, банан, горшок, телевидение, диктор, негритёнок, бассейн</i>
	Практическое транскрибирование	<i>грузчик – куруусчут, матрос – мотуруос, воспитатель – баспытаатал, мыло – мыыла о.д.а</i>
Географические названия	Транслитерация	<i>Австралия, Антарктида, Индия, Африка</i>

На первый взгляд представляется очевидным, что оптимальными приёмами передачи реалий в случае с кино/видеопереводом являются *транскрипция* и *транслитерация* в силу их

компактности (немаловажный фактор для субтитров и дубляжа). Однако, в письменном тексте переводчик в особо трудных случаях может сопроводить транскрипцию (транслитерацию) пояснительной сноской, тогда как в кино/видеопереводе переводческая сноска (комментарий) немыслима. Выбор оптимального кино/видеоперевода-приёма всегда зависит от используемого вида кино/видеоперевода, степени информированности целевой аудитории и личного предпочтения кинопереводчика.

Перевод *песенных текстов* занимает особое место в иерархии перевода. Оно усложняется необходимостью синхронизирования не только с оригинальным текстом, а еще и с музыкальным сопровождением. Задачей переводчика мультипликационных песен является установление функциональной эквивалентности между структурами оригинала и перевода, воссоздание в переводе единства формы и содержания, донесение до телезрителя тончайших нюансов творческой мысли автора и композитора, созданных ими образов, мыслей и чувств.

Перевод «русских песен» можно назвать переводом-стилизацией, поскольку переводчик должен передать не только смысл текста, но и повторить средствами своего языка художественные средства оригинала, что не всегда легко в силу разности языков.

При переводе нельзя игнорировать разноуровневые стилистические приёмы, используемые автором, к которым, прежде всего, можно отнести *аллитерацию и ассонанс*, которые помогают передать экспрессивно-эмоциональную тональность песни и/или выполняют функцию звукоподражания.

Рассмотрим русско-якутский перевод песни Бабы Яги из мультфильма «Гуси-лебеди» (исполнительница песни на якутском языке – Светлана Константинова, известный мелодист и хормейстер) (табл. 2):

Таблица 2

ВОрчи, печка, растопИсь... 2+2+3=7	Охох уота, умай дАА... 2+2+2+1=7
РАзгорайся, не дымИсь... 4+1+2=7	БУруолаама хайаамАА... 4+3=7
СтАнь, горшОк, на шестОк! 1+2+1+2=6	ТААс көһүйэ, таҕыс үөһЭЭ! 1+3+2+2= 8
РАзгорайся, огонЁк... 4+3=7	Охох уота, умай дАА... 2+2+2+1=7
НАкаляйся, уголЁк... 4+3=7	ХАра чохпут, кытар дАА... 2+2+2+1=7
КАрамО-Ор, мухомО-Ор,3+3=6	СҮлүһүннЭЭх мухомО-Ор, 4+3=7
БЕленА-А, вЕленА-А, 3+3=6	КУҮҮгэннирэн үллэннЭЭ-Э, 4+3=7
Шалды-тулды-Ы, 2+2=4	Саһарбыт сибэккИИ-И, 3+3=6
Шалды-балды-Ы... 2+2=4	Хаппыт үөн-көйҮҮ-Үр...2+3=5

Как видно из таблицы, текст песни основан на стихотворении из стоп, состоящих из ямба. Однако, своеобразная нисходяще-восходяще-нисходящая ритмомелодика песни с разделением на слоги и паузы, удлинением звучания гласных конечного слога заставляет сделать тоническое ударение на первых слогах строки и количественное ударение на последних слогах строки.

При переводе эти особенности ритмической организации соблюдены при помощи долгих гласных якутского языка и якутского ударения, ставящегося обычно на последнем слоге синтагмы. Основную функциональную нагрузку в этой сказочной песне несут уменьшительно-ласкательные формы слов ‘печка, горшок, шесток, огонек, уголек’ и слова с негативным коннотативным значением ‘карамор, мухомор, шалды-тулды, шалды-балды’.

Перевод модально-маркированных элементов лингвистической системы мультипликационного фильма. Одной из проблемных категорий лингвистической системы мультипликационного фильма является эмоциональная составляющая, выражаемая эмоционально-маркированными элементами или модальными значениями, присутствующими в диалогах персонажей. Перевод мультипликационного фильма не может считаться адекватным, если в нем не сохранена модальность текста источника. Основные модальные значения речевых актов как изъявительная модальность, вопросительная модальность, побудительная модальность, восклицательная модальность выражаются в якутском языке традиционными речевыми фор-

мулами и их компонентами. При передаче этих значений важно учитывать нормы лексической и семантической сочетаемости единиц в рамках кинодиалога, которые ориентированы на выполнение определенных коммуникативных задач.

Обращение является обязательным компонентом мультипликационного диалога и одним из средств выражения модальности в мультипликационном фильме. А передача модальности – важнейшая составляющая процесса как устного, так и письменного перевода, без ее правильной трактовки коммуникация весьма затруднена или почти невозможна. Умение исходить из общего и лингвистического контекста, логики высказывания и просто здравого смысла или догадки и смекалки – важнейшее качество переводчика.

Как средство выражения модальности обращение имеет тесную связь с предложением на уровне модально-синтаксических отношений в речи может быть: 1) обращением-членом предложения; 2) обращением-предложением; 3) вокативным предложением; 4) вокативным членом предложения.

Главное модальное назначение обращений – привлечение внимания собеседника путем называния его. При этом оттенки обращения иногда могут выдвигаться и на первый план как: 1) призыв, соединенный с побуждением; 2) положительное эмоциональное отношение говорящего (нежность, ласка, сочувствие, жалость, желание расположить к себе, просьба, мольба, восхищение, изумление и т.п.); 3) отрицательное эмоциональное отношение говорящего (неодобрение, порицание, гнев, презрение, пренебрежение, сетование, роптание и т.п.).

Положительные и отрицательные эмоции обращения-члены также выражают при помощи интонации (которая на письме часто отмечается восклицательным знаком), обычного и синонимического повтора, модальных слов и частиц, модальных слов и частиц, междометий, модального оттенка лексического значения эмоциональных лексем [14, с. 222-225].

Обращения в качестве членов предложений могут быть простыми, т.е. состоять из одного слова или распространенными. Их передача на якутский язык при дублированном переводе производится в зависимости от контекста и особенностей словообразования и применения обращений в якутском языке (табл. 3):

Таблица 3

Оригинальный текст	Стилистический прием Модальное значение	Текст перевода
Мышка: – Машенька, Машенька, дай мне ложечки каши.	Повтор имени собственного в уменьшительно-ласкательной форме, глагол ‘дай’ в побуд. форме. Просьба.	- Мааһынка, Мааһынка! Биир ньуска хааһыны бэрсинг дуо?
Маша: – Ой... Ах, ты <u>моя мышенька</u> , да я тебе не одну ложечку дам, я тебя досыта накормлю. На!	Уменьшительно-ласкательная форма слова с притяжательным местоимением, лексический повтор. Умиление, жалость.	– Тыый! Оччугуйкаан кутуйахчалан, биир эрэ ньусканы буолуо дуо, тотуоххар диэри аһатыам! Мэ!
Мышка: – <u>Что ты, Маша</u> , каша и так соленая. О чем <u>загрустила, милая?</u>	Междометие, ласкательное слово, модальный глагол. Сочувствие.	– Тыый, Мааһынка, хааһыбыт тустуоох эбээт. Сэгэртэйим, тухутан бачча санаарҕаатын?
Маша: – <u>Как же мне не грустить, мышенька?</u> <u>Где же мне такую гору шести напрядь?</u>	Модальная частица вопросительное слово, модальный глагол, уменьшительно-ласкательная форма слова. Отчаяние	– Хайаан санаарҕаабат буолуохпунуй? Бу сабы барытын хайдах хатан бүтэрэх бэйэбиний?
Мышка: – Эх, <u>Машенька</u> , от слез и плача бежит удача, а кто и в горе смеется, тому все <u>удаётся!</u> <u>Дай-ка, я тебя рассмешу, тебе барыню спляшу!</u>	Междометие, уменьшительно-ласкательная форма имени собственного, пословица с эмоционально-окрашенной коннотацией, лицетворение, просторечная частица побуждения Одобрение	– Оо, Мааһынка барахсан, бири өйдөө: <u>ытанныах киһи үөрүүнү үргүтэр, үөрүүннэг киһиэхэ дьол бэйэтэ тосхойор.</u> <u>Хата куллэриим эрэ эйигин, ункуулээн көрдөрүүм.</u>

Статистический анализ исследуемого материала показал, что в советских мультфильмах, основанных на народных сказках, чрезвычайно широко распространены слова в уменьшительно-ласкательной форме. Поскольку единицей кинотекста является кинодиалог, выражающий общение между двумя и более лицами (уточнить), уменьшительно-ласкательные формы слов почти всегда встречаются в обращениях.

Междометия, также как и обращения, являются обязательным компонентом мультипликационного диалога ввиду ярко выраженной эмоционально-экспрессивной характеристики этого жанра, соответствующей психологической и возрастной специфики его реципиента. Они обычно присутствуют в ответных репликах диалога как средство реакции собеседника на то или иное событие. Передача русских междометий на языке перевода производится путем нахождения подходящего эмоционально-экспрессивного эквивалента. Например, слабо выраженная артикуляция нарисованных героев позволяет заменить при переводе русское “Ах!” на якутское “Тыый!” или “Иэхэйбин!”.

Для правильной передачи модальных значений имеет немаловажное значение грамотное использование **частиц** и **служебных слов**, примыкающих к сказуемому. Не имея самостоятельного лексического значения, они играют в переводе иногда решающую роль. Из примера диалога м/ф “Гуси-лебеди (1949) / Кингнээх хаастар (2015)” видно, что модальное значение глаголов, а следовательно всего высказывания, выражается именно благодаря этим частицам (табл. 4):

Таблица 4

Оригинальный текст	Киноперевод на якутском языке
Печка: – Ох, Машенька, голубушка, <u>помоги мне</u> (побуждение)	- Оо дьэ, Мааһынка барахсан, <u>көмөлөс даа...</u>
Испеклись мои ржаные пирожки. <u>Вытащи их</u> (побуждение)	Оруос бэрэскилэрим буспуттара быданнаата. <u>Оротолоон кулу.</u>
Маша: – Ой... <u>Некогда мне, печка. Братца</u> <u>выручать надо</u> (отказ)	– Оо, мин <u>тиэтэйэбин эбээт.</u> Сурдьум иэдээнгэ <u>түбэстэ.</u>
Печка: – Ах... (огорчение)	– Оо дьэ, <u>сор эбит...</u>
Маша: – Видно, <u>пожалеть тебя придется...</u> (жалость)	– Оо дьэ, <u>эрэйдээххэ көмөлөстөххө табыллар.</u>
Печка: – Ах! <u>Спасибо тебе, Машенька!</u> (благодарность)	– Гуу дьэ, <u>абыраатын дии, Мааһынка.</u>
Маша: – <u>Не видала ли ты, печка, куда гуси полетели?</u> (вопрос)	– Оһох барахсан, кингнээх хаастар ханна <u>көппүттэрин көрбүтүн буолаарай?</u>

Сложность передачи модальных значений состоит в том, что средства выражения модальности, с одной стороны, имеют клишированную форму, а с другой стороны, тесно связаны с коммуникативной ситуацией. Даже при лингвистически и прагматически правильном переводе при озвучивании актером переведенного текста теряется некоторая степень модальности исходного текста. На это влияют такие экстралингвистические факторы как индивидуальные характеристики озвучивающего голоса, недостаточно или чрезмерно эмоциональная передача озвучиваемого текста из-за неправильного интонирования, постановки фразового ударения и т.п.

Соблюдение и нарушение принципа синхронизма при дублированном переводе мультипликационных фильмов

Кинодиалог как единица киноперевода. Диалог в якутском языке, как и в других языках, характеризуется как основной вид устной речи, поскольку его функционирование всегда связано с взаимобщением людей или обоюдной реакцией говорящих. В письменной речи (в произведениях художественной литературы, особенно драматических) диалог собеседников бывает тесно сплетенным лексико-грамматически и интонационно, что, естественно, составляет специфику структуры диалога [1, с. 10]. Диалог – важнейший компонент киносценария, который служит средством развертывания сюжета и раскрытия характеров. Для обозначения всей

лингвистической системы фильма в научный оборот введен термин *кинодиалог*. Общих черт между кинодиалогом и прямой речью в художественной литературе больше, чем различий:

1) кинодиалог и прямая речь героев художественного литературного произведения представляют собой прямое, без посредников выражение содержания мыслей, рассуждений, мнений персонажей;

2) большинство функций, выполняемых кинодиалогом и прямой речью в литературе, схожи или идентичны. Это функции раскрытия образа, выявления причинно-следственных связей, соблюдения принципа реалистичности и др.;

3) основное различие между этими понятиями содержится в форме репрезентации: для кинодиалога это устная форма, для речи героев в литературе – письменная;

4) методы филологического анализа литературной прямой речи во многом также подходят и для анализа устной речи кинодиалога.

На наш взгляд, не все характеристики кинодиалога присущи диалогу мультипликационного фильма. Несмотря на кажущуюся разговорность, по сравнению с художественным фильмом лингвистическая система мультипликационного фильма, особенно советского производства, больше соответствует книжному стилю. Если в художественном фильме допустимо использование всех стилей языка и различных нарушений литературной нормы, то мультипликационный фильм в большинстве случаев отличается или должен отличаться высокой нормированностью.

Назовем некоторые языковые особенности мультипликационных фильмов советского производства, дублированных на якутский язык:

1) увеличенная по сравнению с разговорной нормой четкость произношения и дикции;

2) устная речь, насыщенная фонетическими (интонационными) маркерами и эмфатическими элементами;

3) использование интонации для обеспечения сюжетной связности произведения;

4) синтаксические конструкции, свойственные традиционным речевым формулам якутского языка;

5) незначительный процент заимствованной лексики;

6) активное использование средств художественной выразительности;

7) активное использование средств выражения модальности;

8) использование фразеологических единиц языка перевода и устойчивых выражений.

Диалогическая речь в условиях естественной коммуникации осуществляется по определенным правилам, отличающимся в различных языковых культурах. Социолингвистические различия в регистрах общения, коммуникативные различия в употреблении речевых формул-клише, синтаксические и лексические различия в оформлении речевых актов на языке оригинала и на языке перевода создают препятствия на пути достижения адекватного и эквивалентного перевода диалогической речи персонажей, в том числе и на прагматическом уровне.

Соблюдение принципа синхронизма при дублированном переводе мультипликационных фильмов. Иногда переводчику для достижения фонетического синхронизма приходится жертвовать синхронизмом семантическим и намеренно искажать смысл отдельных фраз оригинального кинодиалога. Поскольку артикуляция героев мультфильма выражена слабее, чем в кинофильме, детская зрительная аудитория менее чувствительна к рассинхронизации, поэтому в плане соблюдения фонетического синхронизма к переводу под дубляж мультипликационного произведения предъявляются менее высокие требования, чем к художественным фильмам, поэтому можно сказать, что дублированный русско-якутский перевод мультипликационных фильмов было подвергнут частичной фонетической синхронизации.

Например, при осуществлении дублированного русско-якутского перевода мультипликационных фильмов советского периода мы не считали количество слогов в оригинальном высказывании, а в первую очередь обращали внимание на содержание перевода, соответствие длительности высказывания сопоставляемых реплик и адекватное воспроизведение перевода в устной речи, т.е. соблюдали синхронность содержания, изохронность и кинетическую синхронность. Намеренное искажение отдельных фраз оригинального диалога, жертвуя семанти-

ческим синхронизмом ради достижения фонетического синхронизма, нами не выявлено. Тем не менее, мы считаем, что при дублированном переводе современных мультипликационных фильмов, созданных по новым технологиям, позволяющим воспроизвести настоящее движение губ, соблюдение фонетической (губной) требуется обязательно.

В любом случае, какой бы ни была техника создания мультипликационного фильма, переводчик дубляжа путем соблюдения трех видов синхронизма должен стремиться выполнить одновременно требования теории динамической (прагматической) эквивалентности и теории скопос. И в итоге получить полноценную коммуникативную замену текста оригинала.

Рассмотрим вышесказанное на примере диалогов из мультфильма «Пингвиненок» (1983), в переводе на якутский язык – «Полнос оҕолоро». Поскольку артикуляционные движения у нарисованных животных в мультфильме очень слабые, от переводчика требовалось достичь синхронности в плане содержания и длительности сопоставимых реплик. На наш взгляд, кинетическая синхронность, при соблюдении этих условий вытекает как само собой разумеющееся. Синхронность характеров обеспечивается режиссером дубляжа, который подбирает актеров и руководит процессом озвучивания. В случае несоответствия высказываний можно попросить актера прочитать в более убыстренном темпе. В данном диалоге речь пингвиненка читает ребенок, а речь альбатроса – профессиональный актер театра. Для проверки соответствия диалогов по форме подсчитаем количество слогов и выделим наиболее прагматически насыщенные единицы (табл. 5):

Таблица 5

Оригинальный текст	Дублированный перевод
Альбатрос:- Молодец, малыш, я видел как ты храбро плыл! Но кто ты? / 16	- Маладьыас, кырачаан, харса суох харбыыр эбиккин! Эн кимгиний? / 18
Пингвиненок:- Я пингвиненок! А я вас не знаю!/11	- Мин пингвин оҕотобун. Оттон эн кимгин билиэххэ син дуо?/ 17
Альбатрос:-Я альбатрос! Мой птичий долг – помочь тебе! / 12	- Мин альбатрос диэммин. Утүө көтөр буоларбынан эйгин абырыах тустаахпын. / 23
Пингвиненок:- Спасибо. Я хочу домой...На полюс! / 11	- Махтанабын. Дьэбэр полюска тиийиэхпин баҕарабын. / 16
Альбатрос:- На полюс? А где он? / 6	- Ол дойду хайа диэки баарый? / 9
Пингвиненок: – Не знаю. Может, там, а может, там... / 10	- Баҕар ол диэки, баҕар бу диэки буолуо... / 12
Альбатрос: – Найдем! Летим! / 4	- Чэ, булар инибит! Көтө туруох! / 10
Пингвиненок: – Я не умею летать... / 7	- Мин сатаан көппөппүн ээ. / 7
Альбатрос: – Ты же птица. / 4	- Хайдах? Кынаттаах эрээри? / 8
Постой, постой... / 4	Ээ, бээ 'рэ, бээ 'рэ... / 5
Я уже где-то встретил летающую птицу. / 15	Мин көптөт көтөрү ханна эрэ көрбүт курдукпун ээ. / 16
Эк... Вспомнил. / 3	Ээ! Өйдөөтүм! / 4
Садись на меня! Теперь я знаю, где твоя родина. / 16	Миэхэ олорус эрэ, дойдун ханна баарын өйдөөтүм. / 16

По таблице видно, что количество слогов в переводном диалоге существенно больше. Это объясняется тем, что переводчик руководствовался больше лингводидактическими установками и за счет слабо выраженной артикуляции героев передать маленьким зрителям как можно больше коммуникативной информации. То есть, в данном случае для переводчика было принципиально важно сохранить не форму и размер диалога, а концептуальное содержание оригинального текста, и в то же время способствовать расширению словарного запаса маленьких зрителей и повысить их речевую культуру. На научном языке это означает, что переводчик интуитивно придерживался принципов скопос-теории, следуя которой оригинальный текст имеет более низкий статус, чем в теориях перевода, основанных на эквивалентности, а оригинал представляет собой своеобразное «информационное предложение», которое переводчик адаптирует под запросы целевой аудитории.

Переводческие трансформации при дублированном переводе мультипликационных фильмов. Комплексный анализ исследуемых мультипликационных кинодиалогов выявил, что при дублированном русско-якутском переводе мультипликационных фильмов виды переводческих трансформаций тесно взаимосвязаны и переплетаются между собой. А частотность их применения зависит от жанрово-стилистических особенностей мультипликационного фильма или от замысла автора.

Например, в мультфильме, созданном на основе народных сказок наиболее типичной лингвостилистической особенностью в плане синтаксической организации текста является использование формул-диалогов, содержащих однотипные высказывания и их повторы. Рассмотрим синтаксические конструкции на примерах м/ф диалогов, используя значения Субъекта – S, Объекта -O, Атрибута – A и Предиката–P (табл. 6):

Таблица 6

Оригинальный текст(М/ф «Сердце храбрца», 1951 г. по мотивам удэгейской сказки)	Текст перевода(«Хорсун сүрэхтээх буолаххына...», 2014 с. үдэгэй омук остуоруйатынан)
Индига: – Ёжик... Ёжик! Не видал ли ты моего брата? Соломдигу? Обращение+обращение! P+S+O? O? Ёж: – Нет. Не видал я твоего брата. У белки спроси. Ей сверху виднее. Отрицание. P+S+O. O+P. O+A+P.	– Дьуос... Дьуос! Эн мин убайбын Соломдиганы көрбүтүн буолаарай? Обращение+обращение! S+O+O+P? – Суох. Эн убайгын көрбөтөбүм. Тиинтэн ыйыт, киниэхэ үөһэттэн көстөрө буолуо. Отрицание. O+P. O+P, O+A+P.
Индига: – Белка... Белка! Тебе сверху все видно. Не видала ли ты моего брата? Соломдигу? Обращение+обращение! S+A+O+P.P+S+O? O? Белка: – У орла спроси. Он выше всех летает. O+P. S+A+P.	– Тиингчээн... Тиингчээн! Эн олуу-ус үөһэ ыттабын. Убайбын Соломдиганы көрбүтүн буолаарай? Обращение+обращение! S+A+P.O+O+P. – Хотойтон ыйыт. Кини өссө үрдүккэ көтөр. O+P. S+A+P.
Индига: – Орёл... Орёл! Ты выше всех летаешь. Тебе сверху все видно. Как мне найти своего брата? Соломдигу? Обращение+обращение! S+A+P.O+A+O+P. A+O+P+O? O? Орёл:- Далеко твой брат. Найти его можно, если большие страхи перетерпел. P+S. S+O+P, O+P	– Хотой...Хото-ой! Эн барыларынааҕар үөһэ-э көтөбүн. Үөһэттэн барытын көрөбүн. Убайбын Соломдиганы хантан булабын? Обращение+обращение! S+A+P. A+O+P. O+O+A+P. – Убайын ыраах сылдыар. Киниэхэ тиийиэххэр диэри элбэх кутталы көрүүбүн. Ону тулуйабын дуо? S+A+P. A+O+P. O+P?

Из данных примеров видно, что утвердительные высказывания типа **S+A+P** из оригинального текста не подвергаются синтаксической трансформации при переводе, поскольку образуются по типичной для сказок формуле и повторяются несколько раз. Однако вопросительные высказывания, характерные для просторечного стиля, с отрицательной частицей ‘не’ и с вопросительной частицей ‘ли’ подвергнуты синтаксической трансформации согласно порядку слов и способу образования вопросительного предложения в якутском языке. В данных диалогах почти нет лексико-семантических замен, так как коммуникативные единицы, основанные на формулах-диалогах, отличаются простым и понятным лексическим составом без большого количества стилистических средств образно-художественной выразительности.

Для выявления языковых единиц, претерпевающих изменения при дублированном русско-якутском художественном переводе, с последующей классификацией переводческих трансформаций, важно исходить из уровней языка. Выделяются следующие уровни языка: фонетический; грамматический: морфологический и/или синтаксический; лексический: лексический, семантический и др.

Основными факторами, вызывающими переводческие трансформации на коммуникативном уровне являются различия в грамматической системе и в понятийной сфере взаимодействующих языков. Если в русском языке порядок слов в предложении считается свободным

и меняется в зависимости от коммуникативной задачи, то “в якутском языке, как и в других тюркских языках, сказуемое завершает предложение, все остальные члены предложения размещаются в препозиции по отношению к сказуемому” [5, с. 136].

Временные и визуальные ограничения, которые влияют на любой процесс дублированного перевода, при дублированном русско-якутском переводе мультипликационных фильмов отягощают вышеуказанные факторы, но не настолько как при дублированном переводе художественных фильмов.

Комплексный анализ исследуемых мультипликационных кинодиалогов выявил, что при дублированном русско-якутском переводе мультипликационных фильмов виды переводческих трансформаций тесно взаимосвязаны и переплетаются между собой. А частотность их применения зависит от жанрово-стилистических особенностей мультипликационного фильма или от замысла автора.

Лексические и грамматические трансформации обычно встречаются не в чистом виде, а в сочетании друг с другом. Наиболее ярко они проявляются при переводе песен и стихов, так как эти виды художественных произведений имеют особую эмоционально-экспрессивную окраску и требуют применения методов поэтического перевода, главным образом, искусного пользования художественными средствами выразительности.

Заключение

Таким образом, в данной статье на примере первого практического опыта предпринята попытка освещения особенностей дублированного русско-якутского художественного перевода мультипликационных фильмов. Сложность нашего исследования состояла в том, что проблема разработки методологии перевода мультипликационных фильмов в России остается нерешенной в виду ее особого междисциплинарного характера. Отсюда вытекают проблемы терминологического характера, ставящие перед исследователем проблему выбора одного из множества переводоведческих терминов, по-разному называющих одно и то же переводческое явление.

Теоретический анализ научных работ позволил установить специфику дублированного перевода мультипликационных одного из видов художественного и аудиовизуального произведения, а также специфику дублированного перевода мультипликационных фильмов в аспекте художественного и аудиовизуального перевода. Принципиально важным отличием мультипликационного фильма для детей от других аудиовизуальных произведений является применение к нему только дублированного перевода ввиду возрастной специфики и когнитивных способностей его аудитории.

В целом, при русско-якутском дублированном переводе мультипликационных фильмов переводчику следует исходить из требований социального или коммерческого заказа, когнитивных и психологических способностей будущего реципиента.

Литература

1. Алексеев И.Е. Ответный компонент диалога в якутском языке / Отв. ред. Н.Н. Тобуроков; АН СССР, Сиб. отд-ние, Якут. ин-т яз., лит. и истории. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 136 с.
2. Альварес Солер А.А. Художественный и аудиовизуальный перевод в призме элементов литературного текста и уровней киноязыка / Т.В. Писанова, А.А. Альварес-Солер // Пространства коммуникации Испании и Латинской Америки: многоязычие, литература, традиции перевода. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 2019. – С. 135-209.
3. Асенин А. «Мир Мультфильма». Идеи и образы мультипликационного кино социалистических стран. – М.: Искусство, 1986. – 288 с.
4. Васильева А.А. Сахалыы-нууччалы тылбаас /Якутско-русский перевод. Устудьуонна көмө кинигэ. – Дьокуускай, 2007. – 63 с.
5. Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1978. – 172 с.
6. Грамматика современного якутского литературного языка. Синтаксис / [Е.И. Убрятова, Н.Е. Петров, Н.Н. Неустроев и др.]. – Новосибирск: Наука, 1995. – 332 с.
7. Казакова А.Т. Художественный перевод. Теория и практика: учебник – СПб.: ООО «ИнЪязиздат», 2006. – 544 с.

8. Козуляев А.В. Интегративная модель обучения аудиовизуальному переводу (английский язык): дис. ... канд. пед. наук / А.В. Козуляев. – М., 2019. – 234 с.
9. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода: учебное пособие. – М.: ЧеРо, 1999. – 136 с.
10. Латышев Л.К. Технология перевода. – М.: НВИ-тезаурис, 2001. – 278 с.
11. Лиханов В.И. Эмоционально-оценочные и экспрессивные слова в якутском языке. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. – 130 с.
12. Матасов Р.А. Перевод кино/видео материалов: лингвокультурологические и дидактические аспекты: дис. ... канд. филол. наук / Р.А. Матасов. – М., 2009. – 211 с.
13. Нууччалыы-сахалыы, сахалыы нууччалыы тылбаас. Научнай үлэ хомууруннуга 5-с таһаарыы [Хом. онордулар: Т.И Петрова., И.В. Собакина] – Дьокуускай: СГУ изд-та, 2012. – 92 с.
14. Петров Н.Е. Синтаксические средства выражения модальности в якутском языке. – Новосибирск: «Наука» Сибирское предприятие РАН, 1999. – 287 с.
15. Полякова О.В. Оценка качества дублирования анимационных фильмов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 11 (29): в 2-х ч. Ч. II. – Тамбов: Грамота, 2013. – С. 150-152.
16. Салахова А.Р. Лингводидактический потенциал советской анимации на уроках русского языка как иностранного / А.Р. Салахова // Филология и культура. – 2016. – № 1 (43). – С. 319-325.
17. Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). – М.: Водoley Publishers, 2004. – 153 с.
18. Солодуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б., Кузнецов А.В. Теория и практика художественного перевода. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 304 с.

References

1. Alekseev I.E. Otvetnyj component dialoga v jakutskom jazyke / Otv. red. N.N. Toburokov; AN SSSR, Sib. otd-nie, Jakut. in-t jaz., lit. i istorii. – Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1990. – 136 s.
2. Al'vares Soler A.A. Hudozhestvennyj i audiovizual'nyj perevod v prizme jelementov literaturnogo teksta i urovnej kinojazyka / T.V. Pisanova, A.A. Al'vares-Soler // Prostranstva kommunikacii Ispanii i Latinskoj Ameriki: mnogojazychie, literatura, tradicii perevoda. – M.: Moskovskij gosudarstvennyj lingvisticheskoj universitet, 2019. – S. 135-209.
3. Asenin A. «Mir Mul'tfil'ma». Idei i obrazy mul'tiplikacionnogo kino socialisticheskix stran. – M.: Iskusstvo, 1986. – 288 s.
4. Vasil'eva A.A. Sahalyy-nuuchchalyy tylbaas / Jakutsko-russkij perevod. Ustud'uonna kome kinigje. – D'okuuskaj, 2007. – 63 s.
5. Vinogradov V.S. Leksicheskie voprosy perevoda hudozhestvennoj prozy. – M., Izd-vo Mosk. Un-ta, 1978. – 172 s.
6. Grammatika sovremennoho jakutskogo literaturnogo jazyka. Sintaksis / [E.I. Ubrjatova, N.E. Petrov, N.N. Neustroevi dr.] – Novosibirsk: Nauka, 1995. – 332 s.
7. Kazakova A.T. Hudozhestvennyj perevod. Teorija i praktika: uchebnik – Spb.: OOO «In##jazizdat», 2006. – 544 s.
8. Kozuljaev A.V. Integrativnaja model' obuchenija audiovizual'nomu perevodu (anglijskij jazyk): dis. ... kand. ped. nauk / A.V.Kozuljaev. – M., 2019. – 234 s.
9. Komissarov V.N. Obshhaja teorija perevoda: uchebnoe posobie. – M.: CheRo, 1999. – 136 s.
10. Latyshev L.K. Tehnologija perevoda. – M.: NVI-tezaurus, 2001. – 278s.
11. Lihanov V.I. Jemocional'no-ocenochnye i jekspressivnye slova v jakutskom jazyke. – Novosibirsk: VO «Nauka». Sibirskaia izdatel'skaja firma, 1994. – 130 s.
12. Matasov R.A. Perevod kino/video materialov: lingvokul'turologicheskie i didakticheskie aspekty: dis. ... kand. filol. nauk / R.A. Matasov. – M., 2009. – 211 s.
13. Nuuchchalyy-sahalyy, sahalyy-nuuchchalyy tylbaas. Nauchnaj vlje homuurunn'uga 5-c taahaaryy [Hom. onordular: T.I. Petrova., I.V. Sobakina] – D'okuuskaj: SGU izd-та, 2012. – 92 с.
14. Petrov N.E. Sintaksicheskie sredstva vyrazhenija modal'nosti v jakutskom jazyke. Novosibirsk: «Nauka» Sibirskoe predpriatie RAN, 1999. – 287 s.
15. Poljakova O.V. Ocenka kachestva dublirovaniya animacionnyh fil'mov // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – № 11 (29): v 2-h ch. Ch. II. – Tambov: Gramota, 2013. – С. 150-152.
16. Salahova A.R. Lingvodidakticheskij potencial sovetskoj animacii na urokah russkogo jazyka kak inostrannogo /A.R. Salahova// Filologija i kul'tura. – 2016. – № 1 (43). – S. 319-325.
17. Sлыshkin G.G., Efremova M.A. Kинотекст (опыт лингвokул'tурологического анализа). – М.: Vodoley Publishers, 2004. – 153 s.
18. Solodub Ju.P., Al'breht F.B., Kuznecov A.V. Teorija i praktika hudozhestvennogo perevoda. – M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2005. – 304 s.

– ЯЗЫКИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА –

УДК 811.51

Н. Ю. Ушницкая

Оленеводческая лексика каларских эвенков (по материалам экспедиции в Каларский район Забайкальского края)

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Россия*

Аннотация. Статья посвящена оленеводческой лексике каларских эвенков, хозяйственная деятельность которых связана с оленеводством, охотой и рыбалкой. Опираясь на языковой материал, собранный во время экспедиции с 24.04.2021 по 19.06.2021 в Каларском районе Забайкальского края, автор анализирует словарный состав каларского говора эвенкийского языка, связанный с оленеводством. Описание лексики приводится по лексико-семантическим группам слов (ЛСГ) в пределах тематической группы слов (ТГ). На сегодня оленеводческая лексика каларских эвенков недостаточно исследована. Между тем, эвенкийский язык утрачивается. В настоящее время каларские оленеводы сохранили оленеводческую лексику эвенкийского языка. И это дает возможность фиксации и систематизации оленеводческой лексики. В этом заключается актуальность и практическая значимость представленной работы. Целью статьи является исследование оленеводческой лексики эвенкийского языка на материале каларского говора. При работе использовались расшифровка аудиозаписей, собранных во время экспедиции от информантов, а также лексикографический анализ оленеводческой лексики в эвенкийско-русском словаре А.Н. Мыреевой, проводился обзор лексики в монографиях А.Н. Мыреевой «Лексика эвенкийского языка: Растительный и животный мир», «Лексика эвенкийского языка: традиционное хозяйство». Монографий, посвященных оленеводческой лексике эвенкийского языка в настоящее время, не имеется. Автором проводились анализ и подпись фотографий, рисунков. Рисунки созданы оленеводами Родовой общины коренных малочисленных народов Севера – эвенков «Амикан» (медведь) Мальчакиным Юрием Юрьевичем и Кириловым Владимиром Федоровичем. Рисунки показывают предметы вьючно-верховой езды и ухода за оленями. Автору удалось зафиксировать и отразить в статье материал оленеводческой лексики каларских эвенков: ЛСГ половозрастные названия оленей; ЛСГ общих названий оленей без учета пола и возраста; ЛСГ олени во вьючно-верховом и нартовом транспорте; ЛСГ самки; ЛСГ масти оленя; ЛСГ названия оленей по повадкам; ЛСГ вьючно-верховая и нартовая упряжь оленя; ЛСГ внутренности и части туши оленя; ЛСГ уход за оленями; ЛСГ названия оленей по форме рогов.

Ключевые слова: эвенки, эвенкийский язык, Забайкальский край, Каларский район, олень, оленеводство, оленеводческая лексика, лексико-семантические группы слов (ЛСГ), тематическая группа слов (ТГ), названия оленей.

УШНИЦКАЯ Наталья Юрьевна – к. филол.н., научный сотрудник отдела северной филологии, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

E-mail: maltak84@mail.ru

USHNITSKAYA Natalia Yurievna – Candidate of Philological Sciences, Research Fellow, Department of Northern Philology of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

N. Yu. Ushnitskaya

Reindeer herding vocabulary of the Kalar Evenks (based on the materials of the field research in Kalarsky District, Zabaykalsky Krai)

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia*

Abstract. The article is devoted to the reindeer herding vocabulary of the Kalar Evenks, whose economic activity is connected with reindeer husbandry, hunting and fishing. Basing on the linguistic material collected during the field research from 24 April to 19 June 2021 in Kalarsky District, Zabaikalsky Krai, the author analyzes the vocabulary of the Evenk language associated with reindeer husbandry. The description of the vocabulary is given by lexico-semantic groups of words (LSG) within the thematic group of words (TG). Today, the reindeer herding vocabulary of the Kalar Evenks has not been sufficiently studied. Meanwhile, the Evenk language is being lost. Currently, reindeer herders have preserved the original layer of the vocabulary of the Evenk language. This makes it possible to document and systematize reindeer herding vocabulary. This is the relevance and practical significance of the presented work. The purpose of the article is to study the reindeer herding vocabulary of the Evenk language on the material of the Kalar dialect. The work used the transcription of audio recordings collected during the field research from informants, as well as the lexicographic analysis of reindeer herding vocabulary in the Evenk-Russian dictionary by A. N. Myreeva [1], a review of the vocabulary in the A. N. Myreeva's monographs "The vocabulary of the Evenk language: Flora and fauna" [2] and "The vocabulary of the Evenk language: traditional economy" [3]. There are currently no monographs devoted to the reindeer herding vocabulary of the Evenk language. The author analyzed and signed photos and drawings. The drawings were created by Yuri Yurievich Malchakitov and Vladimir Fedorovich Kirilov, reindeer herders of the Evenki "Amikan" ('bear') community. The drawings show the subjects of pack-riding and reindeer maintenance. The author managed to record and reflect in the article the material of the reindeer herding vocabulary of the Kalar Evenks: LSG of gender and age names of reindeer; LSG of common names of reindeer without taking into account gender and age; LSG of reindeer in pack-riding and sled transport; LGS of does; LSG of reindeer colors; LSG of names of reindeer by habits; LSG of pack-riding and sled harness of reindeer; LSG of insides and parts of the reindeer carcass; LSG of reindeer maintenance; LSG of names of reindeer by the shape of the horns.

Keywords: Evenki, Evenk language, Zabaikalsky Krai, Kalarsky District, reindeer, reindeer husbandry, reindeer herding vocabulary, lexico-semantic groups of words (LSG), thematic group of words (TG), names of reindeer.

Введение

Разведение и использование в хозяйстве северного оленя характерно для многих северных этносов, ведущих кочевой образ жизни в сочетании с охотой: ненцев, чукчей, эвенков, эвенов, ороков, солонов, проживающих в районах Крайнего Севера и Дальнего Востока, а также в Республике Саха (Якутия), Республике Бурятия, в автономной области Внутренняя Монголия и в Северном Китае. Оленеводство и сегодня остается одним из основных видов традиционной деятельности этих народов. Именно оленеводы стали главными хранителями уникальной северной культуры и языка.

Имеется обширная литература об оленеводческой лексике. Исследования проводятся на материале юкагирского, хантыйского, чукотского, долганского, эвенского, эвенкийского и др. С.Н. Курилова «Наименования оленя в языке тундровых юкагиров», Кузьмина Р.П. «Оленеводческая лексика в эвенском языке (на примере ламунхинского говора эвенов), Н.Ю. Мальчикитова «Оленеводческая лексика эвенков России и Китая» и др. Диссертации и монографии, посвященные оленеводческой лексике в хантыйском, чукотском, саамском и др. языках: С.В. Онина «Оленеводческая лексика в хантыйском языке», И. В. Куликова «Оленеводческая лексика в современном чукотском языке», А. М. Эрштадт «Лексика традиционных хозяйственных занятий Кольских саамов (на материале кильдинского диалекта саамского языка)» и др. Исследования, посвященные обучению оленеводческой лексике эвенкийского, долганско-

го, эвенского и др. языков в школах, ВУЗах: С. Б. Леханов «Обучение оленеводческой лексики эвенкийского языка в начальной школе на основе игровых методов», А. А. Петров «Оленеводческая лексика эвенов и долган в практике вузовского преподавания языков народов». Имеются учебные пособия А.А. Петрова: «Оленеводческая лексика долганского языка: этнолингвистический словарь», «Оленеводческая лексика эвенского языка: этнолингвистический словарь».

Объектом исследования послужили полевые материалы, собранные автором от пастухов-олeneводо вое время экспедиций в Каларский район Забайкальского края в 2019-2021 гг. в качестве дополнительного материала были рассмотрены работы А.Н. Мыреевой «Лексика эвенкийского языка: Растительный и животный мир», «Лексика эвенкийского языка: традиционное хозяйство».

Словарный состав лексики каларского говора эвенкийского языка, связанный с оленеводством

Письменные исторические источники начинают упоминать о содержании оленей эвенками Забайкалья – Верхнего Приамурья к VI – VII вв. Об этом отмечает Г.М. Василевич, «как письменные и исторические источники, так и героические сказания отмечают транспортное оленеводство в Забайкалье – Верхнем Приамурье с VI – VII вв.» [1, 1969, с. 80]. Г.М. Василевич оленеводство всех групп эвенков делила на два типа: эвенкийский и ороchonский. Эвенкийский тип оленеводства распространён среди потомков ангарских, подкаменнотунгусских, верхоленских и нижнетунгусских, частично илимпийских, верхнеангарских, северобайкальских, урмийско-амгуно-чумиканских и амгуно-алданских, среди тех эвенков, которые ходили пешком на охоту или с вьючным оленем. Ороchonский тип распространялся среди эвенков, кочевавших по бассейнам Витима, Олекмы (верхняя половина), Алдана (верхняя часть), Зеи и других верхних притоков Амура и по отрогам Хингана, среди тех эвенков, которые охотятся на олене [1, 1969, с. 75-77]. Рассматривая типы оленеводства у тунгусоязычных народов Г.М. Василевич отметила «распространение оленеводства в указанных направлениях связано с распространением спирантно-сибилянских диалектов и самоназвания оленных охотников – орочен» [2, 1964, с. 7]. Исследованием лексики эвенкийского языка вплотную занималась А.Н. Мыреева. Ею исследован огромный пласт эвенкийской лексики. Так, в монографии «Лексика эвенкийского языка: Растительный и животный мир» подробно рассматриваются флора и фауна Сибири и Дальнего Востока, также отдельно исследованы наименования оленя (половозрастные, сезонные, по форме рогов, по масти и т.д.). Следующий не менее ее значительный труд «Лексика эвенкийского языка: традиционное хозяйство», где представлена лексика, отражающая кочевой образ жизни эвенков.

Каларский говор Г.М. Василевич относит к восточной сибирянтно-спирантной (секающе-хакающей) диалектной группе [3, 1948, с. 11]. О каларском, тимптонско-гилюйском и учурско-зейском говорах Г.М. Василевич отмечает «фонетически и лексически незначительно отличаются от непского диалекта, который до сих пор сохраняется на территории нижней части системы Витима. Возможно, непский диалект и был одной из баз образования каларских (витимских) говоров. Эти говоры могут быть объединены в одну группу витимо-олекминских говоров [3, 1948, с. 11].

На севере Забайкальского края эвенки проживают в трёх районах: Тунгокоченском, Каларском, Тунгиро-Олёкминском». По данным переписи 2010 года в Забайкальском крае проживает 1492 эвенка. В Каларском районе живут эвенки разных родов: *метакар* (*Габышевы*), *кэнгэя* (*Кузьмины*), *лаксыкагир* (*Максимовы*), *якоткар* (*Мальчакиевы*), *ламокоткор* (*Кирилловы*) и др. Эвенки, проживающие в Каларском районе (центр – с. Чара), расселены в населенных пунктах – пос. Чапо-Олого, с. Средний Калар, с. Кюсть-Кемда. Основными видами традиционной хозяйственной деятельности являются оленеводство, охота и рыболовство. «Занятие оленеводством – один из основных видов деятельности эвенков – остается таковым до сих пор, что дает им возможность сохранить и передать молодому поколению язык и культуру.

С давних пор олень для эвенка – пища, транспорт, одежда, дом. Но это не единственная его роль в жизни таежногономада и охотника, олень – часть его языка и культуры. Издавна эвенки кочуют по сезонам: от летней стоянки до осенней, от осенней до зимней, от зимней до летней. И так проходит годовой цикл. Перекочевка зависит от корма оленей (ягель) и от охоты» [4, 2020. с. 233]. Олень служит для эвенка не только транспортным средством, источником жилья и пищи, но представляет собой и огромный духовный мир. Что нашло свое яркое отражение в эвенкийских заповедях, пословицах и поговорках: *Оронмо эңнэкэл тэпурэ, орон омин олодөңон, тарит һиңкэн аксавки. Гиңкэн аксаракин, ороно ачин одяңас* – ‘Не бей оленя, а то душа оленя обидится. Если душа оленя обидится, ты останешься без оленей’; *Нями балдыллакин кэтэ бэеду экэл ичэпканэ* – ‘Когда важенка телится, ее нельзя показывать многим людям, грех’; *Сэвэктү эдэңэ угучадяра – буглэдеңэс. Муйэллэван эвкэ нодара, кутуя ачин одяңас.* – ‘На табуированном олене нельзя ездить: заболеешь. Его подшейный волос нельзя выбрасывать: не будет счастья’; *Орон тар ин, нуңан окин-да эвэнкиду бэлэдеңэн.* – ‘Олень – это жизнь, он хоть, когда поможет эвенку’; *Ачин орон одяңан – эвэнкил манавулдяңатын.* – ‘Оленя не станет – эвенки закончатся’; *Оронмо сэвэквэ окал. Эһикис ора, бэе буссэвки.* – ‘Имей священного оленя в стаде. Если не будешь иметь, люди станут умирать’ и др. Так, эвенки выражают глубокое уважение к оленю и всячески его берегут и охраняют.

Так, оленеводство среди эвенков Каларского района Забайкальского края на сегодняшний день остается одним из основных традиционных занятий. В районе имеются общины, занимающиеся оленеводством: Семейно-родовая эвенкийская община КМНС «Сюльбан», Община Коренных малочисленных народов Севера-эвенков «Орон» (домашний олень), Община малочисленных народов Севера «Геван», Родовая община коренных малочисленных народов Севера – эвенков «Амикан» (медведь) и др.

В качестве информантов выступили Павлов Вячеслав Григорьевич (п. Икабья, 1958 г.р., говорит на эвенкийском, русском языках), председатель правления Общины Коренных малочисленных народов Севера-эвенков «Орон» (домашний олень), Мальчакиев Юрий Юрьевич (с. Кюсть-Кемда, 1960 г.р., говорит на эвенкийском, русском языках) и Мальчакиева мира Григорьевна (с. Кюсть-Кемда, 1958 г.р., говорит на эвенкийском, русском языках), члены общины РО КМНС – эвенков «Амикан» (медведь). Все информанты являются потомственными оленеводами, носителями эвенкийского языка и культуры. Каларские эвенки имеют в большинстве случаев небольшие стада. Кочевки производится с весны до глубокого снега в целях охоты и потребностью оленя в том или ином корме. В течение июля и августа перегоняют оленей в гольцы, в места, богатые ягелем и зеленой и оберегающие оленей от гнуса. До появления глубокого снега выючно-верховое передвижение, зимой на нартах. Олени находятся все время под присмотром, поэтому кочуют со всем поголовьем. В случае большого поголовья, имеются специальные гонщики. Если появились рядом волки, то откочевывают на большое расстояние. Конец апреля-начало мая – самый ответственный и нелегкий период для оленеводов рождения оленят. Охрана маточного поголовья от хищников в это время требует особого внимания. Олени уходят на далекие расстояния, поэтому оленеводы сооружают изгороди *куре*. Позже, когда оленята чуть подрастают, начинать есть ягель, траву, некоторые оленеводы доят маток. Сентябрь – время брачных игр у оленей. Также ответственный период для оленеводов. Важным является подготовка оленей к гону: кастрация части быков, перекочевка на удобное место, подпиливание острых концов рогов у быков-производителей.

Кочевой образ жизни эвенков ярко отразился в их языке. И подтверждением этого может служить оленеводческая лексика. «Оленные эвенки, обитавшие в горно-таежной зоне, ездили верхом на оленях перевозили свой скарб выюками. Такой вид передвижения отражен в языке очень широко и своеобразно» [5, 2005, с. 9]. Оленеводческая терминология занимает большое и значимое место в лексике эвенкийского языка.

Все слова оленеводческой лексики эвенкийского языка являются тематически близкими и объединены общей семантикой. Их можно разделить на следующие разделы, связанные с оле-

неводством (в пределах тех или иных ТГ и ЛСГ): половозрастные названия; общие названия домашних оленей без учета пола и возраста; олени во вьючно-верховом и нартовом транспорте; названия оленей по внешним признакам; названия оленей по повадкам; названия оленей по форме рогов; блюда из продуктов оленеводства; насекомые, сопутствующие оленям. Тематическая группа (ТГ) слов, связанных с оленеводством, в эвенкийском языке содержит много ЛСГ слов. Рассмотрим некоторые из них.

ЛСГ половозрастные названия оленей: *Сонуа* – ‘новорожденный олененок’. *Эүкэкэн* – ‘оленок до года’. *Нямукан* – ‘оленок-маточка’. *Суюкэн* – ‘оленок-бычок’. *Чачари* – ‘матка на 2-ом году жизни’. *Чоноку* – ‘бычок на 2-ом году жизни’. *Иктэнэ* – ‘бык на 3-ем году жизни’. *Нёгаркана* – ‘бык на 4-ом году жизни’.

Суру – ‘бык-производитель’. *Кэтэр* – ‘старый бык-производитель’. *Нями* – ‘важенка’. *Гилгэ* – ‘рабочий бык’.

А.Н. Мыреева рассматривала многие говоры эвенкийского языка. В ее монографии «Лексика эвенкийского языка: Растительный и животный мир» обнаруживаем, что половозрастные наименования оленей схожи во многих говорах эвенкийского языка. Так, в каларском говоре половозрастные названия оленя особо не различаются с наименованиями в других говорах.

ЛСГ общих названий оленей без учета пола и возраста: *Орон* – ‘домашний олень’. *Бэюнчикан* – ‘олень, помесь домашнего и дикого’. *Эка* – ‘олень, не приученный к вьюку’. *Эмник* – ‘дикий необученный олень’. *Нёрамжу* – ‘олень-вожак в стаде’. *Нёрā* – ‘недохолощенный олень-самец’. *Акта* – ‘холощенный олень’. *Оугүн* – ‘священный олень’. *Орōты* – ‘поздний теленок’. *Идэһэ* – ‘олень, предназначенный для забоя’.

ЛСГ олени во вьючно-верховом и нартовом транспорте: *Угучак* – ‘верховой (служащий для езды верхом)’. *Наманки* – ‘вьючный олень’. *Ббракй* – ‘олень, который в связке рвется вперед’. *Турин* – ‘олень, который в связке тянется’. *Бурики* – ‘олень, у которого вьюк спадает вниз’. *Нёкото* – ‘олень, у которого вьюк спадает вперед к шее’. *Пескарук* – ‘олень, который возит печку’. *Хулларук* – ‘олень, который возит одеяла’. *Дагантук* – ‘олень, привязанный к верховому’. *Дэлэмин* – ‘олень, свободно бегущий за караваном во время перекочевки’. *Баретчит* – ‘олень-передовик на нартах’. *Модурэн* – ‘олень, застревающий поводком за деревья во время перекочевки’.

ЛСГ самки оленя: *Сурки* – ‘беременная стельная важенка’. *Дулак* – ‘небеременная (о самке оленя)’. *Бэүгэй* – ‘бесплодная важенка’. *Умири* – ‘не отелившаяся важенка’. *Сириуки* – ‘дойная матка’. *Эутэ* – ‘хоркание важенки и телят’.

ЛСГ масти оленя: *Сиүама* – ‘коричневый’. *Коңномо* – ‘черный цвет и масть оленя’. *Талларин* – ‘чересчур черный’. *Мэримэ* – ‘пестрый’. *Багдама* – ‘белый’. *Яро* – ‘олень-альбинос’. *Гаксэ* – ‘по бокам седой’. *Бугды* – ‘нос и ноги белые’. *Бороу* – ‘бело-серый’. *Алак* – ‘пегий’.

ЛСГ названия оленей по повадкам: *малтүгин* – ‘олень, который имеет привычку бить передними копытами’. *Удюман* – ‘олень, который имеет привычку часто приходиться на стоянку солонцевать’. *Кульчэн* – ‘олень, который плохо ловится’. *Бәтур* – ‘свирепый (о человеке, олене)’. *Дулумну* – ‘смирный спокойный олень’.

ЛСГ вьючно-верховая и нартовая упряжь оленя: *Ины* – ‘вьюк’. *Тэнынэ* – ‘подстилка поверх седла’. *Ламба* – ‘двуполая вьючная сумка для перевозки груза’. *Чомпули* – ‘вьючная сумка для перевозки одеяла, вещей’. *Доптун* – ‘подстилка на спину оленя по седло’. *Иммэк* – ‘вьючная сумка с берестяной основой’. *Тыңэптун* – ‘подпруга’. *Тэри* – 1. ‘пара, парный предмет’; 2. ‘пара вьюку’. *Уһи* – ‘узда’ (см. рис. 1).

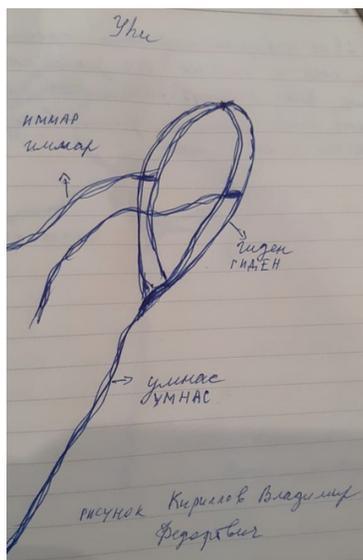

Рис. 1. Ули – узда

Оюотун – ‘узда для верхового оленя’ (см. рис. 2).

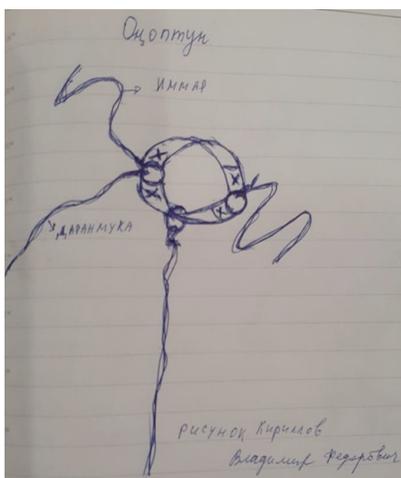

Рис. 2. Оюотун – узда для верхового оленя

Даранмука – ‘веревка, которую привязывают слева к узде верхового оленя для управления’ (см. рис.2). Гилбэвун – ‘веревочка-петля на седле для привязывания следующего оленя’ (см. рис. 3).

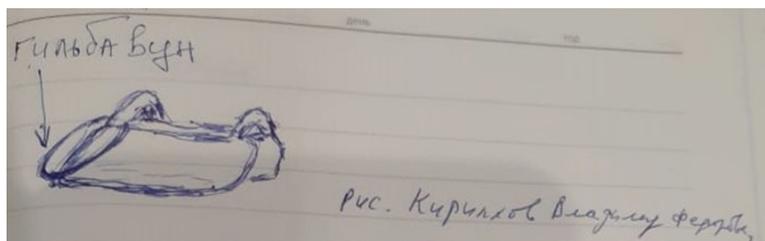

Рис. 3. Эмэгэн – вьючное седло

Угучарук – ‘верховое седло’. Эмэгэн – ‘вьючное седло’ (рис. 3).

Доровуння – ‘грузовая нарта’. *Боһу* – ‘вожжи’. *Эту* – ‘веревка для связывания груза на нарте’. *Даһи* – ‘брезент на нарты, в который заворачивают груз’. *Тõмтэ* – ‘узел’. *Тывевун* – ‘шест, при помощи которого садятся верхом на оленя’. *Иммэр* – ‘затылочные завязки недоуздки оленя’ (см. рис. 1, 2). *Гидён* – ‘верхняя часть узды (вокруг головы)’ (см. рис. 1, 2). *Умнас* – ‘поводок оленьей узды’ (см. рис. 1, 2). *Кёмака* – ‘кольцо на недоуздке оленя’. *Тайтын* – ‘завязка вьючной сумки для навьючивания’.

ЛСГ внутренности и части туши оленя: *Мõманай* – ‘прямая кишка’. *Коремук* – ‘слепая кишка’. *Каинки* – ‘сетка (кишка)’. *Билэк* – ‘верхняя часть желудка’. *Лэптур* – ‘книжка (кишка)’. *Мета* – ‘шкура с головы оленя’. *Сэмэһик* – ‘сальник’. *Һакин* – ‘печень’. *Нэвэн* – ‘сердце’. *Боһокто* – ‘почки’. *Укуню* – ‘вымя’. *Дэлкин* – ‘селезенка’. *Эптылэ* – ‘ребра’. *Тараһа* – ‘брюшина’. *Инүи* – ‘язык’. *Пэнтү* – ‘рога оленя (весенне-летнее название)’. *Коһура* – ‘нос от головы оленя’. *Ого* – ‘стегно’. *Иһаки* – ‘лопатка’. *Чймэчин* – ‘жир под коленной чашечкой на стегне (лакомство)’. *Дэвэки* – ‘задняя тазовая часть’. *Кокчар* – ‘копыта’.

ЛСГ уход за оленями: *Куре* – ‘изгородь для оленей’ (см. рис. 4). *Голопко* – ‘жердь-бревно для привязывания оленят’.

Рис. 4. Оленята привязаны к *голопко* – жердь-бревно для привязывания оленят (см. рис. 4).

Чэһгэй – ‘палка, которую привязывают на шею оленю, чтобы он не уходил далеко’ (см. рис. 5).

Рис. 5. *Чэһгэй* – палка, которую привязывают на шею оленю

Самнин – ‘дымокур’. *Самниксан* – ‘место дымокура’. *Турукэрүк* – ‘мешочек с солью для приманивания оленей’ (см. рис. 6).

Рис. 6. *Турукэрүк* – мешочек с солью для приманивания оленей

Кэүгйлэн – ‘ботало’. *Чөрән* – ‘колокольчик’. *Йлбй* – ‘язычок на колокольчике или ботале’. *Капкаптүн* – ‘временный ошейник для оленя’. *Моюлон* – ‘ошейник для постоянной носки у оленя’. *Калтус* – ‘праздничный ошейник для оленя’. *Маут* – ‘аркан’.

ЛСГ названия оленей по форме рогов: *Чоңкирин* – ‘олень с узкими рогами’. *Данмама* – ‘олень с широкими рогами’. *Мелама* – ‘олень с короткими, широкими ветвистыми рогами’. *Пуллума* – ‘олень, у которого передние рога не подпилены, а задние подпиленные’. *Калтарак* – ‘однорогий олень’. *Сулюму* – ‘олень с острыми рогами и малым количеством отростков’. *Данама* – ‘олень с лопатообразными короткими рогами’.

ЛСГ блюда из продуктов оленеводства. *Уллэ* – ‘мясо’. *Уман* – ‘костный мозг’. *Буюрун* – ‘кровяная колбаса’. *Мамты* – ‘ягода с молоком’. *Укумни* – ‘молоко’. *Мэкэлдэ* – ‘блюда из слепой кишки и оленьего молока’. *Силэ* – ‘суп из муки и оленьего мяса’. *Сурукта* – ‘кишки’.

В эвенкийско-русском словаре и в вышеуказанных монографиях А.Н. Мыреевой среди оленеводческих терминов мы нашли слова, соответствующие каларскому говору. Некоторая часть слов нами не найдена: *доровуння* – ‘грузовая нарта’, *боһу* – ‘вожжи’, *мэкэлдэ* – ‘блюда из слепой кишки и оленьего молока’ и др. Это подчеркивает важность исследования, фиксации и анализа оленеводческой лексики.

Среди каларских оленеводов сохранилась традиция давать оленям эвенкийские клички, чаще по внешним признакам: *Мукчал* (от *мукчэмэ* – ‘круглый, шарообразный’), *Килар* (‘с бельмом на глазу’), *Аңадякан* (‘сирота’), *Сиңай* (от *сиңама* – ‘коричневый’), *Бороңчон* (от *бороң* – ‘бело-серый’), *Ландуһе* (от *ландурин* – ‘с отвислыми ушами’), *Атаки* – ‘паук’ и др. Часто добавляют при наименовании к эвенкийским корням русские суффиксы и окончания: *Мурдуской* (от *мурдумэ* – ‘сутуловатый’), *Багдайка* (от *багдама* – ‘белый’), *Бугдышка* (от *бугды* – ‘с белой мордой и ногами’) и др.

В статье Н.Ю. Мальчакиной сообщается, в Китае проживает единственная группа эвенков, основным видом деятельности которой являлось и является оленеводство – это тунгусы-

яко. И на сегодняшний день они сохранили этот традиционный тип деятельности. Поэтому в их языке можно особо отметить богатую оленеводческую лексику. Наименования оленей по возрасту, по временам года, по масти. Рассмотрим некоторые из этих наименований:

Орон тоже гэрбичи бипки. Умун анңаңиничи – эңнэкэн, дюр анңаңиничи – чанаку, илан анңаңиничи – эпки. Тадук гильгэ гунивкил, актакара-кал гунивкил, сирувэ, багдарин бирэкин – чэлкэ, эриңин багдарин бирэкин – бугды, онёчи бирэкин – алак, бороң гунивкил эргэчивэ, коңнорин бирэкин – каракчин гунивкил, сиңарин бирэкин – сиңарикан – ‘Олень также имеет названия. Олененок на первом году жизни – *эңнэкэн*, бычок на втором году жизни *чанаку*, бычок на третьем году жизни – *эпки*. Холощенного быка-производителя *гильгэ* называют. Белого *чэлкэ* называют, нос и ноги белые – *бугды*, с белыми пятнами – *алак*, бело-серый – *бороу*, черный – *каракчин*, коричневый – *сиңарикан*’ (Бабушка Анта, Алагуя, северо-восточный Китай. Принадлежит к группе эвенков, которых в Китае называют тунгусы-яко, знает китайский, эвенкийский языки).

В данном тексте перечислены наименования домашнего оленя по масти: *чэлкэ* (‘белый’), *алак* (‘пегий’), *бороң* (‘пестрый’), *каракчин* (‘черный’), *сиңарикан* (‘серый’); по возрасту: *эңнэкэн* (‘1 год’), *чоноку* (‘2 года’), *эпки* (‘3 года’); также ‘бык-производитель’ – *сиру*, ‘кастрированный’ – *актаки*, ‘рабочий бык’ – *гильгэ*.

Данная номинация оленя соответствует той, которая принадлежит эвенкам оленеводам, проживающим в России. Так, известно, что эвенки, которые проживают в каларском районе Забайкальского края являются ороचनाми, т.е. они занимаются оленеводством. Очень интересно, что оленеводческая лексика эвенков данного района схожа с лексикой эвенков с. Алагуя КНР. Рассмотрим некоторые примеры: олень в возрасте 1 года – *эңнэкэн*, 2-х лет- *чоноку*, 3-х лет- *иктэнэ*. Также имеются наименования по временам года: *сиру* (‘бык-производитель осенью во время брачных игр’), *иркин* (‘бык-производитель в августе’, т.е. тогда, когда он чешет рога (снимает кожу с рог, готовится к брачным играм)), по масти: *алак* (‘пегий’), *бороң* (‘пестрый’), *сиңарикан* (‘серый’) [6, с. 100].

Заключение

Таким образом, анализ оленеводческой лексики каларских эвенков позволил выявить 11 лексико-семантических групп (ЛСГ):

- половозрастные наименования названия оленя (11 ед.);
- общее название оленей без учета пола и возраста (10 ед.);
- олени во вьючно-верховой и нартовой упряжи (12 ед.);
- самки оленя (6 ед.);
- масти оленя (10 ед.);
- названия оленей по повадкам (5 ед.);
- вьючно-верховая и нартовая упряжь (26 ед.);
- внутренности и части туши оленя (21 ед.);
- уход за оленями (13 ед.);
- названия оленей по форме рогов (7 ед.);
- блюда из продуктов оленеводства (8 ед.).

В каларском говоре эвенкийского языка особых отличий в оленеводческой лексике не обнаруживается за исключением некоторых фонетических особенностей. Согласно эвенкийско-русскому словарю А.Н. Мыреевой в каларском говоре обнаруживаются якутизмы *тõмтэ* – мертвый узел (эвенк.) (*тõмтэ* – ‘мертвый узел’ (<як. туомтаа); *бõтур* – ‘свирепый’ (о собаке, человеке), герой (<як. доблестный, мужественный, сильный, воин); *чõрән* – колокольчик (эвенк.) *чõрән* – ‘колокольчик’ (<як. чуораан); *кõлтыс* – олений ошейник (эвенк.) русизмы (*кõлтыс* – ‘олений ошейник’ (<рус. галстук). Но все-таки имеются слова, которые характерны в употреблении только среди каларских эвенков. Поэтому оленеводческая лексика каларских эвенков требует дальнейшего исследования. Вызывает опасения то, что часть лексики позабыто. Но, возможно, имеются носители, которые смогут воспроизвести позабытые лексические единицы.

Литература

1. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). – Л.: Наука, 1969. – 304 с.
2. Василевич Г.М. Типы оленеводства у тунгусоязычных народов (в связи с проблемой расселения по Сибири) / VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Москва, август 1964 г. – М.: Наука, 1964. – 12 с. <http://www.evenkitekа.ru/stellages/ethnography/typy-olenevodstva-u-tungusoyazychnykh-narodov/>
3. Василевич Г.М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. – Л.: Госучпедгиз, 1948. – 352 с. <http://www.evenkitekа.ru/stellages/linguistics/ocherki-dialektov-evenkiyskogo-tungusskogo-yazyka/>
4. Ушницкая Н.Ю. Концепт «Нулги» как отражение кочевого образа жизни в языковой картине мира эвенков // Обучение иностранному языку студентов высших и средних образовательных учреждений на современном этапе. Проблемы сохранения языка и культуры эвенков России и орочонов Китая. Материалы VIII Всероссийской национальной научно-методической видеоконференции (с международным участием) и материалы круглого стола. 2020. С. 231-237. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42930306>
5. Мыреева А.Н. Лексика эвенкийского языка: традиционное хозяйство. – Новосибирск.: Наука, 2005. – 111 с.
6. Мальчакитова Н.Ю. Оленеводческая лексика эвенков России и Китая // Новая наука: Стратегии и векторы развития. – 2015. – №6-3. – С. 98-101. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25083093>
7. Куликова И. В. Оленеводческая лексика в современном чукотском языке: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.02. – Ленинград, 1984. – 180 с. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16135958>
8. Курилова С.Н. Наименования оленя в языке тундровых юкагиров // Народы и культуры Северной Азии в контексте научного наследия Г.М. Василевич. Сборник научных статей / Отв. редактор Л.И. Миссонова. – Якутск, 2020. – С. 82-89. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46181725>
9. Кузьмина. Р.П. Оленеводческая лексика в эвенском языке (на примере ламунхинского говора эвенков) // European social science journal. – 2014. – № 10-2 (49). – С. 238-245. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25468164>
10. Леханов С.Б. Обучение оленеводческой лексики эвенкийского языка в начальной школе на основе игровых методов // Педагогика и просвещение. – 2019. – № 2. – С. 11-17. <https://elibrary.ru/item.asp?id=38940457>
11. Мыреева А. Н. Лексика эвенкийского языка: Растительный и животный мир. – Новосибирск: Наука, 2001. – 101 с.
12. Мыреева А.Н. Эвенкийско-русский словарь = Эвэды-лучады турэрук. – Новосибирск: Наука, 2004. – 798 с.
13. Онина С.В. Оленеводческая лексика в хантыйском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Марийский государственный университет. – Йошкар-Ола, 2002. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19174415>
14. Петров А. А. Лексика духовной культуры эвенков: (Нар. искусство и обряды): Учеб. пособие / А. А. Петров; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – Ленинград: РГПУ, 1991. – 79 с. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21678017>
15. Петров А. А. Лексика тунгусских языков. Духовная культура Монография / Александр Александрович Петров. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. – 199 с. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20056740>
16. Петров А.А. Оленеводческая лексика эвенков и долган в практике вузовского преподавания // Вестник Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Филология. – 2018. – №3 (11). – С. 25-34. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35645779>
17. Петров А.А. Оленеводческая лексика долганского языка: этнолингвистический словарь. Учебное пособие / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Институт народов Севера, Северо-восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ. – Санкт-Петербург, 2015. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28780908>
18. Петров А.А. Оленеводческая лексика эвенского языка: этнолингвистический словарь. Учебное пособие / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Институт народов Севера. – Санкт-Петербург, 2017. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30306127>
19. Поворознюк О.А. Эвенки севера Читинской области: социальные, экономические и культурные трансформации на рубеже XX-XXI веков: дисс. ... канд. ист. н. – М., 2005. – 318 с. <http://www.evenkitekа.ru/stellages/ethnography/evenki-severa-chitinskoy-oblasti-sotsialnye-ekonomicheskie-i-kulturnye-transformatsii-na-rubezhe-xx-xxi-vekov/>
20. Ушницкая Н.Ю. Базовые лингвокультурные концепты в языковой картне мира эвенков и русских. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2020. – 128 с.

21. Эрштадт А.М. Лексика традиционных хозяйственных занятий кольских саамов (на материале кильдинского диалекта саамского языка). Автореферат дис. Кандидата филологических наук / Ин-т языкознания РАН. Москва, 2015. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30415865>

References

1. Vasilevich G.M. Jevenki. Istoriko-jetnograficheskie ocherki (XVIII – nachalo XX v.). – L.: Nauka, 1969. – 304 s.
2. Vasilevich G.M. Tipy olenevodstva u tungusojazychnyh narodov (v svjazi s problemoj rasselenija po Sibiri) / VII Mezhdunarodnyj kongress antropologicheskikh i jetnograficheskikh nauk, Moskva, avgust 1964 g. – M.: Nauka, 1964. – 12 s. <http://www.evenkitek.ru/stellages/ethnography/typy-olenevodstva-u-tungusoyazychnykh-narodov/>
3. Vasilevich G.M. Oчерки dialektov jevenkijskogo (tungusskogo) jazyka. – L.: Gosuchpedgiz, 1948. – 352 s. <http://www.evenkitek.ru/stellages/linguistics/oчерки-dialektov-evenkijskogo-tungusskogo-jazyka/>
4. Ushnickaja N.Ju. Koncept «Nulgi» kak otrazhenie kochevogo obraza zhizni v jazykovoj kartine mira jevenkov // Obuchenie inostrannomu jazyku studentov vysshih i srednih obrazovatel'nyh uchrezhdenij na sovremennom jetape. Problemy sohraneniya jazyka i kul'tury jevenkov Rossii i orochonov Kitaja. Materialy VIII Vserossijskoj nacional'noj nauchno-metodicheskoj videokonferencii (s mezhdunarodnym uchastiem) i materialy kruglogo stola. 2020. S. 231-237. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42930306>
5. Myreeva A.N. Leksika jevenkijskogo jazyka: tradicijnoe hozjajstvo. – Novosibirsk.: Nauka, 2005. – 111 s.
6. Mal'chakitova N.Ju. Olenevodcheskaja leksika jevenkov Rossii i Kitaja // Novaja nauka: Strategii i vektory razvitija. – 2015. – №6-3. – S. 98-101. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25083093>
7. Kulikova I. V. Olenevodcheskaja leksika v sovremennom chukotskom jazyke: dissertacija ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.02. – Leningrad, 1984. – 180 s. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16135958>
8. Kurilova S.N. Naimenovanija olenja v jazyke tundrovyh jukagirov // Narody i kul'tury Severnoj Azii v kontekste nauchnogo nasledija G.M. Vasilevich. Sbornik nauchnyh statej / Otv. redaktor L.I. Missonova. – Jakutsk, 2020. – S. 82-89. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46181725>
9. Kuz'mina. R.P. Olenevodcheskaja leksika v jevenskom jazyke (na primere lamunhinskogo govora jevenov) // European social science journal. – 2014. – № 10-2 (49). – S. 238-245. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25468164>
10. Lehanov S.B. Obuchenie olenevodcheskoj leksiki jevenkijskogo jazyka v nachal'noj shkole na osnove igrovyh metodov // Pedagogika i prosveshhenie. – 2019. – № 2. – S. 11-17. <https://elibrary.ru/item.asp?id=38940457>
11. Myreeva A. N. Leksika jevenkijskogo jazyka: Rastitel'nyj i zhivotnyj mir. – Novosibirsk: Nauka, 2001. – 101 s.
12. Myreeva A.N. Jevenkijsko-russkij slovar' = Jevjedy-luchady turjeruk. – Novosibirsk: Nauka, 2004. – 798 s.
13. Onina S.V. Olenevodcheskaja leksika v hantyjskom jazyke. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Marijskij gosudarstvennyj universitet. – Joshkar-Ola, 2002. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19174415>
14. Petrov A. A. Leksika duhovnoj kul'tury jevenov: (Nar. iskusstvo i obrjady): Ucheb. posobie / A. A. Petrov; Ros. gos. ped. un-t im. A. I. Gercena. – Leningrad: RGPU, 1991. – 79 s. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21678017>
15. Petrov A. A. Leksika tungusskikh jazykov. Duhovnaja kul'tura Monografija / Aleksandr Aleksandrovich Petrov. – SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 2011. – 199 s. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20056740>
16. Petrov A.A. Olenevodcheskaja leksika jevenov i dolgan v praktike vuzovskogo prepodavaniya // Vestnik Severo-vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. Serija: Pedagogika. Psihologija. Filologija. – 2018. – №3 (11). – S. 25-34. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35645779>
17. Petrov A.A. Olenevodcheskaja leksika dolganskogo jazyka: jetnolingvisticheskij slovar'. Uchebnoe posobie / Rossijskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. A.I. Gercena, Institut narodov Severa, Severo-vostochnyj federal'nyj universitet im. M.K. Ammosova, Institut jazykov i kul'tury narodov Severo-Vostoka RF. – Sankt-Peterburg, 2015. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28780908>
18. Petrov A.A. Olenevodcheskaja leksika jevenskogo jazyka: jetnolingvisticheskij slovar'. Uchebnoe posobie / Rossijskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. A.I. Gercena, Institut narodov Severa. – Sankt-Peterburg, 2017. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30306127>
19. Povoroznjuk O.A. Jevenki severa Chitinskoj oblasti: social'nye, jekonomicheskie i kul'turnye transformacii na rubezhe XX-XXI vekov: diss. ... kand. ist. n. – M., 2005. – 318 s. <http://www.evenkitek.ru/stellages/ethnography/evenki-severa-chitinskoy-oblasti-sotsialnye-ekonomicheskie-i-kulturnye-transformatsii-na-rubezhe-xx-xxi-vekov/>

20. Ushnickaja N.Ju. Bazovye lingvokul'turnye koncepty v jazykovej kartne mira jevenkov i russkih. – Ulan-Udje: Izdatel'stvo Burjatskogo gosuniversiteta, 2020. – 128 s.

21. Jershtadt A.M. Leksika tradicionnyh hozjajstvennyh zanjatij kol'skih saamov (na materiale kil'dinskogo dialekta saamskogo jazyka). Avtoreferat dis. Kandidata filologicheskich nauk / In-t jazykoznanija RAN. Moskva, 2015. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30415865>

– ЮБИЛЕИ, ДАТЫ, СОБЫТИЯ –

В. Б. Огорокова, М. П. Попова

**Н. Н. Тобуроков – академик
Международной Тюркской Академии****N. N. Toburokov – Academician
of the International Turkic Academy**

Тобуроков Н.Н. (1932-2021) – крупный ученый, известный далеко за пределами РС (Я), академик Международной Тюркской Академии. Отдал служению науке более 60 лет. В 1963 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Жизнь и творчество В.С. Яковлева-Эрилик Эристина», в 1987 г. – докторскую диссертацию «Становление и развитие стихосложения в советской поэзии тюркоязычных народов Сибири». Автор более 300 научных статей и 35 монографий, учебных пособий. С 1960 г. работал в Институте языков, литературы и истории ЯФ СА АН СССР, с 1994 г. был профессором Северо-Восточного университета им. М.К. Аммосова.

Как ученый-литературовед он работал по следующим направлениям:

1. Начал свою научную деятельность как исследователь творчества якутского писателя-олонхосута С.С. Яковлева-Эрилик Эристина, написавшего первый роман в якутской литературе и повторившего подвиг русского писателя Н. Островского – «Жизнь и творчество Эрилик Эристина» (1963). Научным новаторством молодого в то время ученого стало то, что впервые в якутском литературоведении столь скрупулезно была изучена жизнь писателя – исследователь сумел собрать о нем материалы с объемом около 200 листов и основал его архив в ИЯЛИ. Вместе с тем он впервые в якутском литературоведении работал по поэтике художественного произведения, проанализировав мастерство писателя в сюжете и композиции, деталях и языке его произведений. Жизненную силу и реализм произведений писателя он сумел доказать на сопоставлении сюжета произведений с фактами действительности, прототипами героев. Также он издал монографии по творчеству П.А. Ойунского, Чагылгана и др.

ОКОРОКОВА Варвара Борисовна - д. филол. н., профессор кафедры «Якутской литературы» Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: bokorsaisar@mail.ru

ОКОРОКОВА Varvara Borisovna – Doctor of Philological Sciences, Professor, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ПОПОВА Матрена Петровна – к.филол.н., доцент кафедры «Якутской литературы» Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: pmatrena75@mail.ru

ПОПОВА Matrena Petrovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

2. Н.Н. Тобуроков, как ученый-литературовед с широким диапазоном научных интересов, много усилий отдал освещению истории якутской литературы, которую из-за многочисленных научных дискуссий и споров многие десятилетия не удается воссоздать в полном объеме. Николай Николаевич еще в 70-х годах принял участие в издании академической работы «История советской многонациональной литературы» (ИМЛИ) и коллективной монографии «Якутская советская литература и искусство». Благодаря его энтузиазму была издана академическая история якутской литературы – «История якутской литературы. Середина XIX – начало XX века. 1 том» (1993). В своем фундаментальном труде Н.Н. Тобуроков воплотил новую концепцию об истории якутской литературы, углубившись в составляющие истоки ее зарождения и начав рассмотрение ее становления с середины XIX века. В составе составителей, своих учеников, Тобуроков Н.Н. принял участие в издании коллективной монографии «Литература Якутии. XX век» (2005) объемом в 50,0 п.л. Также профессор издал учебные пособия – «История якутской литературы: Вторая половина XIX в.» (2001), «Изучение жизни и творчества Ексеюляха Алексея в высшем учебном заведении» (2001), в соавторстве с Семеновой В.Г. учебное пособие «История якутской литературы дореволюционного периода» (2018), в которых рассмотрел новые подходы к изучению истории якутской литературы, творчества ее классиков и поднял современное якутское литературоведение на новый научный уровень. Таким образом, он внес огромный вклад в изучение истоков развития якутской литературы и творчества писателей-классиков. Все эти труды стали резонансными в научной среде, получив высшую оценку у специалистов.

3. Н.Н. Тобуроков внес вклад в изучение истории жанров в якутской прозе и поэзии. По творчеству первого якутского романиста Эрилик Эристина он написал 4 монографии, в том числе «Писатель корчагинской закалки» (1974), написал по жизни и деятельности писателя много статей, стал составителем его книг. По типологии жанров поэзии написал статьи, вошедшие в его сборники – «Современная поэзия Сибири» (1986), «Сибирью рожденные» (1992), «Проблемы сравнительного стиховедения» (1991). Тем самым он начал сравнительно-типологическое исследование литератур народов Сибири и заложил основы для научно-творческого сотрудничества ученых-тюркологов.

4. Ученый внес свой вклад в исследование литературы народов Крайнего Севера, выпустил монографии «Андрей Кривошапкин» (1995) и в соавторстве с Огороковой В.Б. «Жизнь и творчество эвенского писателя А. Кривошапкина» (2020). Его статьи включались в сборники российских изданий, например, «Эвенская литература» (под ред. В. Огрызко, Москва, 2005). Н.Н. Тобуроков выступил инициатором изучения литератур народов Севера, и под его редактированием вышли коллективные труды научных сотрудников института «Развитие реализма в литературах Якутии» (1989), «Литература народов Севера Якутии» (1990). Тем самым он оказал существенную помощь развитию литературоведения и литератур Крайнего Севера. Ученый получил признание как исследователь литератур народов Севера, и его имя было включено в энциклопедическое издание «Североведы России» (2007).

5. Как литературный критик, отзывался на актуальные литературные явления современности, выступая со статьями и докладами. Выпустил сборники статей – «Күн хайатын күөнүгэр» («На склоне солнечной горы», 1971), «Дьону дьоллоох онороору» (Чтоб сделать счастливыми людей», 1975), «Вечный поиск волшебства» (1981), «Сибирью рожденные» (1992), «Талыллы-быт үлэлэр» («Избранное», 2010) и др. Статьи талантливого критика помогали якутским писателям развиваться и реализоваться, вместе с тем становились настольной книгой учителей, учащихся. Он – член Союза писателей РС (Я).

6. Н.Н. Тобуроков внес огромный вклад в новое научное направление для якутского литературоведения – стиховедение. Н.Н. Тобуроков своим фундаментальным трудом заложил традиции, методологию исследования стиха не только в республике, но и в науку всей Сибири, о чем свидетельствуют его труды – «Якутский стих» (1985), «Проблемы сравнительного стиховедения» (1991), «Сибирью рожденные» (1992), «Хакасский стих» (1991) и др. Книга

«Современная поэзия Сибири» (1986) вышла в издательстве «Знание» с тиражом в 33 тыс. экз. Его труды переводились на тувинский, хакасский языки.

Новаторские положения в стиховедении Н.Н. Тобурокова, проводившего трудоемкую работу по исследованию системы тюркского стихосложения – якутского, алтайского, тувинского и хакасского стиха получили широкое признание в научном мире России. Делясь с результатами своего исследования, он ежегодно выступал на международных конференциях стиховедов и был признан как авторитетный стиховед Сибири. В 1993-95 годах стал стипендиатом Фонда гуманитарных наук для выдающихся ученых России.

Николай Николаевич сумел исследовать и систематизировать новаторство и традиции таких крупных якутских поэтов, как А.Е. Кулаковский, А.И. Софронов, П.А. Ойунский, Элляй, Кюннюк Урастыров, Баал Хабырыыс, И. Гоголев, С. Руфов, Чагылган и др., показав эволюционный путь развития якутского стиха в целом. Наравне с якутскими поэтами, ученый исследовал творчество известных поэтов Сибири – М. Баинова, Б. Укачина, С. Пюрбю, Д. Улзытуева, Н. Доможакова, П. Кучияка, У. Суркашевой, Э. Палкина, А. Эредеева, А. Сюрюн-оола, С. Сарыг-оола, Ю. Кинзегеша, В. Кобякова, М. Кильчечекова и др.

Н.Н. Тобуроков в начале восьмидесятых годов прошлого века заинтересовался методом экспериментально-фонетического изучения звучащей стихотворной речи и внедрил его в исследование стиха народов Сибири. Н.Н. Тобуроков на основе своего многолетнего опыта исследования разработал свою собственную методику проведения изучения стихообразующих компонентов речи.

Чтобы практиковаться в такой экспериментальной работе и достичь ожидаемых научных результатов в ней, Н.Н. Тобуроков получал постоянные консультации у ведущих фонетиков-языковедов Сибири В.М. Наделяева (Новосибирск), Н.Д. Дьячковского (Якутск). По ходу работы его постоянно консультировал ученик В.М. Наделяева, д.ф.н., профессор СВФУ им. М.К. Аммосова И.Е. Алексеев.

После комплексной работы над якутским стихом Н.Н. Тобуроков приступил к исследованию фонетических, просодических, ритмико-интонационных свойств тюркоязычной поэзии Сибири. Он записал чтение поэтических произведений в профессиональных студиях Якутска, Кызыла, Горно-Алтайска, Абакана. Ученым была достигнута единая методика для сравнения звучащей стихотворной речи на всех этих языках. Затем эти записи были продемонстрированы и прошли апробацию в лабораториях фонетических исследований МГУ им. М.В. Ломоносова и Ленинградского университета. В итоге нескольких лет такой масштабной и кропотливой работы Н.Н. Тобурокову удалось получить определенные результаты для сравнения систем стихосложения на тюркских языках Сибири – якутском, тувинском, алтайском, хакасском. Интерес к народам этого региона в научном мире вызывает то, что все они в силу разных исторических условий не прошли арабо-персидского влияния, как многие тюркские языки и литературы центральной Азии. Поэтому в них сложились особые истинно тюркские, не подверженные иноязычному влиянию, системы стихосложения. Отличительные черты в них продиктованы лишь фонетическими, лексическими, синтаксическими особенностями этих языков.

Новаторство и неопределимый вклад ученого, как стиховеда, состоит в том, что Н.Н. Тобуроков впервые в литературоведении народов Сибири исследовал проблемы звуковой организации и рифмы в качестве компонентов ритмической структуры, дал просодические характеристики строфы и разносторонний анализ строфических композиций в единстве их конструктивных и смысловыразительных функций, применил системный подход к интонации с учетом взаимосвязи и взаимодействия межстиховых и внутрителичных пауз. В целом, в комплексной характеристике тюркоязычного стиха в поэзии Сибири выявлены общие типологические свойства стиха в процессе исторического развития и ряд отличий, обусловленных особенностями национальных языков.

Н.Н. Тобуроков закончил разработку новой методики для сравнительного изучения поэтических произведений разных авторов.

По этой методике были написаны дипломные и диссертационные работы, проведены практические занятия на старших курсах института и в магистратуре.

В 2018 г. издана итоговая работа Тобурокова Н.Н. по стиховедению – «Труды по тюркскому стихосложению» объемом в 33,0 п.л., что само по себе свидетельствует о проделанной ученым огромной работе и мало кто может превзойти достигнутые им результаты по стиховедению. При этом он неустанно повторял, что является учеником таких крупных стиховедов страны, как Б. Томашевский, В.Жирмунский, Б. Гончаров, А. Жовтис и др.

7. В последнее время ученый решился на исследование стиха олонхо, что само по себе стало новаторской работой. Он со своими учениками завершил работу над анализом своеобразия стиха, речитатива якутского героического эпоса – олонхо, проанализировав своеобразие стиха речитатива олонхо А. Уваровского, Чээбийэ, Д.М. Говорова, М.Н. Андросовой, также олонхо писателей Эрилик Эристина и К. Урастырова. Ученый четко установил, что произведения устного народного творчества якутов имеют отточенный стиль, особую ритмику по закону звукового сингармонизма, слововую группировку строфики. Эти качества якутского стиха удачно используются современными поэтами. В перспективе – сравнительное исследование стиха эпосов народов Сибири. Сама постановка таких задач предполагает новаторство, фундаментальность и перспективность данного исследования. Поражает и то, что исследователь обладал обширными в области фольклора.

8. Как профессор кафедры якутской литературы, Тобуроков Н.Н. в течение 25 лет преподавал студентам, читая основные курсы лекций по истории якутской литературы и публикуя учебные пособия. Он впервые ввел в программу обучения в высшей школе изучение истории якутской литературы второй половины XIX века, «Теорию литературы» на родном языке, вел такие новаторские семинары, как «Методология научного исследования», «Поэтика драмы», «Поэтика художественного текста», «Поэтика И.Гоголева» и др. Руководил дипломными работами студентов. Уделяя большое внимание неразрывности учебного процесса, начиная со школы до заведения высшего образования, потому стал соавтором учебников для X-XI классов по якутской литературе.

9. Н.Н. Тобуроков также известен в республике как талантливый организатор науки:

– став в партийном аппарате республики инструктором по образованию и науке, работал в тесном контакте практически со всеми руководителями научных и образовательных учреждений республики. Например, с академиком Н.В. Черским, Председателем Президиума Якутского филиала СО АН СССР, П.И. Мельниковым, директором Института Мерзлотоведения, Г.И. Поповым, ректором Якутского государственного университета, Н.И. Шаринным, министром просвещения ЯАССР, П.А. Петровым, министром здравоохранения и т.д. Он боролся за внедрение в обучающий процесс школ результатов современных научных изысканий, поставил задачу обеспечить научными кадрами якутское литературоведение, в котором тогда работали всего два кандидата наук, конкретно помогал в работе института повышения квалификаций учителей и т.д.;

– будучи заместителем директора ИЯЛИ ЯФ СО РАН (1974-1994 гг.), он целенаправленно установил научные связи с научными институтами национальных республик. Он добился того, чтобы якутские филологи начали защищаться на диссертационных советах Казахстана, Бурятии и Башкирии. Был лично знаком с руководителями институтов с В. Найдаковым (Бурятия), А. Соктоевым (СО РАН АН СССР, г.Новосибирск), Ю. Аранчиним (Алтай), Д. Куулар (Тува), В. Асачоковым (Хакасия), А. Ахметовым (Казахстан), Р. Баимовым (Башкортостан), В. Родионовым (Чувашия) и с ведущими литературоведами страны, учеными ИМЛИ. В 1984 г. стал инициатором и организатором проведения 1 Всесоюзной литературоведческой конференции в г. Якутске, где принимали участие ведущие ученые со всей страны;

– Н.Н. Тобуроков, будучи профессором кафедры якутской литературы, добился открытия при Северо-Восточном федеральном университете Диссертационного совета Д.212.306.06 по защите кандидатских и докторских диссертаций по специальности «Литература народов Рос-

сии», который обеспечил научными кадрами, молодыми литературоведами университет и исследовательские институты республики;

– ученый впервые основал научную школу якутских литературоведов, подготовив 9 кандидатов наук, 3 докторов наук. Под его научным руководством также защитились ученые Тувы, Хакасии. Он основал стиховедческую школу во всей Сибири. Ученики Н.Н. Тобурокова стали крупными исследователями национального стиха и поэзии: в республике Саха (Якутия) – М.Н. Дьячковская исследовала аллитерацию и рифму якутской поэзии; П.В. Сивцева – типологию жанров в якутской поэзии, Л.Н. Романова якутскую поэзию начала XX века и творчество А.Е. Кулаковского; В.Г. Семенова – поэзию А.И. Софронова; Е.А. Архипова – поэзию И. Арбиты; М.П. Попова – современную якутскую поэзию, В.Б. Огорокова – особенности женской поэзии; Н.Г. Гаврильева – поэзию А.Е. Кулаковского; в Хакасии С.А. Майнагашев, в Туве У.А. Донгак – национальный стих и др. Проблемы и темы Н.Н. Тобурокова как исследователя прозы продолжили в своих работах Е.В. Федоров, В.Б. Огорокова. Также В.Б. Огорокова, А.А. Винокурова продолжают его исследования по литературам народов Севера. Ученики ученого организовали Всероссийскую научно-практическую конференцию с международным участием «Фольклор и литература народов Сибири и Северо-Востока РФ: теория и практика сравнительного изучения» (2013), посвященную 80-летию Н.Н. Тобурокова. В конференции приняли участие, кроме студентов и аспирантов СВФУ, более 50 ученых из Казахстана, Дальнего Востока, Бурятии, Тувы, Алтайского края, Чукотки. По материалам конференции выпущен сборник статей с объемом в 30,0 п.л. Под его наставничеством была открыта научно-учебная лаборатория «Художественное наследие и сравнительное изучение литератур Северо-Востока и Сибири РФ», ставившая цель объединения литературоведческих сил республик Сибири в исследовании истории и современного процесса художественной литературы. Таким образом, его ученики, продолжая научные традиции учителя, ведут исследования и по истории якутской литературы, поэзии и прозы, и по литературам народов Севера и Сибири.

Коллеги и ученики Тобурокова Н.Н. гордятся тем, что он как известный и крупный ученый республики за свою научную деятельность достиг высоких результатов и был авторитетом в научном мире, владеющим академическим уровнем знаний во всех областях филологии. Он с самого начала своего трудового пути ставил цель служить науке, вывести якутское литературоведение на отечественный уровень развития и много сил отдал подготовке своих последователей.

Творческий почерк Н.Н. Тобурокова глубоко индивидуален, он не только владел арсеналом научного исследования, но и смело ввел в якутское литературоведение свои новые новаторские идеи. Ученый-философ В.Д. Михайлов говорил, что научные исследователи бывают различного уровня: первые открывают новое в науке, вторые продолжают начатое другим ученым направление, а третьи становятся проводниками идей науки в массы. И отнес себя к двум последним уровням, так как считал, что открывающие новое в науке ученые бывают крайне редкими, единичными и великими. Н.Н. Тобуроков отвечал всем этим трем категориям ученых и его величие не вызывает ни у кого сомнений. Его отличают такие качества крупного ученого, как высокий профессионализм, принципиальность, широта познаний и эрудиции, влюбленность в свою работу. Он, несомненно, был одним из самых ярких, одухотворенных, преданных науке ученых в республике.

Все это показывает то, что исследователь продолжал трудиться, не покладая рук, отдавая все свое время любимому делу. Это был подвиг ученого во имя торжества идеи и ее результатов в науке. Н.Н. Тобуроков из тех редких ученых, кто соединил в своем труде теорию и практику, он за долгие годы работы выступил как историк, теоретик и критик литературы. Именно поэтому ВАК по защите докторских диссертаций присудила научную степень по двум специальностям – «Литература народов РФ» и «Теория литературы». Такого другого аналога в истории якутского литературоведения нет.

Николай Николаевич Тобуроков внес весомый вклад в развитие современного литературоведения как науки в республике и за ее пределами. Его самоотверженный труд высоко оценен Правительством РС (Я) и Российской Академией наук. Он – заслуженный деятель науки РС (Я), награжден Почетными Грамотами и знаками РС (Я), АН РФ, медалями «За доблестный труд в ознаменование 100-летия В.И. Ленина», «За трудовую доблесть», «За доблестный труд в период Великой Отечественной войны», орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени и т.д.

**ВЕСТНИК СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. М.К. АММОСОВА
СЕРИЯ «АЛТАИСТИКА»
VESTNIK OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY
«ALTAISTICS» SERIES**

Электронное научное периодическое издание

№ 2 (02) 2021

Технический редактор *Н.П. Артамонова*
Компьютерная верстка *А. М. Соловьева*
Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 29.09.2021. Формат 70x108/16.
Дата выхода в свет 30.09.2021.